

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 7 (678) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

На первой стр. обложки
«Небесные цветы».
Художник Михаил Пак

ПОЭЗИЯ

Владимир СОРОЧКИН	3
Виктор КАНАЕВ	83

ПРОЗА

Валерия НАРБИКОВА ПЛАН ПЕРВОГО ЛИЦА И ВТОРОГО Роман	13
Николай ЖЕЛЕЗНЯК ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ Повесть	26
Ольга КУЗНЕЦОВА СТРИПТИЗ Повесть (продолжение)	46
Юрий БЛИНОВ Из цикла «Сказки о земле СИБИРСКОЙ» ЗАКОН ЧТО ДЫШЛО	74
ПО ВСЕЙ МОРДЕ	77

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ / ТЕМА НОМЕРА

ОЛЕГ АНОФРИЕВ: «У НАС ЗА СПИНОЮ БЫЛА РОДИНА...» Разговор поддерживал Игорь Михайлов	7
---	----------

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ СТРАННАЯ ШТУКА	25
--	-----------

20-Я КОМНАТА (ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ)

Михаил ЛИТВИНОВ Фантастические зарисовки	41
--	-----------

РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА

Маргарита СОСНИЦКАЯ АНТИОБЛОМОВЪ К 200-летию И. А. Гончарова	70
--	-----------

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

// Пожалуйста, говорите по-русски! //

Марианна ТАРАСЕНКО ОХОТА НА ОБОРОТНЕЙ	86
---	-----------

// Беседы в беседке //

Петр ПУСТОВАЛОВ О СТРУКТУРЕ ТЕКСТА Беседа вторая	88
--	-----------

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Каролин Шервин БЕЙЛИ (США) ФЕРМЕР И ТРОЛЬ Перевод Евгения Никитина	93
--	-----------

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Михаил МОРГУЛИС СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ Воспоминания (продолжение)	95
---	-----------

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Виктор ГРЕЦКИЙ г. Москва	100
Ирина КОПАЕНКО г. Москва	101

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //

Валерий ИЛЬИЧЕВ АГЕНТУРНЫЙ РОМАН (продолжение)	106
--	------------

// Зеленый портфель //

Андрей ЛОПАТИН ПРО ЛИТЕРАТУРУ	112
---	------------

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА КОГДА ГОРБАЧЕВ ЕЗДИЛ К ТЭТЧЕРИХЕ...	114
---	------------

// VERIORA VERIS //

Шалун ГЕО, человек-гол ЗА АРШАВУ ОБИДНО!	115
--	------------

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность предоставленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,

ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,

Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Владимир СОРОЧКИН

Владимир Сорочкин родился в 1961 году в Брянске.

Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова).

Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах — «Наш современник», «Русская провинция», «Москва», «Молодая гвардия», «Смена», «Дружба народов», «Форум», «Литературная учеба», «Поэзия», «Московский вестник», «Волшебная гора» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Всемирная литература», «Белая вежа» (Минск) и других.

Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое “да”» (1997), «Завтра и вчера» (2005).

Лауреат Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» (2001), литературной премии «На земле Бояна» (2009), международной литературной премии им. Кирилла Туровского (Белоруссия, 2010), дипломант конкурса им. Сергея Есенина (1997), V Международного московского поэтического конкурса «Золотое перо» (2008).

Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России. Делегат XIII съезда Союза писателей России (Москва, 2008) и Первого съезда Союза писателей Союзного государства (Минск, 2009).

Главный редактор альманаха «Литературный Брянск», выходящего на Брянщине.

Ночной звонок

Прохожу под стекольный звон
В расцарапанный таксофон;
Рукавами, пустыми вдрызг,
Невесомый вращаю диск.

Три, четыре, и два, и пять
Бесконечно хочу набрать,
Но сквозь гул отвечает мгла:
«Эта женщина умерла...»

«Извините! — кричу в провал. —
Я опять не туда попал...»
Шепчут, трубку не положив:
«Неужели еще ты жив?...»

Под волнами

Ты уходишь легко, ты меняешь покрой
И расцветку нарядов своих, только где ж там —
Сотворенной из плоти и пены морской
Не привыкнуть к жилищам земным и одеждам.

Ты, смеясь, оживляешь и ворох тряпья,
И холодные стены, и даль между нами.
Лишь идущий ко дну понимает тебя
И растерянно ищет тебя под волнами.

Окно

Как искрящийся луч на осевших снегах,
Как негданный град, проходящий по зною,
Ты колдуешь, витая в своих облаках
И — не в силах поделаться что-либо со мною.

Не печалься, короткие дни торопя,
Отставая от их бесконечного танца:
Я уже не смогу стать другим для тебя,
Но — и светом, и градом — со мною останься...

Вряд ли будет когда-нибудь все решено
Между нами... И смотрится как-то нелепо
Часть стены, незакрытое шторой окно...
И за ним — ничего, кроме долгого неба.

У костра

Бледный, бескровный дым стелется по земле.
Сморщенная трава высохла на миру.
Вздрагивает костер на золотой золе,
Чтобы скупой огонь ночь осветил мою.

В жаркие небеса искры скользят окрест,
Кратких путей своих переплетая след,
И — посреди глухих, непроходимых мест —
Чем нестерпимей мрак, тем неизбывней свет.

Рвутся, как лоскуты, и обгоняют глаз
Жесткие языки пламени на ветру.
Нет ничего во мне, чтобы жалеть сейчас,
И возродится явь, перегорев к утру.

И сохранит себя, и повторит точь-в-точь
То, что не знает жар, связывая лучи.
Любящий свет огня должен любить и ночь,
Но — не ищи во мне правды огня в ночи.

* * *

Запомни все, что жизнь остановила
Там, где, увы, ушедшего не счесть, —
Но было б лучше, если ты забыла
Меня, как забывают то, что есть.

Как забывают миг, пронзенный светом,
Как забывают долгие года:
Все то, что будет рядом, но при этом
Принадлежать не будет никогда...

* * *

Позабудь хотя б на миг о жажде,
Белый свет испив, как молоко.
Уходи туда, где солнце жарче
И сильнее сердца моего.

Безоглядно, ни о чем не споря,
И уже спокойно и легко,
Уходи туда, где зелень моря
Бесконечней взгляда моего.

И — покуда день пригож и светел,
И — доколе ты светлее дня,
Уходи туда, где даже ветер
Трепетней, чем губы у меня.

Уходи — туда, где на просторе
Золотится солнце в вышине,
Где тебе ни ветер и ни море
Ничего не скажут обо мне...

ЖАР-ПТИЦА

Этот сон все равно повторится,
И не раз, и не два, и не три:
Пролетит темной ночью жар-птица,
Обжигая меня изнутри.

Не проронит ни крика, ни слова,
Только яркой блеснет полосой
Над соломой безмолвного крова,
Над притихшей зеленой росой.

Полыхнет и угаснет без срока,
Превращаясь в рассыпанный чад,
Унося за собою высоко
Этот дом, этот луг, этот сад.

Только жизнь и оставит, безмолвный
Для тебя открывая рубеж,
Чтоб искать ослепляющих молний
Посреди беспросветных небес.

* * *

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь — жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

* * *

Ночь прозрачна в своей черноте, как обман.
Видишь — жизнь превращается в хлам,
И ущербной луны золотой ятаган
Рассекает ее пополам.

Звездным бисером свод над тобою расшит,
Но вблизи виден отсвет иной,
И седой мотылек-огонек задрожит,
Как припадочный, в толще ночной.

«Уходи», — шепчут листья и сводят с ума.
«В никуда», — вторит им темнота.
«Навсегда», — точно эхо, шевелится тьма,
Немотой замирая у рта.

«Ухожу», — я кричу, точно загнанный тать,
«В никуда», — никого не кляня.
«Навсегда», — я пытаюсь еще прошептать,
Чтоб никто не услышал меня.

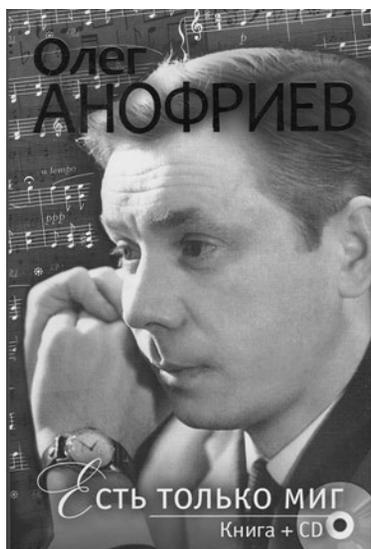
Кто ты, что ты теперь — никому невдомек.
Ты идешь, ты течешь, как вода,
И летит путеводной звездой мотылек,
Сам не зная — куда.

ОЛЕГ АНОФРИЕВ: «У НАС ЗА СПИНОЮ БЫЛА РОДИНА...»

Журнал «Юность» побывал в гостях у известного и любимого многими зрителями актера театра и кино, композитора, поэта и исполнителя песен народного артиста России Олега Андреевича Анофриева.

Олег Андреевич встретил нас в своей студии на втором этаже основательного (как и сам хозяин) дома в Аксиньине. Начинаем беседу с книги биографической прозы «Есть только миг», которая не так давно вышла в одном из московских издательств. Анофриев — писатель?

— Олег Андреевич, Вы когда-нибудь публиковались?
— Вообще-то я нигде не печатался, кроме как в периодике. Что-то в газеты попадало, вот и все. Но жутко хочу, чтобы вы познакомились с моими монологами, моими портретами и прозой. Вы не читали мою книгу?

— Я читал отрывки на Вашем сайте... Мне очень понравились Ваши воспоминания — теплые, хорошие.

— Да, и парадоксальные. Все это я очень люблю. Моя первая книжка — она же единственная — вышла в 1999 году, потом была дополнена и расширена. Тут все то же, что и в большой книге, но мало прозы. Практически вся проза попозже пришла. В этом томе — прозаические портреты, сценарий, либретто моей любимой шварцевской сказки «Тень», где просто записаны все мысли по поводу пьесы Шварца в рифму. Они зарифмованы, и вроде бы уже наполовину и мои. Вот поэтому, сохраняя неприкосновенность авторской мысли, я позволил себе творить на эту тему.

— Либретто — значит существует и музыка?

— Конечно! Более того, два театра уже поставили этот мюзикл. Один из театров — очень достойный, но артисты подкачали. Они не загубили спектакль, но сделали его очень посредственно. Другой театр — в Мытищах, молодые ребята из Щукинского училища. Славнейшие люди, прекрасные ребята. Но таланта нет.

— Такие голоса, как у Вас, попадаются нечасто...

— Да не в этом дело! Надо играть! Один из артистов этого театра играет неплохо, вот на него зри-

Первая роль в кино. Стиляга Эдик

тели реагируют, смеются, а остальные — глубокие провинциалы.

Еще у меня есть мюзикл по пьесе Леонида Жуховицкого «Последняя женщина сеньора Хуана». Я его сочинил в 90-х. В те жуткие годы, когда никто никуда не ходил, все театры горели. Но в эти годы мне удалось поставить еще один музыкальный спектакль. Он понравился худсовету, Татьяне Шмыге и Владимиру Тартаковскому. Получился очень хороший мюзикл «Сеньор Хуан». Премьера прошла с огромным успехом.

— Его удалось запечатлеть на видео?

— У меня остались кое-какие фотографии... Почему так мало пишу музыки? Стопроцентно, из-за моего непостоянства. Из-за жуткой лени. Как все гениальные люди (*смеется*), я быстро остываю, устаю и перестаю работать над спектаклем. Без моего участия в спектакль начинают вводить вторые составы, которые превращают его в средней руки представление, а потом это все быстренько сходит на нет. Тем более что жанр в смысле исполнительского искусства оказался многим не по зубам. Они пели его в стиле хеви-метал. Но меня уже там не было, я со всем этим тогда завязал.

Что касается литературы, то я начал читать поздно. Я был этакий недоросль, который довольно долго знал только «Жили у бабуся». А где-то после тридцати или даже сорока начал читать уже серьезные книги. Я и сейчас считаю, что читаю лишь кое-что.

— Ваша первая серьезная книжка?

— С чего все началось? Ну, я не могу так точно сказать. С Меррежковского, наверное... Советских

писателей я совсем не знаю. Да и современных тоже не очень, Акунина там и т. д. Мой интерес закончился если не на Карамзине, то во всяком случае где-то в этом периоде.

Сейчас читаю очередную историю России. Историй этих я перечитал, по-моему, вариантов десять. Мне история не кажется чем-то отжившим, скучным, она порой гораздо более эмоциональна, чем мир уличный, дворовый. Случается, читаю что-нибудь по философии.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, если мы будем задавать вопросы, на которые Вы уже десятки раз отвечали. Очень интересно узнать, откуда истоки Вашего голоса, любви к пению, такого радостного солнечного тембра?

— Самое главное — чтобы мне не скатиться на рассказ про то, о чем обычно спрашивают пионеры. Я имею в виду разные телеканалы, которые приходят и задают дежурные вопросы: «Скажите, а вот как вы разными голосами поете?», «Скажите, вы были знакомы с Раневской?» Я им говорю: «Ну почитайте книгу-то! Для начала...»

Хорошо, я изо всех сил не буду обижаться на вас и стану отвечать на все эти вопросы. Но мне хотелось бы раскрыться уже посерьезней, а иначе — зачем рассказывать то, что я рассказывал много раз? Не хочу повторяться.

— На чем же настоян Ваш волшебный солнечный голос?

— Давайте будем избегать таких слов, как «солнечный голос». Что касается моего пения, то голос у меня действительно не то что необычный, но узнаваемый. И по первопутку, когда я становился популярным, очень многие (это было очень модным тогда) пытались сделать пародию на меня. Никто не смог! Ближе всех подошел Геннадий Хазанов, но и то это больше было этакое «лошадиное ржание». Поэтому я смею считать, что у меня голос не уникальный, нет, а своеобразный. Причем настолько, что меня можно узнать. Как Валентину Толкунову, к примеру, и еще нескольких моих коллег, которых ни с кем никогда не спутаешь. И меня, пожалуй, тоже ни с кем никогда не спутаешь.

Откуда все это пошло? Пожалуй, от музыкальности моей матери. Мама пела в хоре Соколова. Пела даже во время войны, в 45-м, когда было не так страшно и уже начали появляться самодеятельные хоры. Мама ходила на хор и таскала меня с собой. Я постепенно все это в себя впитывал. Какие песни? В школе не помню какие, а вот в доме звучали опереточные дуэты отца и матери. Помню, как слезы наворачивались у меня, пацана, на глаза. Когда мать пела арии из «Травиаты», я рыдал. Она даже не пела, а напевала. Отец был тоже, по-видимому,

музыкальным человеком, но в гораздо меньшей степени. Просто мать заставляла его петь вместе с нею. Я не слышал в их исполнении советских песен. Сам же я очень любил советские песни потому, что это был целый мир. Мир, который никогда уже не возвратится. Мир, наполненный людьми, звуками, музыкой, мелодиями, которые не только стали основой всей советской музыки, но впоследствии, может быть, и современной. До тех пор, пока не ворвались, как бандиты, налетчики-попсовики, которые все свели к формуле: доминанта — тоника — субдоминанта — тоника. Все, больше ничего!

Хороших исполнителей было немало, и мы пели хорошую музыку. А какие были композиторы! Саульский, он будет попозже, а до него — Островский, например. Он был очень хорошим мелодистом. И не только он. Колмановский, который у меня на глазах из музыкального редактора превратился в композитора после того, как написал музыку к «Двенадцатой ночи» в Художественном театре. Таривердиев, которого я обожал и не принимал, потому что он писал одновременно и популярную музыку, и очень смурную — на стихи Маяковского. Он мне как-то позвонил, говорит: «Давай запишем песни на стихи Маяковского “Тучки-тучки”». Это было такой смурью... Я был не готов к такой музыке.

Когда я пошел в школу, у нас в студии были уроки по истории музыки, и преподаватель приносила пластинки. И как-то раз поставила «Ромео и Джульетта» Прокофьева. «Что вы скажете?» — спрашивает. Я: «Ну что я скажу... Есть подо что подножки ставить». Вот настолько я еще не был готов тогда к более или менее серьезной музыке. А Прокофьев и Шостакович считались для нас довольно трудными композиторами и... смурными немножко. Сейчас уже понимаю, что это был мой следующий музыкальный этап. Уже сейчас я могу позволить себе такое хамство, как сказать, что Чайковский — это так, напевчики. Ну, упражнения музыкальные. Больше всего меня сейчас умиляет, как «до-ре-ми-фа- соль», что Чайковский взял фразу из «Биг-Бен», и получилась очередная его мелодия. Я знаю, что несу чушь, потому что Чайковский остается обожаемым мною гениальным мелодистом. Впрочем, как и Гершвин.

Я не зря ставлю их рядом. И тот и другой — необычайные мелодисты, чуть пожизне — Хренников. Потом, гораздо позже, вырвался для меня на широкий простор мой в прошлом друг (когда-то начинали вместе, а теперь давно не дружим) потрясающий Геннадий Гладков.

— Знаменитый сочинитель «Бременских музыкантов»?

— Да «Бременские музыканты» — это ерунда! Дальше — «Необыкновенное чудо»! Тут он еще

«Сказка о потерянном времени», 1963

больше открывается как потрясающий композитор со своим сопряжением несопрягаемых гармоний. И для меня, пожалуй, он один из самых мощных учителей в музыке. Хотя мы с ним рассорились на «Бременских» и с тех пор почти не общались. Но я все равно ревниво слежу за его музыкой. Я его просто обожаю.

— Как получилось, что Вы учились музыке, а потом пошли все же в актеры?

— С пятого класса у нас в школе был драмкружок. В кружке — хороший педагог. Голос мне никто не ставил. Я просто чутко прислушивался к тому, как надо петь. Еще одна интересная вещь: дело в том, что мой дядька, мамин брат, тоже был очень музыкальным человеком. Более того, заслуженный артист, вокалист сначала в Театре Станиславского, потом Театре оперетты, — Борис Гаврилович Струлев. Он был очень музыкальным, но с жутким характером, таким как у меня. (Смеется.) Когда ему не дали Сталинскую премию за исполнение главной роли, он хлопнул дверью, ушел из Оперетты и вообще ушел из музыки. Есть такая у нас черта анофриевская... поганая, может быть... а может быть, и нет, именно она делает нас людьми. А потом он так и жил, где-то пел по клубам самодеятельности, преподавал, писал музыку. Его дети все — музыканты, и хорошие музыканты. Так что истоки моей музыкальности, наверное, в генах.

— Ваша первая роль в театре — Василий Теркин — тоже ведь музыкальная?

— Теркин — не первая моя роль. Первая — мюзикл «Димка-невидимка». Причем мне повезло сразу напасть на такого композитора, как Вайенберг. Извините, это такое счастье! Это — ге-

Один из первых ведущих «Голубого огонька»

ниальный композитор! Такие мелодии дано писать не каждому. А я сразу напоролся на него. Ссорился с ним, спорил, когда музыку писали. Он относился к этому с юмором. Вайенберг был такой худенький, сутулый, потому что прошел через отсидку.

Так что самые первые роли у меня были музыкальными... И в «Василии Теркине» я тоже пел. В этом спектакле был трагический монолог: «Шли худые, шли босые в неизвестные края...» Целую песню я вставил в этот монолог. Это очень эмоционально воспринималось зрительным залом. Записей ни спектакля, ни песни не сохранилось. И я, к сожалению, эту музыку не могу восстановить.

Но я сейчас пишу песню за песней. В последнее время я скатился на сатиру — пишу сатирические песни. У меня десять песен собрано в один диск. Я условно назвал их «Прикольные». Туда включил и нашу политику. Кто-то мне писал: «Неужели вы замарались политикой?» Но я же не могу не реагировать на то, что происходит вокруг.

— *Те времена тоже не назовешь светлыми. Жизнь была трудная, послевоенная, но несмотря на это и в песне, и в кино такой свет, такой неистребимый гуманизм. Как это удалось?*

— За спиной была Родина. Сейчас нету ее.

Да, был Сталин, потом Хрущев и Брежнев. Но это была та сторона жизни, которой мы не касались. Для меня всегда существовала другая жизнь — музыкальная. Жизнь оперная. Жизнь балетная. Жизнь литературная, в конце концов! Все наши литературные гении тоже появились в те годы.

— *Государство вкладывало немалые деньги в музыку?*

— Я бы сказал так: государство давало деньги. Выделяло немалые деньги. А вот давать... Давали те органы, которые руководили музыкальным или литературным процессом. Вы же знаете, что литературные премии давались не просто так, а союзами писателей. Кто-то не попадал в списки, такие как

Платонов, никогда бы не попали, кто-то очень лихо проходил, а кто-то за хорошие произведения имел справедливые награды. Но все-таки все шло на литературу. А сейчас все идет на Мальдивы.

— *И все же Хренникова читали больше, чем, скажем, Шостаковича...*

— Да в порядке был и Шостакович! Никто его не трогал. Кто его после героической «Ленинградской» мог тронуть? Другое дело, что он как человек из «Шинели» гнулся — гнулся, терял силы. А потом в конце концов и вовсе растратил свои кондиции. А в это время музыкальная мощь росла и росла, и он всего себя отдал музыке. Перелил себя в музыку.

— *Потом у Вас пошли более серьезные драматические роли в кино, но Вы не пели. Или пели не всегда.*

— Почти всегда. Незаметно, но почти всегда. С кино мне не повезло, или, вернее, я не пришелся нашему кинематографу ко двору. Хотя у меня пятьдесят фильмов, но это все — ерунда... Все это средней руки актерские работы. Потому-то я и бросил все в конечном итоге. В 50-е годы я ушел из кино. Просто понял, что не хочу быть мальчиком при герое, который должен высказывать свои мысли, а мальчик, раскрыв рот, должен подтверждать или отрицать. Ведь герою надо к кому-то обращаться? Таких ролей я сыграл превеликое множество.

А что касается музыки, то нет такого фильма, где я бы музыкальный фрагмент не вставил. В фильме «Девушка с гитарой» — пел, «За витринами универмага» — тоже, и не одну песню.

— *А вот в фильме «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» Вы сыграли самого себя, музыканта...*

— Дело было вот в чем. Все мы были объединены одним названием — «популярны». Козаков играл Козакова, я играл себя, Вицин был Вициным. Я пел, а их озвучивали.

А сколько было озвучек, о которых даже никто ничего не знает! «Пока безумствует мечта» на музыку Гладкова, мюзикл прошел незаметно, но это был шикарный мюзикл. Мы играли трех летчиков. Я играл японского летчика. Михаил Боярский — американского, а Сергей Мигицко — французского. Мы бастовали из-за того, что нам не платили зарплату. Потрясающий мюзикл! Он вышел в тот период, когда еще зритель не созрел. Прекрасная хореография, замечательные мелодии, потрясающий набор актеров. Я пел за Владимира Басова, за Виктора Павлова, ну и за самого себя, разумеется. В общем, когда нужно было за кого-то спеть, все обращались ко мне.

— *А в «Инкогнито из Петербурга» Вы не пели?*

— Нет. Там нечего было петь. Переумничал Гайдай и с этим фильмом. Попытался залезть в политику

ку с этой лужей посередине... Да и вообще подобрал не тот ключ, как мне кажется.

— Можно сказать, что Вы постоянно разрывались между кино и театром?

— Можно сказать, что я — человек свободный и вел себя совершенно независимо. Со мной мириться до тех пор, пока со мной можно было мириться. Как только это становилось невозможным, потому что я — «кошка, которая гуляла сама по себе», я сам это первым чувствовал и уходил. Когда я пришел в театр Моссовета на роль Василия Теркина, то должен был занять место Бориса Новикова. Он со скандалом ушел из театра, потому что всех переоскорблял, кого только можно было оскорбить, самым крутым образом. Зная, что он уже не вернется, я дал согласие играть. И сыграл Теркина с успехом, но не вписался в семью во всех смыслах... Короче, не вписался, и со второй роли мое место занял Геннадий Вакулов, который сразу вошел в семью твердо, семейно и с полной опекой над ним. А я остался не у дел. Мне оставалось пить кофе в буфете, приходиться на репетиции, потому что меня стали ставить во второй состав, что для меня было абсолютно оскорбительным. Я демонстративно пил кофе, разговаривал с коллегами. Потом шел в репертуарный отдел: «Будьте любезны, с 1 по 20 апреля дайте мне отпуск». «Да, но у вас тут спектакль с Жженовым...» Я отвечал, что сам договорюсь с Жженовым.

Я договаривался, потом ездил халтурить со своими сольными концертами по всему Советскому Союзу. Спрос на меня был большой. Деньги были маленькие, в том смысле, что ставки были невелики. А без ставок тогда работать было нельзя — прямая тюрьма. Это потом появились разные «Ласковые май», которые работали без всяких налогов с черной кассой. Мы работали по ведомости, и все же удавалось заработать. На «Волгу», скажем, можно было заработать в течение года. И я купил «Волгу», что по тем временам было очень даже неплохо.

Или я подходил и говорил, что мне нужно ехать в ГДР, выступать в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). Составлялись группы, и Анофриев везде годился. У меня был уже набор специальных песен, я брал с собой аккомпаниатора и был украшением этих концертов. Я уезжал, ходил по комиссиям, покупал барахло, привозил жене и дочке. В общем, такая жизнь началась, ну не делового человека, а... не высшего сорта. Я ездил по провинции... Ну чем сегодня кончают звезды, которые вышли из моды? Заканчивают Челябинском или Томском.

Но совесть человеческая и творческая заставляла меня все время думать о том, что я должен еще

Первая запись на пластинку

что-то создать. И тут параллельно шла большая домашняя работа. Так я написал один мюзикл, потом — второй. Так я подбирал стихи свои, пародии и портреты. Появилась первая моя книжка, потому что я очень любил биографии, в которых рассказывается, кто кого любил, от кого ушел и т. д.

— Какие песни являются Вашей визитной карточкой?

— Визитная карточка всегда мешает сделать хороший, полноценный концерт. Мой джентльменский набор у меня даже на мини-дисках сохранился под названием «Концерт». Наступив на горло собственной песне, я оставляю только то, что хочет зритель. А это — «Путь к причалу», «Там, где кончается асфальт», «Это было недавно, это было давно», «Есть только миг», «Все было когда-то», «Львенок и черепаха», «Песенка трубадура», «Какая песня без баяна». Песня хорошая, но по скандежу проходила далеко не первой, потому что она распеваемая и по мелодии довольно сложновата. А тут нужно держать тонус в зале, делать так, чтобы тебя не отпускали. А тебя не отпускают, если ты поешь шлягер.

К чему и пришла наша родная попса. За редчайшим исключением. Например, говорить недоброе или критические слова в адрес певицы Пугачевой у меня язык не повернется. Она одарена от природы еще и актерским талантом — это раз. А во-вторых, так как она делала свои песни, больше никто не делал. Больше никто так не пел! Ни Аллегрова, ни София Ротару. Пугачева необыкновенно музыкальна!

— Олег Андреевич, каким образом Вы пересеклись с Юрием Ряшенцевым, поэтом «Юности»?

— Я относительно недавно работал с ним в передаче у Светланы Сорокиной. И еще позже на одной передаче... Когда он занимался мюзиклом «Метро», я был уже абсолютно не у дел. И нельзя сказать, что мы не совпали со временем...

Сам пою, сам слушаю

Когда мне захотелось сделать фильм, я снял комедию и сделал мюзикл «Бродвей моей юности». У меня он называется — «Гимн влюбленным». Написал хорошую музыку. Но я — не кинорежиссер! Александр Лазарев играл на пару с Немоляевой, а вторую пару играли Галина Польских с Владимиром Гусевым. В фильме всего четыре действующих лица. Это было предтечей бенефисных спектаклей. Но фильм сняли с проката.

Хотя я написал музыку и отдал ее шикарному оркестровщику. Я снял фильм за восемнадцать смен. Но нельзя, нельзя так подходить к искусству! Я решил, что я все могу, и все так быстро... С другой стороны, выбора не было — Лазарев и Немоляева мне дали всего восемнадцать дней. Да и Польских тоже! Еще бы немножко — и получился фильм, а так вышел плохой телевизионный спектакль. Забавный, смешной, но не скажешь, что это произведение искусства. Так, поделка музыкальная.

— *Вы сейчас продолжаете концертную деятельность? Выступаете?*

— Да нет. Выступаю... до магазина и обратно. Но записываю и пишу все время.

Это все потом выливается в диски. Эти диски лежат по всем углам, и я дарю их своим друзьям.

Есть у меня один набор в четыре диска. Первый — «Львенок и черепаха», классический. Второй — «Друзьям с Рублевки», это песни, посвященные окружающим местам, это сатира:

На рублевских перекрестках раньше яблони цвели,
Доставали нас подростки, чтобы в школу подвезли...

В общем, есть хорошие песни. Но все они опять-таки — мимо зрителя. Третий диск — ремейки моих песен, он называется «Песни моей молодости». Я вернул их из небытия, где-то отыскал в Интернете жалкие ошметки тех или иных песен, восстановил их, оцифровал и сделал целую пластинку, четырнадцать песен: «Песенка Кати», «Еду, еду я по свету...», «Песенка почтальона»... Там же песни, которые я никогда не пел, но которые относятся ко временам моей молодости: «На Дальнем Востоке акула охотой была занята...» — о том, как японцы занимались ловлей рыбы в российских водах. Утесов ее здорово исполнил.

Еще замечательная песня: «Звени, золотая, шуми, золотая, моя золотая тайга»... Ее в свое время пел Пушкин. Это потрясающие песни, самые мои любимые. Или вот эта: «Далеко-далеко за морем».

Или — удивительные песни, которые пел Рыбников.

Тишина за Рогожской заставою,
Спят деревья у сонной реки...
Лишь составы идут за составами,
Да кого-то скликают гудки...

Ах, какие композиторы!

— *Не кажется ли Вам, что волна попсы схлынет? Она подпитывает пустоту...*

— Мы все выросли в советское время, и мы все знаем, что никто ничего просто так не делает. И если появляются идиоты, которые ходят без порток на экране, то, значит, это кому-то нужно? Часовые передачи! Нам все время говорят: «Телевидение — это же такое дорогое время!» А на экране часами выясняют невыяснимое... Часами! Кто за это платит? Один простой вопрос: кто?

Знаете, на все эти вопросы есть ответы в моих книгах. Должен, правда, сказать, что никто мои книги всерьез не читает. Вот я отдаю их своим друзьям, дарю. Или их покупают. Приходят: «Дайте десять штучек для друзей». В книге есть эпиграмма на очень известного писателя...

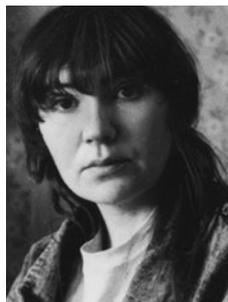
— *Закончим интервью на оптимистической ноте: что бы Вы хотели пожелать своим поклонникам, которые вас помнят и любят?*

— Я вам так скажу — у меня добросердечное и шкурное пожелание: «Дорогие читатели журнала «Юность»! Я хочу, чтобы вы увидели наконец мое имя на страницах вашего замечательного журнала, который вы любите. И чтобы вы познакомились со мной поближе как с писателем, поэтом, пародистом и просто как с человеком!»

Разговор поддерживал Игорь Михайлов

Валерия НАРБИКОВА

Валерия Нарбикова родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор десяти романов, выходявших на английском, французском, немецком, японском и других хороших языках. С 1978 года занимается живописью. У нее было несколько персональных выставок в музеях и галереях, она принимала участие в групповых выставках.

ПЛАН ПЕРВОГО ЛИЦА И ВТОРОГО

РОМАН

— Это иррационально.
 — Но меня зовут Ирра.
 — Вас зовут с двумя «р»?
 — Меня зовут Ирра.
 — «Иррационально» я бы написал с большой буквы в вашу честь.

Для симметрии было десять часов десять минут. Санки перерезали пьяного, дети похоронили его, орудуя лопатками. В соседней квартире давали «Золушку» Россини.

— И вам действительно столько лет? — спросила Ирра. — А фамилия у вас доисторическая, Достоевский.

— Можете звать по имени.

— По какому?

Он сказал.

— По такому лучше не звать.

Гаражи, сооруженные из лифтов, потому что. По трамвайной линии прошел последний трамвай, а потом пошел поезд.

— Там поезд, — показала Ирра в окно.

— Бывает, — ответил Достоевский.

— Поезд, — повторила она. И пока состав окончательно не исчез, она смотрела на это чудовище. — Почему-то поезд, — сказала она в третий раз.

Она попросилась спать, он принес ей подушку, и она заняла всю постель. И он занял всю постель.

— У нас ведь дружба, — смутилась она.

За это время наступил новый год. Кошка ругалась плохими словами, и не наступало утро.

— Принеси, пожалуйста, попить, — попросила.

— Ты же с крау.

Она его не убила за это. Она встала, сама попила и заодно сделала наоборот.

Достоевский тут же заснул, у него изо рта потекла слюна — большая редкость, которая капнула на открытую книжку Кузмина, тоже большую редкость, на один из пятисот экземпляров «Леска». Капля посидела-посидела на мелованной бумаге (какой разврат для двадцать второго года!) и впиталась. За стеной закричал грудной ребенок: «Уа-йльд, Уа-йльд».

— Ты слышишь, — сказала она.

Он не откликнулся.

— Ты слышишь, что он кричит? — повторила Ирра.

— Что, поговорить хочется? — сказал он сонно.

— У тебя это было когда-нибудь с мужчиной?

— Нет.

— А кто любил Ганимеда? Зевс?

— Он всех любил.

Может быть, у подъезда стояла лошадка-девушка, а может быть, такси.

— А этот твой друг Тоестльстой, о котором ты говорил, с ним было?

— Я разве говорил? Даже если он Тоестльстой, это ничего не меняет, может быть, поспим?

Их расстреляли спящих длинной очередью: газами, скопившимися в водопроводной трубе. Они встали одновременно, два милых мертвеца, и расхаживали по комнате до первых петухов, точнее, до первых трамваев. Она просто так показала фиг и спросила:

— Фиг — это не международный символ?

— Нет, — ответил он, — голуби — это международный символ.

— Я хотела бы, чтобы ты мне сразу объяснил насчет пластинок, расскажи мне про дорожки и про то, как там воспроизводится музыка. Например, если мы сразу все умрем, например на войне, и если потом когда-нибудь найдут кусочек пластинки, ведь не поймут, что это такое, скажут, что это такая порода или еще что-нибудь. Я уже кое-что поняла насчет кораблей, почему они не тонут, теперь осталось насчет пластинки.

— А у тебя что было до меня?

— Был один мальчик, а потом оказалось, что он — альфонс.

— Но не Доде?

— Не Доде и даже не испанский король Альфонс!.. И насчет самолета тоже. (В небе, например, показалось.) Это самолет? — спросила Ирра.

— Это не самолет.

— Мне тоже так кажется.

Они рассматривали эту вещь в небе, она, конечно, напоминала самолет, но в то же время и не напоминала.

— Это самолет, — сказал он и отвернулся от неба.

— Почему ты так думаешь?

— Стоит только усомниться в том, что это самолет, и начинаешь сомневаться во всем остальном. Там на горизонте должен светиться дом. Видишь его?

— Но это не дом, — сказала она.

— Правильно. Поэтому то, что мы видим в небе, — это самолет, а на горизонте — дом.

— А в сперме тридцать миллионов сперматозоидов, да?

— Может быть, не помню сколько, это нужно спросить у какого-нибудь малыша. Они роются по разным справочникам и знают, сколько сперматозоидов, сколько яйцеклеток, что такое половой акт.

— И тебя это не удивляет?

— Меня удивляет, почему по реке плывет топор.

Повсюду были скрепки, они блестели и скрепляли все подряд. На стуле стоял мясной компот, на полу лежал медвежонок, она взяла его в постель и обнимала так сильно, что у него оторвалась лапка, и она вздрогнула от омерзения, и медвежонок упал и прилип к полу.

Она спросила, как его дразнили в детстве, он ответил: «Додо». Она спросила, знает ли он, что по-французски это обозначает «бай-бай», он ответил, что знает. Она спросила, нравится ли ему с ней бай-бай, он ответил, что нравится. Она спросила, можно ли и ей так называть его, он ответил, что можно. Она выглянула на балкон, а там шли: пешех 50 тысяч, да плясцов 100 человек, да коней про-

стых 300, да обезьян за ними 100, да бл...й 100, а все гаурыкы, что обозначает «девушки».

I.

— Можно съесть макароны с сыром, — предложила Ирра, — так они невкусные, а сыром одним все равно не наешься.

— Ты так много говоришь, как будто у тебя есть сыр.

— Если бы он у меня был, я бы не задумываясь съела его вместе с макаронами, если бы они у меня тоже были.

— Уже можно одеваться.

— Но ты же меня не любишь, — сказала она.

— Не лежать же из-за этого все время в постели.

— Тогда, конечно, можно одеваться.

— Но ты же меня тоже не любишь, — сказал он.

— И куда же ты пойдешь одетый? — спросила Ирра.

— Пойду посмотреть, что вокруг растет.

— А мне что делать?

— Слушай, если ты не знаешь, что тебе делать, делай то же самое, что делаю я. Я одеваюсь — и ты одевайся. Я выхожу на улицу — и ты выходи. Я иду по своим делам — и ты иди по своим делам. Я сплю с другой женщиной — и ты спи с другим мужчиной, поняла?

— Я поняла. Тогда я тоже пойду и посмотрю, что вокруг растет.

Для этого необязательно было выходить на улицу, потому что все было видно из окна. До самого горизонта постройки располагались так, что не мешали друг другу, и можно было смотреть на каждую в отдельности. Неожиданно он сказал про солнце, и ей было приятно, что он его заметил, потому что она его заметила еще раньше. Трамваи шли друг за другом как исключения: сначала стеклянный, потом оловянный, потом деревянный; потом Достоевский сказал:

— У меня сегодня много дел, кроме того — одна деловая встреча, ты можешь пойти со мной, но только ведь ты будешь там шутить.

— Я не буду, — сказала она.

— И пожалуйста, никаких «Додо».

— Что же, мне тебя по имени-отчеству называть?

— Да, лучше по имени-отчеству.

— Тогда, может быть, ты меня тоже будешь называть по имени-отчеству?

Он посмотрел на нее издалека, она стояла в его тапочках, в его рубашке, в своих колготках, в его комнате. Видимо, сейчас он ей не нравился, и она хотела, чтобы он называл ее по имени-отчеству. Он подумал, что сейчас что-то должно случиться, но все

равно назвал. Она спокойно пропустила это мимо ушей и спросила:

— Ты будешь есть картошку?

Он испугался этого вопроса.

— А ты? — спросил он.

— Я тебя первая спросила.

Тогда он понял, что все хорошо, и сказал, что будет. Картошка была, чай был, кофе (если с молоком, то было, если без молока, то был), но не было ни того ни другого. Недолго говорили про картошку и про соль. «Соленая?» — «Нет, недосоленная». — «А мне кажется, вполне соленая, но ты можешь посолить, дать тебе соль?» Очень быстро прошел день, и Достоевский стал собираться. Она еле-еле ковырялась, и он насильно натянул на нее платье. Он совершенно правильно застегнул его, и она догадалась почему.

— Я знаю почему, я все знаю.

— Еще одна минута, и я уйду один.

Наконец они вышли. Около светофора играла музыка, было очень много народу. Люди стояли все вместе большой толпой, и никто не приглашал друг друга танцевать. Машины разбрызгивали холодную грязь и уезжали.

— И что ты скажешь на деловой встрече? — спросила Ирра.

— Скажу, что мне очень приятно и что я хочу выпить, чтобы сохранить память о ней.

— А потом что ты сделаешь?

— Потом я подам руку, чтобы мне ее пожали, и улыбнусь.

— А я что буду делать?

— Ты будешь стоять с краю и смотреть.

— А если я рассержусь?

Он поторопил ее, и они успели сесть в автобус. Сначала впереди шла трамвайная линия, и он забыл, что едет в автобусе, и думал, что едет в трамвае, поэтому когда линия кончилась, он от резкого тормоза повалился вместе с другими пассажирами, но вовремя вспомнил, что все хорошо, что это не крушение и что он едет в автобусе. Она же сидела и, может, поэтому сказала:

— Дурацкий трамвай, так болтается.

Он увидел впереди рельсы и подумал, что она права, трамвай был трамваем, автобус — автобусом.

Они уехали на восток города, там уже не было рельсов, автобус долго пробирался сам по себе и остановился в месте не очень красивом. Напротив остановки стоял киоск, в котором продавали. И дом, в котором. Наверху была вывеска, там не горели крайние буквы, но так было тоже понятно: «ости-ниц». Там им подарили подарки: ей — маленькую шоколадку, ему — значок.

— Ты довольна? — спросил он.

В комнате было много яичной скорлупы, стены художественно потрескались, чулки художественно поехали, но их не облупили, но их не зашили, в окно была видна остановка, и к ней подъезжал автобус, на который они не успели, и еще один, на который не успели, и последний, на который, слава богу, успели.

— Слава богу, успели, — сказала Ирра, когда они сели и автобус затрясся.

— Ну и как тебе этот человек? — спросил Достоевский.

— Мне кажется, он хороший, но он не тот твой друг?

— Конечно, не тот. Это же была деловая встреча.

— По-моему, он больше всего обрадовался, когда ты сказал, что хочешь выпить за встречу.

— Тебе так показалось?

— А когда ты сказал, что главное, чтобы остались приятные воспоминания, он сразу все выпил.

— Ты это видела?

— Я же сидела посередине.

— А ты, кстати, очень много курила.

— Он много смотрел в окно.

Они посмотрели в окно и вместо того, чтобы увидеть пейзаж, увидели самих себя в стекле, и это была правда. А когда вышли из автобуса, то увидели пейзаж, и это тоже была правда. Он потрогал ее руку под рукавом, и она сказала, что не надо, что очень холодно, и он спросил: когда же? И она ответила: когда будет тепло, и тогда он сказал: значит, летом? И она тоже подумала про лето, но ничего в ответ не сказала.

— Ничего я сегодня не успел. — Под ногами была галька, как будто это был берег моря.

— Конечно, ведь это большая роскошь — ехать на автобусе по трамвайной линии.

В подъезде было неловко перед бабкой.

— Ну давай завтра никуда не пойдем.

— Я же сказал, у меня много дел, я сегодня половину не успел.

— Но разве сию секунду ты не хотел сказать то же самое: «Давай завтра никуда не пойдем»?

— Не грусти, — сказал он, — может быть, мы никуда и не ходили.

— Тогда сегодня — это уже завтра.

Стали придумывать, что бы опять съесть. Опять решили картошку, опять соленая, недосоленная. Не так далеко горел костер, на него хотелось смотреть. Все остальное поменяло названия: деревья — на что-то, дом — на что-то, тапочки — на сапоги.

— Уходишь? — спросил Достоевский.

Ирра сделала несколько шагов и ушла от него далеко, и когда вернулась оттуда, то устала и заплакала.

— Ты плачешь, не понимаю? Ты почему плачешь?

В этом противном костре сгорели палки, кульки, острые ножки. Вокруг него ходил вор, но даже ему было нечего своровать, потому что он был не дурак. Еще работало метро, и можно было влезть в одно ухо и вылезти из другого.

— Ты зачем надела сапоги?

— Я еще успею, еще работает метро.

— Хочешь уехать?

Она влезла в одно ухо и вылезла из другого, мама как раз спала и не слышала, как она открыла дверь, поэтому не заплакала и не умерла. Она умылась, легла в постель, а дальше уже начиналось шоссе. По нему ползли жуки. И в канавах, и во всей окрестности не было ничего хорошего. Собаки стояли и что-то напоминали. Занавеска, закрывающая окно машины, была прожжена утюгом по трафарету, а может, это был бракованный носовой платок. Все оставалось на своих местах: жуки, собаки и машины. И даже нельзя было узнать время. «Ну, сколько сейчас времени?» — «Часы стоят». — «Они же идут». — «Идут на месте». А дальше уже было то, что напоминало лес. В лесу кто-то курил, и дым поднимался из-за макушек деревьев и уходил в небо. Это был март. Потом наступил апрель, май и все остальное, и наступил следующий год, и все опять было на своих местах, только все уже было не так интересно: ну жуки, ну собаки, ну лес.

Она проснулась у него в комнате, а он проснулся у нее в комнате, поспали еще минуту, и она проснулась у себя в комнате, а он опять не у себя, кажется, опять у нее. Тогда еще поспали минуту и уже проснулись вместе в одной комнате — у него. Она первая сообразила, что она у него, и встать расхотелось. Следом за ней он сообразил, что она у него, и встать ему тоже расхотелось. Тогда они сделали усилие над собой и опять заснули. И она проснулась у себя одна, и это было самое приятное. Ему стало обидно, что ей так уж приятно, и он еще глубже заснул. И дальше за шоссе была железнодорожная линия. Вдоль нее снег имел фактуру мрамора, женщина в желтой телогрейке ходила по шпалам и протирала этот мрамор тряпкой. По этой линии не ходили поезда, которым говорят: до свидания, а ходили электрички, которым говорят: пока.

II.

Ритмично падал снег. «Съешь хотя бы яйцо». — «Я не хочу». — «Съешь булочку». — «Я не хочу». — «Съешь хотя бы отражение булочки». Булочка была сухая, отражение было такое, словно она была мягкая. Съела. Оказалось, что она была мягкая.

На быка натравили красную машину. Сначала он ее проколол, а потом она его задавила, и он не знал, что она не красная тряпка.

— Потому что предметы в комнате или на улице обозначают часто совсем не то, что мы о них думаем? От такой громкой музыки, выключи, кстати (кстати, не выключил), должен падать снег с деревьев, а он не падает, а теперь пойдешь и потряси хотя бы это дерево, и оно упадет.

Ему не хотелось выходить и трясти снег с дерева, она вышла сама и потрясла. Снег засыпал пластинку, иголка еле-еле пробиралась между сугробами, сначала расчистили одну дорожку, потом другую, поцарапали пластинку.

— Ну что, доигралась? — сказал Додостоевский. — Я же тебя просил не делать то, в чем ты не уверена.

— Я была уверена.

— Теперь придется выбросить пластинку, а мне ее жалко, я ее любил. Совершенно не знаешь, чем тебе заняться. Я поеду по делам.

— Значит, мне тоже ехать по делам?

— Тебе тоже. И на остановке тебя вчера не было, почему ты не пришла?

— Вчера днем?

— Вчера, когда мы договорились.

— Я думала, что столько-то времени, а оказалось, что столько-то. — Ирра взяла пластинку и стала водить по ней ногтем.

— Что ты делаешь! — крикнул он.

— Все равно ведь испорчена, на ней были сугробы, дорожки расчищали лопатой.

— Оставь ее в покое, она совершенно хорошая.

Он закурил, и в комнате появился дым как раз посередине между потолком и полом. И все, что было ниже дыма, относилось к земле: стол, стулья, пластинки на полу; а все, что было выше — полшкафа, книжные полки, — относилось к небу. И он как раз подстриг ногти, и она смяла задники инфузории-туфельки, потому что круглое зарешетчатое окошко, выходящее из туалета в ванную, выходящее из ванной в туалет, было луной всегда. В туалетном полушарии — зрительный зал, рассчитанный на сто двадцать мест. «Лифт на ремонте», «Меню школьника» — все это висело на стенах и соответствовало зрительному залу, лифту на ремонте, меню школьника, а в ванном полушарии она сидела на борту ванной — «не бойся, я подстриг ногти» — далеко-далеко от прозрачного мешка с грязным бельем, и по дну ванной шла лунная дорожка, пересеченная одним волосом, и она, может, успела еще спросить про заусенцы, но он не ответил.

Из подъезда они вышли вместе, кое-как простились. Ирра зашла в телефонную будку и посадила там несколько душек. В общем, ей не понравилось то, что ей предложили, но как-то особенно деваться было некуда, и она согласилась.

«Зайдешь и пообедаем здесь, потом заедем к ним, а потом оттуда уже все вместе поедим». «Куда?» — попыталась выяснить она. «А может, никуда, может, мы тут останемся, тогда они приедут сюда». Когда она приехала, они уже приехали, а хозяин, наоборот, уехал, «сейчас вернется». О фамилиях не могло быть и речи, но, безусловно, их как-то звали. После такого прекрасного обеда и вина сразу же друг друга очень полюбили и пошли гулять. Но как только вышли на улицу, всем захотелось разное: ей захотелось («мне велели, мне нужно во что бы то ни стало») зубную пасту, ему захотелось капуста, а вот ему-то захотелось белую собачку. Его желанию возмутились: «Какая может быть белая собачка на ночь глядя!» Но осмотрелись, и оказалось, что действительно уже «на ночь глядя», и капуста и паста закрыты, а белая собачка? «А белая собачка, — сказал он, — лежит тут рядом на помойке совсем еще хорошая».

На помойке они подарили друг другу подарки и разошлись совершенно счастливые по домам.

Она расковыряла ключом замочную скважину, но дверь все равно не открыла. Он впустил ее. И тут до нее дошло: что это не он, то есть кто же?

— Тоестльстой, — представился.

Она машинально отдала ему подарок, спохватилась, но было уже поздно. Тогда она сказала:

— Это как раз вам.

— Спасибо, — сказал Тоестльстой, — а что это такое?

Ирра не знала, как это объяснить, и сказала:

— Это просто такая вещь.

Он рассмотрел получше и еще раз сказал: «Спасибо». «Додо» не выговаривалось, но он понял ее, когда она спросила: «Где же он?»

— Он скоро вернется, — сказал Тоестльстой.

Распределили комнаты, то есть комнату и кухню. Ирра осталась в комнате, Тоестльстой ушел на кухню. Улеглись. Додостоевский вернулся поздно ночью, все понял и на кухню не пошел, чтобы не будить, а пошел в комнату, чтобы будить. Будить не пришлось, Ирра не спала.

— Что все это значит? — спросила она.

— Ему негде жить, он будет жить здесь.

— А раньше он где жил, на луне?

— На луне.

Они проснулись утром, когда Тоестльстого уже не было, он ушел.

— Куда? — спросила Ирра.

— Жалко, что он ушел, я хотел, чтобы мы все вместе поехали в лес.

И Тоестльстой вернулся с хлебом.

— Хорошо, что ты вернулся, сейчас поедим в лес, — сказал Додостоевский.

— На автобусе? — спросила Ирра.

— Может быть, на автобусе. А почему ты не веришь?

На автобусной остановке стояли, тояли, ояли, яли, ли и замерзли. Автобус промазал мимо них, но сесть удалось. Поехали параллельно горизонту. По этой полосе почти не ходили люди, зато там было много ям и горок. Над этой местностью поднимались пузырьки, как от газированной воды, которые были каплями на солнце. В то же время там рыскали бабушки, и все вместе было как стихи. Автобус остановился, и все пассажиры стали смотреть в окно, и все до одного обратили внимание, кто выходит у леса. Перешли дорогу — и лес тут как тут. Какие-то равнобедренные пригорки, зайчики, была речка, в ней мог купаться кто хотел, но никто не хотел. Не было слышно ни одного выстрела. По лыжне катались прямо в сапогах, можно было бы еще и петь. Все удовольствия были получены, быстренько отряхнулись от снега и поехали в гости обедать.

На обед было все самое хорошее. Вышли из гостей поздно вечером и увидели этот же развратный, но совершенно пустой автобус. Нельзя было в него не сесть. Сели и опять поехали в лес.

— Как красиво, — машинально повторила Ирра ту же самую фразу, что и днем. Но красиво в лесу не было.

— Не пойдем за той парочкой, — показал машинально Додо рукой на ту парочку, которая была здесь днем.

— Подождите меня, — сказала Ирра, как только они миновали овраг, в который кубарем скатывались дети, как днем, — я сейчас.

Она отошла в сторонку и сделала «сейчас». Потом познакомились.

Додо сказал, что они с Т.е. познакомились через другого приятеля, не через того, который умер, хотя почему-то считается, что через того.

— Кем считается? — спросила Ирра.

— Ты уже спрашивала об этом, — сказал Додостоевский, — сколько можно спрашивать.

Тоестльстой провалился в сугроб и сидел на кочке без ног одну минуту, пока Ирра с Додостоевским его не вытащили. Звезд было очень много. Они не лезли в глаза, потому что были очень далеко. Внизу блеснул город, тоже как звезды, и получалось, что они как бы между звезд тех и тех. Ирра встала между Додостоевским и Тоестльстым, они пустили ее в серединку, чтобы она не упала, и пошли обратно, как днем. Она сказала, что больше всех любит маму, потом все-таки папу, потом Додо, потом Т.е. Через некоторое время сказала, что она больше всех любит маму, потом все-таки Додо, потом папу, потом

Т.е. В конце она сказала, что любит в той последовательности, как сказала днем, и Тоестълстому было не так обидно.

Нечаянно испортили куст, потому что как только потянули его вверх, он немедленно вытащился. Может быть, он просто был воткнут. Но подобное могло быть и с деревьями, они тоже могли быть просто воткнуты, и поэтому обратно решили идти не как днем, а полем. Был ветер. На всех парусах пришел автобус, на нем приехали домой.

Додо очень много ходил и сильно стучал ботинками. Он достал чистую рубашку, которая была такая мятая, как будто грязная. Тоестълстой нарезал тот хлеб, что купил утром, и налил чаю.

— Можно идти, — позвал он всех.

— Т.е., — позвала его Ирра, — переоденьтесь, вы ведь тоже промокли.

— Вообще-то да, — сказал он и взял лишние штаны Додо.

— Тебе разве налезут мои штаны? — спросил Додо. Тоестълстой примерил их и остался доволен, они жали, но можно было и не застегивать.

— Я не буду их застегивать, — сказал Т.е.

— Ты завтра куда-нибудь идешь? — спросил его Додо.

— Еще не знаю, — ответил он.

— А ты? — спросил ее Додо.

— А ты? — в свою очередь спросила она его.

— Я-то иду, — ответил Додостоевский.

— Тогда я тоже иду, — сказала Ирра.

— И куда же?

— Я должна буду позвонить, и мне должны будут сказать, привезти или не привезти.

— Что привезти? — не понял Додостоевский.

— А может быть, ничего, — сказала она, — может быть, они сюда позвонят, тогда, значит, им уже привезли. А вы не хотите туда вернуться? — спросила Ирра Тоестълстого. — Туда, где вы раньше жили?

— Я же там не один жил, — сказал он.

— Но здесь ведь тоже не один, — заметила она.

— Почему, — улыбнулся он, — здесь один.

Они оставили его на кухне, Т.е. сам себе все постелил и даже добавил еще одну подушку.

Среди ночи ей было неудобно пройти в ванную.

— Мне нужно вымыться, — сказала она Додо.

— Иди и вымойся.

— Но он услышит, — недовольно ответила.

— Тогда не ходи.

— Как все несовершенно, — рассердилась.

— Но мы все-таки родились. — У него было хорошее настроение.

— Ну и на фиг? — сказала она.

— У тебя плохое настроение.

— Твой Т.е. перебрался сюда, чтобы быть одному; я перебралась, чтобы быть вдвоем, оказалось, что мы — троим. Вот это и есть несовершенство.

Он не стал спорить. Неизвестно, сколько времени прошло «с тех пор» и спит ли Тоестълстой. Самолет, на долю секунды заглушивший псаломщика.

— Интересно, — сказал Додостоевский, — сколько времени прошло, пока мы занимались любовью. Извини, я зажгу свет. Может быть, немножко похоже на церковную службу в том смысле, что тоже не знаешь, сколько прошло времени.

— И сколько же прошло времени?

— Я тебе, кажется, говорил о церковном хоре? — спросил он. — Ты что, сердисься на меня? — переспросил он.

Сказала, что не сердится и что «дальше-то что». Тогда он сказал, что там их два: тот, что справа, профессиональный хор — и это все равно что художники, поэты, музыканты, а слева — любительский — и это как бы остальные люди. Что справа поют очень хорошо, а слева просто поют: иногда попадают, иногда нет. Но когда начинают петь все вместе, происходит что-то удивительное: уровень уже становится не важен, уровень как бы для того, чтобы помочь всем остальным, что уровень — это простая помощь, что, оказывается, «с тех пор» прошло два часа.

На столе стояли увеличенные цветы, на полу чайники, один меньше другого. «В самый большой могут уместиться все по очереди, как матрешки. Налей-ка лучше отсюда сюда, а потом оттуда туда». Ирра угорворила, и он принес из холодильника стаканчик, чтобы она тут же набрала на палочку мороженое и стала водить ею по губам, играя на гармошке.

— Могу спеть, — сказала она.

— Спой.

— «Дай мне эту штучку. — Просто так не могу, но могу поменяться. — Дай просто так. — А ты мне тоже дай что-нибудь просто так. — Тогда получится не просто так, а просто так на просто так».

— Хорошая песенка, — похвалил он.

— Теперь хочется курить после сладкого. — Она выкинула губную гармошку.

Бумажный стаканчик послужил пепельницей. Пепел прилип к бортикам, и они стали пушистыми, потом все размазало, и стало светать. Некоторые предметы стали походить сами на себя. Стаканчик рухнул, взорвался, в окнах уже зажигали свет, и полумрак в комнате можно было принять и за утро, и за вечер, поэтому кое для кого это было утро, а кое для кого — вечер.

Ирра открыла глаза и только потом увидела на подушке три розочки. Но на самом деле сначала на подушке было три розочки, а потом она уже открыла глаза.

— Додо, — позвала она.

Вместо Додостоевского в дверях появился То-
естьстой.

— А Додо? — спросила она.

— Ушел.

— А это, — показала она на цветы.

— Это вам.

Тогда она поняла, что она умерла, что розочки у
нее в изголовье, а романчик позади, а розочки впе-
реди, и тогда она встала. Оделась, прочитала плакат:
«Утром откройте на мир глаза, изумительно подкра-
шенные» и вышла на кухню.

— Чай? — спросил Тоестьстой.

— Чай, — ответила. — А почему цветы?

— Просто так.

— Это вы мне просто так или он?

— Он ушел рано, сказал, что вернется поздно.

— Стало быть — это вы, — рассудила она. — Это
потому, что вы слышали, как я ночью пела?

— Нет, просто так.

А просто так быть не могло. Значит, она умерла
и лежит теперь на смятой постели, и рядом валяет-
ся в дупель закуранный стаканчик от мороженого;
на подушке лежат три розочки, по радио передают
похоронный марш с блатным оттенком. Тогда она
наспех собрала силы, потому что жить-то хотелось,
скатилась к нему с горки прямо на колени да и по-
целовала. Тоестьстой изумился, но понял простой
человеческий закон: просто так за просто так, и не
рассердился. Она весело застелила свой гроб, ро-
зочки поставила в вазочку рядом с увеличенными
цветами.

III.

Остановилась дымковская дама со свистком под
мышкой, кончился прообраз дождя, две параллель-
ные спички пересеклись, стоило им только обуг-
литься. «Ты тайно вытираешься моим полотенцем,
чтобы не пачкать свое, я тайно вытираюсь твоим,
чтобы не пачкать свое, и получается, что твое поло-
тенце — мое, а мое твое. И я не знаю большей гадо-
сти, чем цветущие яблони по-немецки».

— Т.е., — позвала Ирра, — ты спишь?

Он ответил, что спит.

— Тогда почему же у тебя горит свет? — спроси-
ла она.

— А что ты хочешь? — спросил он.

— Можно к тебе зайти?

Она зашла к нему на кухню. Он уже лежал на рас-
кладушке, и в тусклой железяке в изголовье горели
два огонька.

— Не бойся, — сказал он, — это не звезды.

Тогда она села на край.

— Если тебе низко, — сказала она, — я могу тебе
дать еще одну подушку.

— Мне не низко, — сказал он. — Он сегодня не
придет.

На столе было липко, и пальцы сразу прилипли,
и без того на столе было мало места.

— Если тебе холодно, — сказала она, — я могу тебе
дать еще одно одеяло.

— Мне не холодно, — сказал он.

Ирра сказала, что ей грустно. Поставили чайник.
Скоро он закипел, из носика пошел пар и повалил
прямо на стекло. Стало тепло. Додостоевский при-
шел уже после чая, но до того, как она легла спать.

— Ждешь меня, — сказал он, — не спишь?

— Мы пили чай, Т.е. решил, что ты уже не придешь.

— Вот как, — сказал он.

Ирра забралась под одеяло и отвернулась к
стенке.

— Не хочешь? — спросил он.

Она ничего не ответила, и он попросил хотя бы
ее руку. Все осталось в руке. Плюнув на то, что То-
естьстой слышит из кухни, она пошла в ванную и
гремела там, пока мыла руки. Она вернулась и ска-
зала, что ей плохо и у него жить, что ей ничего не
нравится, что лучше бы она умерла еще тогда, «ког-
да розочки».

— Замолчи, — сказал он, — я сплю.

Она, конечно, замолчала, и тогда он первый за-
говорил:

— В общем я предполагал, что это может случить-
ся, но так скоро...

— Сначала скажи, что «это»?

— У вас сегодня все было с Т.е.

— Не сегодня.

— Даже так? — удивился.

— Еще тогда, когда «розочки».

— Ну что же, — сказал Додостоевский, — завтра
ты уедешь к матери, что я могу еще сказать.

— Еще что-нибудь скажи.

— Спокойной ночи, — сказал.

И дальше уже начинался забор. Доисторические
сосульки свисали с огромных крыш. Под ними сто-
яли бессмертные и герои, и сосульки их не убивали.
Но как только наступил март и все смертные высы-
пали на улицу и тоже встали под крыши, они всех
до одного поубивали. В небе было очень красиво:
солнце, набитые облака, самолеты, дети, грузовики.
Ирра растолкала Додостоевского, и он повернулся.

— Что тебе? Я не сплю.

— Я завтра никуда не уеду, — сказала.

— Ну и что.

— Что значит «ну и что»? — не поняла она.

И с крыш капали будущие сосульки, и шел
дождь — будущий снег.

В просеках дневного света висело барахло. Не так уж хотелось ходить по улицам, запущенным с утра, и никак нельзя было подобрать глагола: они на кухне не сидят, а что? Посредине стола стояли хлеб и бутылка с недопитым пивом. Вместо знакомого аккорда в сороковой симфонии Моцарта раздался гудок автомобиля. Примером развернутой секунды могло служить собрание сочинений маркиза де Сада. Не что иное, как предоргазменная секунда со своими исключительными героями: официантами, девочками, писателями разрослась до «120 дней Содома». Все подходило к концу или к другому началу: закипал чайник и заслонял паром окно со знанием всего города — доморощенными автомобилями, газонами-пастбищами не для скота. «Хотя бы вытерла со стола». — «Додо умрет первый, а я останусь с Т.е.; Т.е. умрет первый, а я останусь с Додо; я умру первая, а кто из них умрет первый, уже неважно». Намочила тряпку, прошлепала ею мимо сахарницы, бутылки и чашек. «Ну, вытерла, дальше что?» А дальше рассвет в ванной, с луной, побелевшей от приоткрытой двери в коридор, где день уже давно. «Доброе утро». — «День уже давно». — «В таком случае», — Ирра смахнула свои вещи в сумку, надела пальто, поцеловала и того в щечку, и другого в щечку, присела «на дорожку», которая так и не состоялась. На кухне была грязь, скопившаяся за неделю и перешедшая накануне в эстетическую категорию по единственной причине: якобы одухотворенности. Накануне Ирра молилась на грязную миску и просила у нее защиты, это было примерно так: «Сделай же, чтобы кто-нибудь из них отвалил сам по себе, а я уж останусь с тем, кто останется, и буду его». Миска с византийской мозаикой из подгоревших макарон и кусочков мяса все же потом отмывалась и после этого становилась не культовым предметом, а чистой миской. «Я уйду часа на три, хоть приберись тут», — сказал Достоевский и ушел. «Я сама, — сказала Ирра Тоестльстому, бросившемуся помогать, — уйди куда-нибудь». Он сказал, что над крышей, как больной, летает самолет, и ушел в туалет, чтобы не мешать. Повернулся к плану кинотеатра, рассчитанного на сто двадцать мест, где на сцене три артистки возились с куклами, разыгрывая спектакль про кузничика. Девушка-кузничик была самой хорошенькой и положительной. Она была доброй и ленивой, и в нее влюбился его маленький сын. Ему же больше пришлось по вкусу ворона — подстриженная брюнетка. Она так смачно каркала, словно находилась в борделе. Эта область была сыну еще недоступной, и он балдел от кузничика. Третья дуреха — зайчик с припудренными усами и булькающими глазами — ни на что не годилась. То-

естльстой вышел из туалета и сказал, что недавно был с сыном на кукольном представлении, и их вкусы разошлись. Ирра ответила, что не знала, что у него есть сын. Он сказал, что готов уехать хоть в другой город, и она ответила, что, мол, чем кухня не другой город. Это был маразм. Это было такое, когда все «бо-бо», даже животик бо-бо.

В другом городе «в кухне» было светло, значит, был день, а в другом городе «в комнате» было темно, значит, была ночь. Среди небольшого леса и колес, отражающихся на потолке, после прилива тошноты и материализовавшейся кошки от удара хлопнувшей двери все стихло и стало пусто. Валяющиеся сапоги с вывороченными носками, выпавшие волосы уже не могли напугать, и только рука в темноте все искала и не находила, что нужно. Она не могла ни на чем остановиться, но она лазила не за часами, не за книжкой, не за стаканом с водой, она не могла вползти. Это было страшно: пальцы кончались ногтями, ногти кончались грязью, грязь кончалась пустотой. В целой комнате предметов для любви было сколько угодно. И был даже человек. Скорее всего, нужно было любить человека. Но инертное чувство любви не воплощалось в любовь к человеку и распространялось на брюки, на свитер, трусы, еще кое на что. Но все вместе, может, и было любовью к лежащему человеку. Достоевский лежал. Он был немертвый. Все было преувеличено: и любовь к брюкам вместо любви к человеку, и ощущение доступности смерти, но, даже если бы это было не преувеличено до желания по-большому, а преуменьшено до приспичивания по-маленькому, все равно одного этого ощущения было слишком много. Оно было непосильно. Оно было слишком большое, что-то вроде самостоятельного земного шара, что «ни взять, ни выпить, ни поцеловать», или слишком маленькое, что-то вроде микроба, что тоже «ни взять, ни выпить, ни поцеловать». Это опущение было таким страшным, что хотелось его бить по лицу. Лежачего не бьют, «Додо, ты меня любишь?». Он ответил, что да, и потом ответил, что нет. О, как правы были мальчики тамады-Торквемады, когда тянули Достоевского за язык, чтобы он хоть разок брякнул «не люблю». Но он, как попугай, твердил «люблю» да «люблю». За такую ересь сожгли, как миленького, спрашивается: для чего? — чтобы теперь в постельке, как у Христа за пазухой, он проболтался, что не любит. А кто тянул за язык? Ну, что за это сделать, убить? Лежачего не бьют.

— Да, это иррационально, — сказал Достоевский.

— Но меня зовут Ирра.

— Я тебя не спрашиваю, как тебя зовут...

Батарее в комнате припекало солнце, и батарея еще больше припекала, стало быть, это было зимой. «Помнишь, как я к тебе приехала, и как они тоже приехали, и как они уехали, а я осталась». Во дворе было снега «во», по горло, в яблоневом саду стояла двухместная будка для людей, которой они так и не воспользовались, то есть это был даже сарай. Нарисованные на клочке бумаги канделябры, приплюснутые к стене, развевались, и это было что надо. «Но только как не надо было это». — «А дальше будет еще хуже». И дальше уже за забором был дом. Он был оцеплен следами, среди которых были собачьи, и был даже след автомобиля, и это было хуже всего. «Ну посиди же, Христа ради». И потом уже завопили все остальные по-соседски. В доме ужинали. На ужин была ни рыба, ни мясо. «Не выхожу не один не на дорогу, не впереди нетуманный путь не блестит, ночь не тиха, душа не внемлет богу, и незвезда с незвездой не говорит». И в доме уже было то, что напоминало комнату в доме. И там действительно сидели и ужинали. Получалась примерно такая картина, в комнате четко различался первый и второй план. Все, что относилось к первому плану, было любимое, его занимал любимый, который сидел и ел. Первый план включал в себя и косточку, присохшую к губе, и тапочки, и брошенную в двадцати километрах маму. Второй план занимали два других человека, которые сидели и разговаривали. Легче всего было втянуться во второй план, проскочив мимо первого, но любимый встал и сказал: «Как раз луна». Потом Додостоевский за пять минут выгнал второй план, проветрил комнату и позвал. Ирра поднялась, столкнувшись на лестнице со вторым планом, который многозначительно усмехнулся: «Ну так бы и сказал». — «А что ты, кстати, им сказал?» — «А что надо было сказать? Ничего, кажется, не сказал». — «Нужно было что-нибудь такое сказать, потому что я, кажется, с одним из них знакома». — «Так кажется или знакома?» — «Ну знакома, что ты молчишь?» — «Ну дальше, дальше говори». И дальше начинался рассказ про второй план. Что вот есть любимый человек. «Это я?» — «Это ты», и он как бы первый план, и еще несколько человек, которые как бы второй план, не люди вообще, а именно люди: женщины, мужчины, которые нравятся или даже не нравятся, но имеют отношение к любимому человеку, поэтому занимают место. «И один из них был этот второй план». — «Да, один из них». Иногда этот второй план утягивает из первого, и получается жизнь как бы во втором плане: и природа, и контуры, и еда, и даже мама — все переходит во второй план. Второй план имеет только присущую ему плотность, и тут важно не обмануться и не принять его

за первый, потому что иначе первый будет навсегда утрачен.

Шишил-мышил взял и вышел, потом вышел Додостоевский, и потом уже вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. «Ты куда?» — спросила Ирра. «Я туда и обратно. Спи». На улице был промозглый ветер и безмозглый дождь, и сквозь дождь маячили такси. «А собственно, куда я? Куда “туда и обратно”?» Оно, такси, остановилось. «Куда поедешь?» — «Сначала туда (Додостоевский сказал, куда именно), а потом тут же обратно». Приехали. Он зашел в подъезд, поднялся на такой-то этаж, хотел позвонить в такую-сякую квартиру и не позвонил. Потому что в этой квартире Ирры, естественно, не было, потому что она, естественно, лежала у него в постели, а он как дурак зря прогонял такси. «Куда ты?» — «Ну, куда я еще могу? Куда, куда, в туалет». Он расплатился с таксистом, поднялся на свой этаж, открыл свою квартиру и, слава богу, застал ее в постели. «У тебя какой-то особенно отрешенный вид, — сказала Ирра, выглядывая из-под одеяла, — с таким видом не ходят в туалет». — «Спи». — «Ты меня любишь?» — встревожилась. «Люблю. Сколько времени прошло с тех пор, как я сказал “туда и обратно”?» — «Нисколько не прошло. Ты меня любишь?» — «Люблю. То есть что значит “нисколько”. Ты зачем спишь с Тоестылтым?» — «Ну это же днем». — «Ничего себе ответ». И тут же он вышел из себя, вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить...

«Это все равно что ударить, так схватить, будет синяк», — причитала она. «Я не хотел, ну прости, будет синяк, будет новый год, и будет все то же самое: ты будешь спать с ним в другом городе “на кухне”, а со мной в другом городе “в комнате”. Рядом с солнцем есть черная дыра». — «Что рядом с нашим солнцем?» — «Как ты хорошо сказала “с нашим”». Спи, рядом с нашим, конечно».

IV.

Додостоевского не было, он ушел еще днем, ушел и сказал, что не вернется. Ирра помыкалась без него с полчаса и сказала Тоестылтому, что она мигом «туда и обратно». Раз мигом, Тоестылстой даже не стал спрашивать куда. И вот это «мигом» уже длилось часов семь. Он подходил к телефону и тупо набирал номер Ирриной тогда уж матерри. Сначала телефон не отвечал, это обозначало, что Ирра там и отключила телефон (хотя чего ради ей его отключать) или что телефон включен, но ее нет. Потом появилась ее мать (значит, все-таки не был отключен или был, но уже не важно). Он пару раз помолчал, а больше было уже слишком. Значит, ее там нет,

потому что подошла бы сама. А может быть, есть? Позвонил в последний раз, поздоровался, позвал, оказалось, что нет. И тут началась мука: сейчас нет, но вот через пять минут она уже могла туда войти. Звонить так часто неудобно. Все равно позвонил через полчаса, сначала помолчал, потом еще раз через пять минут позвал, оказалось, что все еще нет. Наконец позвонил в последний раз и оставил номер телефона, идиот, если бы она хотела, то позвонила бы по этому номеру сама. Обошел всю квартиру. Сел за стол Достоевского, зачем-то заглянул в ящики стола, потрогал бумажки, застыдился и задвинул ящики обратно. Сбегал к себе на кухню. Присел на дурацкую раскладушку, прилег. «Она должна быть дома, — рассудил он, — потому что если ее нет, значит, она не ночевала. А что она тогда скажет не мне, я не в счет, а своему Додо».

Была еще одна дама, у которой телефона не было, но «если очень нужно, можно всегда передать через соседей». Передавать было уже поздно, да и что, собственно, передавать? После последнего разговора с этой дамой передавать ей было уже поздно. «А ты звонишь не мне, когда меня нет?» — спросила она без кокетства. Его ответ был исчерпывающим: «Это когда не тебя нет, я звоню тебе». Однако когда же Ирра войдет и так вяло спросит: «Т.е., ты уже спишь?»

Повалялся еще, встал, решил в последний раз позвонить ее матери: вдруг не передала? Было неловко. Набрался смелости, позвонил, и никто не подошел. Выключила телефон. Набрал еще раз — выключен. Это был то ли подарок, то ли наоборот, неизвестно. В общем, в темноте с какой-то маниакальной упорностью он тыкался в циферблат, на ощупь набирал номер и слушал долговязый гудок, онанирующий над оврагом, где в кустах апартаменты за трешку и так пахнет черемухой, которую «не рвать»; над прогуливающимися босховскими придурками из Филимонок: гуськом-гуськом на три-четыре все вместе «ур-р-ра»; над полиомиелитной речкой с парнем на плоту, провалившимся в собственные резиновые сапоги, и, наконец, над пенсионерами, беседующими так «искристо и остро».

Уже под утро входная дверь открылась и появилась... появились, оказывается, они вдвоем с Достоевским — явились не запылились.

Утро началось уже днем и заняло весь день, а обещанного дня не было, несмотря на то, что Достоевского тоже не было. Тоестьстого это и разозлило. Он не хотел грубить, но когда Ирра сказала ему «доброе утро», он завелся. Она не заметила и сказала дальше: «Какое прекрасное утро». — «Дарю», — сказал он. «Не поняла», — ответила она. «Ты его должна была бы потратить на меня», — пояснил он. «По-

чему должна?» — удивилась. «Ты обещала вчера и проспала, — заводился он все больше, — но неважно, дарю». «Что ты говоришь», — сказала она. «Да, — повторил он, — дарю». Тогда она сказала «спасибо», прибрала подарок к рукам и стала собираться, чтобы куда-то уйти. «Уходишь?» — сказал он уже в дверях. «Не понимаю, — возмутилась она, — что ты хочешь, ты же сам только что подарил». Он больно сгреб ее и попросил остаться. Он целый час выторговывал свой подарок обратно. «Ладно, — согласилась она, — тогда поедем куда-нибудь». «А это», — показал он на раскладушку. «Нет, — сказала она, — это я не могу. Пусты же». И он отпустил ее в тыл конюшнеобразной библиотеки примерно с десятью стойлами, где в каждом по три стола и за столом загадка: два конца, два кольца, а посередине гвоздик. Отгадка — библиотечная крыска уже пару раз выглянула в окно, наблюдая такую картину: битый час сидят двое и глушат прямо из бутылки. Захлопнула окно, а между тем ничего не изменилось: бочки, ведра, доски были сбалансированы. Ирра наклоняла бутылку, направляя ее, как телескоп, на солнце, заглядывала в нее, и на поверхности «Ахашени» появлялась сначала черная каляка ее большого пальца, и потом навстречу ей выплывала непонятно откуда взявшаяся двойка. Этикетка отражалась в вине в духе Макса Эрнста. Это было очень красиво. Насмотревшись вдоволь, она говорила Тоестьстому: «На, посмотри», но прежде чем отдать бутылку, делала глоток, взбалтывая всю эту красоту, и потом уже он наводил бутылку на солнце. Он смотрел, как оседает пена, успокаивается поверхность вина, замирает тень большого пальца и с обратной стороны бутылки, воспользовавшись оптическим обманом, выплывает маленькая двойка. Сегодня он хотел ей сказать, что именно сегодня «съезжает» с кухни, желает им счастья и так далее, и вместо этого сказал, как лучше шевелить бутылкой, чтобы двойка равномерно описывала круг. Потом Ирра предложила немножко накренить плоскость со всеми принадлежностями «СУ» такого-то, с боку припеку Страстного монастыря в честь будущей Страстной недели, плохо кончившейся куличом с торчавшей вишневым веткой, которую кто-то потом сжевал, «христосованиями», поединками на яйцах с каким-то большим разрывом, с похабными анекдотами и бутылкой водки, с совсем уж некрасивым пейзажем внутри «кончай проливать, и так мало», наведенной, как телескоп, на электрическую лампочку вместо солнца в честь воспоминания о Страстном монастыре, о плавающей двойке, о пейзаже на «Ахашени» в духе Макса Эрнста.

Часам к шести крыски стали разбегаться по домам, и отсюда Ирра сделала вывод, что стойлообразная библиотека тонет. «Пойдем», — сказала

она. Его вопросительный взгляд обозначал «почему?». И она пояснила: «Раз все уже выпили». Ирра торопилась вернуться в комнату, а Тоестьлстой не торопился вернуться на кухню, и поэтому как можно безразличнее сказал: «Посидим еще». Ему было трудно понять, чем привлекает Ирру доисторический облик его друга. Когда он слышал через стенку, как его допотопный приятель возится с ней, он невольно думал: «Вот тешатся старый да малый». Она сама повернулась к нему, и он, конечно, зря, но все-таки спросил: «Скажи, ты совсем не любишь меня?» «Почему, немножко люблю», — не задумываясь ответила она. Ее ответ был таким простым, что он даже улыбнулся и сказал: «Ну а теперь ты у меня что-нибудь спроси». Ирра проворно соскочила с бревна, стала удаляться, и он вспомнил китайскую таблицу, по которой все животные делятся на три категории. Она не относилась к животным, которые разбивают блюдце с молоком, она относилась к тем, что, удаляясь, превращаются в точку на горизонте. «Погоди!» — крикнул он. Огромного труда стоило ее догнать. «Любишь — не любишь, — сказала Ирра, — дальше-то что?» И дальше начался ее рассказ про первый и второй план: «Что вот помимо первого плана, о котором я сейчас не буду говорить, существует еще и второй план». — «Это я?» — «Это ты. Ты не обиделся?» Сказал, что не обиделся. «Сегодня такой прекрасный день, — сказала Ирра, — что и на тебя, и на деревья, и на бочки — на все распространяется первый план. Но вот, например, вчера...» И она привела пример про вчерашний день, когда абсолютно точно знала, что не увидится с Додостоевским весь день, и поэтому ездила к матери повидаться с ней «во втором плане». «Ведь это так грустно, — заключила она, что второй план распространяется даже на нее». На его удивление, что как же так, ведь он туда звонил и ее там не было, она ответила, что была и что нарочно попросила маму сказать, что ее нет.

Уже темнело, и она с трудом разобрала надпись на заборе:

наойт
рудица?

«Посмотри, что тут написано», — сказала. Тоестьлстой посмотрел сначала на надпись, потом вокруг и удивился, как все быстро поменяло цвет с белого на зеленый. Там, где раньше свисали доисторические сосульки, стояли зеленые неизвестные деревья: не березы, не сосны, не тополя, но тоже очень распространенные. «Какая неприличная надпись, — сказала Ирра, — что обозначает первая часть я, допустим, поняла. А рудица — это что такое?» Тоестьлстой сказал, что давно так называлась кровь, и потом сказал, что, когда в каком-то одном месте

случайно оказываешься зимой, а потом случайно летом, становится особенно понятна условность всякого названия: белое-зеленое, листья-сосульки. «Трава-дрова», — сказала она. «Нет, снег», — сказал он. «А ты бы случайно не согласилась быть моей женой?» — спросил Тоестьлстой. «Хочешь, чтобы я перешла жить из комнаты на кухню?» — спросила Ирра. «Мы уедем», — сказал он. «Никуда мы не уедем. Просто все, как ты говоришь, поменяет название: комната — на кухню, кровать — на раскладушку, белое — на зеленое». — «Или, как ты говоришь, жизнь перейдет из первого плана во второй».

Тыл, построенный из многочисленных звеньев, погрузился в относительную темноту. По плоскости, напоминающей воду, бегали клопы-водомерки. После каждого клопа, как после капли дождя, оставался на воде круг. А все вместе было как бы дождем. Каждый предмет изменял сам себе, но, пройдя полный круг изменений, возвращал себе свое условное название. Бочка с доской на мгновение становилась только бочкой с доской и ни в коем случае ни «такими ушками», ни «такими качелями». «Так, может, ты как раз бы и согласилась?» — опять об этом же спросил Тоестьлстой. «Я бы, может, и согласилась». Но любимый встал и сказал: «Как раз луна». Потом он за пять минут выгнал весь второй план, провернул комнату и позвал. Когда Ирра вошла, Додостоевский сидел на кровати, и поэтому она села на стул. А когда он встал с кровати, она тут же села на кровать, и тогда он сел на стул. И ни о чем не говорили. И только когда он выключил свет и посмотрел в окно, то сказал: «Как раз луна». На кровати она целовала его так, чтобы он ни в коем случае не подумал, что она его любит, а чтобы он подумал, что это просто так. И всего один раз забылась и сказала: «Даже если это не так, все равно скажи, что ты меня любишь». И он не сразу сказал «люблю». И после этого она смело сказала: «Я ведь тоже тебя не люблю, у нас все просто так». Ее распалила его холодность, и она попросила несколько раз повторить одну так понравившуюся ей ласку. Он сделал то, что она просила, и ему стало нехорошо. «Тебе что, плохо?» — спросила она. Он не ответил. И тогда ей захотелось, чтобы он сию же минуту узнал, как сильно она его любит. И она сказала ему: «Я тебя люблю, ты слышишь, — сказала она еще и еще раз: — Я тебя люблю». Но это признание не принесло ему почти никакой радости. Он отнес его к простой благодарности за то наслаждение, которое только что доставил ей. Она поняла это и сказала: «Ты мне не веришь. Ты думаешь, что я тебя люблю не просто так, а за это». И когда она это сказала, он немножко поверил в то, что она любит его просто так. И поэтому, когда еще через несколько минут она спросила: «Ты ведь

меня тоже любишь?» — и он ответил «нет», и она загрустила, он еще немножко больше поверил в то, что она любит его не только за это, а просто так. «Я, может, и согласилась бы, — сказала Ирра Тоестльстому, дожидавшемуся ответа, — но я все-таки не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, когда предлагаешь мне быть твоей женой. То, что мы никуда не уедем, это точно. Остается одно: оставить Додостоевского в комнате и перейти мне жить к тебе на кухню». Он погладил ее по голове и как-то очень поспешно поцеловал в губы. «Нет, есть еще и другое, — сказал он, — я скажу ему, что теперь ты моя жена, и, я думаю, он уступит нам комнату и свою кровать, а сам перейдет жить на кухню».

Еще через некоторое время клопы-водомерки совпали с настоящими каплями дождя, и тот «как бы дождь» превратился в самый настоящий дождь. «Тем более пора идти», — сказала Ирра. И, пройдя по безлюдному коридору с хорошей живописью на стенах благодаря плохому освещению, которая на самом деле была плохой живописью при хорошем освещении, очутились перед закрытой дверью в комнату. «Неслышанное дело, он закрыл дверь». Тогда прошли на кухню. Ванная и туалет тоже были открыты. Приложившись к подушке, Ирра сразу же сказала, что устала и хочет только спать. Тоестльстой ответил, что совсем не хочет спать. Но когда постелили, он мгновенно заснул, а она нет. Она не то слово рыдала. Огромный ватник заслонял стекло, хрупкая гипсовая Венера подпирала кухонную дверь (действительно ли находчивый скульптор сделал ее без рук, а если с руками, то как они должны располагаться, чтобы не быть лишними. Можно их примерить так и сяк, но они явно мешают), за Венерой был стул, оседланный брюками, а вот за ними уже было то, что могло бы быть комнатой. «Я же тебе сказала, что приеду сегодня одна, только останься». — «А Тоестльстого куда денешь?» — «Это уж мое дело. Твое дело остаться, а мое дело приехать». И никто своего дела не сделал. Ирра приехала с Тоестльстым, а Додостоевский остался, но не здесь... Поэтому за ватником была Венера, за Венерой стул, а за стулом было то, что ни при ка-

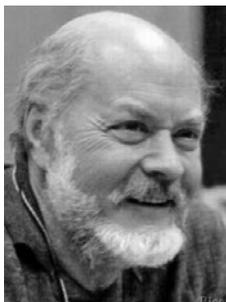
кой погоде не могло быть сейчас комнатой. «Ну я же просила сегодня!» — «В другой раз будет сегодня». — «Всегда сегодня будет завтра, а завтра будет в другой раз, и то, что должно быть комнатой, всегда будет кухней».

До трех часов ночи Додостоевского не было, а потом уже его не было и в помине. Она подумала, что это так ужасно, что его нет, что это даже прекрасно, потому что так прекрасно, когда он есть, что это даже ужасно. Она подумала, что с Тоестльстым все наоборот: то есть так ужасно, когда он есть, что это даже прекрасно. «Я не сплю», — ответила Ирра, когда Тоестльстой спросил: «Что?» Она сказала ему, что не имеет ничего против этой кухни, но не хочет жить в принципе на кухне и в принципе спать на раскладушке. Она договорилась до того, что сказала, что никогда не перейдет жить с ним в комнату, потому что это значит перейти с ним жить в первый план.

Тоестльстой сказал, что он понял и сожалеет только о том, что планы не совпадают, потому что она-то для него — первый план, а он для нее — нет, и значит, счастья нет. Ирра успокоила его, сказав, что Додостоевский для нее первый план и она вроде для него — первый, а счастья тоже нет. Она пригласилась рядом с Тоестльстым, и дальше уже вместо потолка была местность, которая, как луна, хорошо была знакома издали и совсем не знакома вблизи. На отшлифованной поверхности как бы луны было окно, и через него виднелось серое вещество, которое, может быть, было потолком. И после того, как любимый встал и сказал: «Как раз луна», Ирра тоже выглянула в окно, но никакой луны там не было. Вместо нее был самолет, который тормозил в небе. Она увидела луну немного подальше за макушками деревьев, которые издали были как кустарники. «А это что за кустарники?» — «Это дикая малина. Будет нескоро». — «А это что за цветы?» — «Это не цветы, это земляника. Тоже будет нескоро». — «А это?» — «А это можно есть сейчас». И как только она увидела луну, то сказала: «Вижу, что луна», и Додостоевский увидел, что она сердится, раз она сказала «вижу, что луна».

Продолжение следует.

Лев АННИНСКИЙ

СТРАННАЯ ШТУКА

Уже выпустив спектакль, его создатели обнаружили, что угодили с ним как раз к столетию смерти автора пьесы. Это вышло случайно. Но не случайно внимание театра Светланы Враговой к наследию великих скандинавов, культ которых сто лет назад послужил русскому модерну: нынешний театр «Модернь» изначально противостоит назидательному реализму, а о развлекаловке и говорить нечего. Август Стринберг — нержавеющее оружие, его «Пляска смерти» — нестареющая классика.

Режиссер Владимир Агеев пьесу немного адаптирует: сокращает, пропускает через Дюрренматта («Играем Стринберга»), добавляет танцы (жанр — «танцдрама»), заглавие усекает вдвое, избавляя от прямого ужаса (спектакль называется «Пляски»).

В остальном великий швед остается в своем репертуаре. «Натуралист и романтик» разом. «Без-

божник и верующий». Что там еще увидел в нем Мартин Андерсен Нексе?.. «Рационалист и мистик». Все вместе.

На сцене трое. Муж и жена, прожившие много лет в любви и ненависти. И кузен жены, когда-то их познакомивший, за что они его теперь благодарят и клянут. Трое сплетаются в страсти и ревности. Реплики не произносят, а выкрикивают. После реплик валяются в обморок. Восстав после обморока, танцуют. Не пляшут, а все-таки танцуют.

Из лабиринта реплик одна выводит меня к весьма актуальному для нашей ситуации раздумью:

— Смысл жизни в том, чтобы мы не ведали этого смысла и тем не менее ему подчинялись.

Жизнь, знаете ли, такая странная штука.

Николай Железняк родился в Новочеркасске Ростовской области. Окончил Таганрогский радиотехнический институт по специальности «инженер-системотехник».

Начал писать рассказы. Полнометражный комедийный сценарий заинтересовал самого Леонида Гайдая. Но перестройка помешала осуществлению замысла.

Ушел в работу, переехал в Москву, где защитил кандидатскую диссертацию по социологии.

Публикации начинались с остросюжетного юмористического романа «Большой куш», вышедшего в издательстве «Голос-пресс».

Затем пьесы разных жанров побеждали в конкурсе «Авторская сцена» Союза театральных деятелей РФ, входили в лонг-листы, печатались в сборниках «Сюжеты» СТД РФ и Российского авторского общества.

Сценарий «В поле воин» вошел в десятку на конкурсе «Личное дело» журнала «Искусство кино», где был и напечатан.

Рисунок Юлии Спасовской

ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ

ПОВЕСТЬ

«Гонки на лафетах». Так острословы называли ту пятилетку начала восьмидесятых двадцатого века.

Уж очень быстро помирали руководители страны. Один за другим. Создавая всем знакомую тогда очередь.

До прихода роковых восьмидесятых каждому великому кормчему удавалось поправить страной достаточно долго, так что время текло разреженно и предсказуемо. Хоть и не всегда гладко. А на те пять лет учебы в институте плотно пришлось столько знаменательных событий (отозвавшихся в сердце каждого советского человека), что хватило бы на целую жизнь.

Что ни год, то скоростная смерть генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза.

И не было ничего почетнее для тела выдающегося деятеля современности и коммунистического рабочего движения, чем прокатиться перед захоронением

в задрапированном гробу на орудийном лафете. Дорогого руководителя, сопровождаемого соратниками по борьбе за светлые идеалы, подвозили к стене. Кремлевской.

А потом залп... В воздух.

Каждая смерть очередного вождя приводила к серьезным сдвигам. Во внешней политике страна успешно продолжала бороться за мир и мирное сосуществование двух систем, а также за разрядку международной напряженности. А вот во внутренней это приводило к, зачастую, тектоническим изменениям. Как с приходом Андропова и Горбачева.

Все эти изменения генеральной линии партии при неизменном курсе на построение коммунизма в отдельно взятой стране, мы, будучи студентами, пережили, казалось бы, беззаботно.

Перед нами ставилась одна задача: выполнение предначертанного Великим Лениным и очередных гениальных решений очередного судьбоносного съезда партии. Всего-то.

Бродил анекдот.

Партия постановила лететь на Солнце. Кое-кто в партийных низах заволновался: «Там же в некотором роде жарко...» Ответ: «Вы что, думаете, в Политбюро дураки сидят? Ночью полетим...»

Другое время было.

Так говорят следующим поколениям о не очень далеком прошлом. О времени своей молодости. Действительно, высокопарно говоря, другим был и строй — социалистическим, и система — советской.

Жизнь тогда делилась на неизменно ударные пятилетки. Совершенно не связанные со сроком учебы в высшем учебном заведении. Таким рабочим ритмом жила вся страна.

Ходил анекдот.

До конца света три дня. О катаклизме известно наверняка. В Америке все пьют, гуляют... Тот же угар и в Европе... А в СССР расконсервировали даже паровозы. Общій призыв: «Пятилетку в три дня!»

На каждый год пятилетнего плана народного хозяйства было запланировано все необходимое к выпуску. Все для народного хозяйства и советского индивидуума. От точно подсчитанного Госкомстатом количества презервативов вплоть до кокса с чугуном и прокатом, яиц кур-несушек и мяса.

Мяса и остальных продуктов, правда, катастрофически не хватало. Как, впрочем, и пресловутых скромно пронумерованных (секса в стране не было) изделий номер два. Похожих на несколько удлиненный резиновый наперсток.

По-моему, мы жили тогда в эпоху десятой пятилетки. Помню, третий ее год назывался решающим, четвертый, кажется, определяющим, пятый — завершающим. Были свои названия и у остальных. Каждый год пятилетки имел свое имя.

И каждый из них к тому же, как объявлялось, был поворотным этапом в жизни нашего общества. Так что, казалось, страна от года к году двигалась замысловатым зигзагом, понятным только кремлевским старцам.

А то жить бы нам уже при коммунизме.

Но он, несмотря на четкое указание даты — 1980 год — в одной из исторических работ Владимира Ильича Ленина, что позже подтвердил Никита Сергеевич Хрущев, чего-то не наступил. Лекторы и политинформаторы, отвечая на пытливый вопрос: «Почему?», объясняли появление конкретных сроков необходимостью обозначения ясного ориентира для тогда еще малообразованной массы рабочих и крестьян в далекие революционные годы. К тому же в обращении к комсомольцам на их съезде — этой смене партии — нашего рулевого.

К различным знаменательным датам тогда могли приплести все что угодно. К ним всегда вводился в

строй какой-нибудь долгострой. И потом долго доде-львались последствия предпраздничной штурмовщины. Устранялись недоделки.

А шутники язвили, что коммунизм был отменен из-за московской олимпиады. Страна выдохлась в связи с ее проведением.

Называлась она тогда — Союз Советских Социалистических Республик. Если короче — Советский Союз. Совсем кратко — серпом по молоту — СССР.

Будущее наше было определено надолго, если не навсегда, при поступлении в высшее учебное заведение. Повлиять на него, поменять что-либо не представлялось возможным, да и непонятно, что можно изменить. Не ломая строя. Или не становясь в строй активных комсомольцев — строителей коммунизма. Каламбур...

Верхушки деревьев качались от меняющихся ветров, внизу же изменения в жизнях и устремлениях вроде бы происходили невеликие.

Учились по принципу: спи спокойно, студент, стране нужны здоровые люди. Иногда не в меру выпивали. В меру более регулярно. Короче, несло в потоке.

И все же люди разные, и сквозь обыденную жизнь каждого проглядывала судьба. Одних система ломала, других — гнула, изгиб спины третьих позволял удачно подстроиться под эталонное лекало.

Мы плыли по течению...

А в параллельном, неевклидовом пространстве, не пересекаясь с нашим, вопреки всем законам физики двигались однообразные непотопляемые орудийные лафеты.

Надгорная улица

Поступать в 1981 году в радиотехнический институт города Таганрога, имени так и оставшегося неизвестным В. Д. Калмыкова, они приехали из разных мест. Весь Таганрог называл его «Радик». Деревообрабатывающая фабрика. Поступают дубы — выпускают липу. Так говорили местные.

Не путать с расположенным в противоположном конце города «Педиком». Несколько пожестче, а в некотором смысле помягче, недосказанно: «Пед».

Адрес сдаваемой квартиры, выведенный нетвердым, каким-то детским почерком на листке в клетку из школьной тетради, свел их вместе. На нависающей с обрыва над морем Надгорной улице. В той ее части, которая до сих пор вымощена булыжником.

Радиотехнических институтов в стране было всего три — в Минске, Рязани и Таганроге, так что студенты съезжались со всех уголков необъятной родины.

Высокого — два метра ростом — кучерявого и горбоносого Олега Губаря привезли из далекого Челябинска.

Похожего на фитиль, худющего Воху Павлюка судьба и увлечение радиоделом выбросили из солнечной Грузии.

А длиннорукий и близорукий Гарик Точилин (в миру Точило) прикатил из соседнего Жданова (ныне Мариуполь).

Когда через неделю их совместного проживания проездом с внезапной инспекционной проверкой нагрязнул отец Гарика, хозяйка тетя Тома молодежь нахваливала. Говорила:

— Да нет, хорошие ребята... Нечего сказать...

Отец скупно улыбался, потирая мозолистые ладони.

— Только один пукнет, и все смеются. А так ничего...

— Пахан чуть не облез, — уточнил Гарик сложные эмоции родителя после приватной беседы с папашей.

Старший Точило опаздывал на электричку в Ростов, был командирован за каким-то прибором. Подбросив сыну денег, он, не засиживаясь, по-английски отвалил, избежав сцены прощания с бесхитростной тетей Томой.

Этот район у института ошетилившихся высокими заборами частных домов почему-то назывался Богудонией.

В центре города были еще такие же, в основном малоэтажные колоритные Собачеевка, Касперовка, Полукруг, Дубки. А дальше в новых жилмассивах проще — Западный, Северный, Свобода. Последним застраивалось спичечными коробками высотных панельных домов Русское Поле. И самым последним Простоквашино — на отшибе.

В лохматых объявлениях на фонарных столбах внаем предлагались квартиры, хотя почти вся старая часть города в пределах далеко выдающегося в Азовское море мыса состояла из разной степени сохранности одноэтажных домов. Морем разномастных крыш они окружали корпуса института. Два старых — с круглыми мощными колоннами перед входом; и из безликого белого силикатного кирпича — новый.

Пересекали мыс переулки. Лучами, вдоль, расходились улицы. Ни дать ни взять Манхэттен с его авеню и стритами.

Может, от этой схожести за городом помимо официального числилось еще название Тагань-Йорк.

А некоторым нравилось больше Рио-де-Таганейро. Климат казался более схожим.

Отдельные недовольные обзывали Поганим Рогом.

Дома на Богудонии лепились на глинистых склонах над серым морем по взгоркам, балкам и оврагам. Попадались проходы шириной с человека, упершего руки в боки. Надгорная улица говорила сама за себя.

Многие названия проулков, такие как Полуротный переулок, Флагманский спуск, напоминали о былом военном назначении города-порта. Другие начинались со слов Крепостной или Крепость. Впереди стояли номера.

Остатки этой самой крепости полуобрушенными стенами, с которой при Петре Первом началось поселение Таганий Рог, местами выходили на поверхность. Обветшалые, заросшие кустарником капониры над самым обрывом позволяли алкашам теплыми вечерами комфортно распивать спиртное. Дежурный граненый стакан всегда висел на обломанной ветке.

Где-то здесь в припортовом кабаке (улица Гарибальди) кутил сам Джузеппе со своими карбонариями перед отплытием на родину. Объединять Италию. Под парусами, надутыми попутным ветром...

Богудония заслуженно считалась уркаганским районом. Узкие пролазы и лестницы между домами ночью превращались в дороги жизни. Издавна район славился лихими ребятами. С момента основания города здесь селились контрабандисты и уголовники. Потом они стали рыбаками. То есть браконьерами.

Лет за пять до их поступления местные зарезали там студента. Ножом в спину. Какая-то ссора случилась. Случай имел резонанс. Парня любили, он был заводилой.

Решив отомстить, ребята из комсомольского оперотряда десятками отлавливали подрастающую блатату. Изымали холодное оружие, часто самодельное, и сдавали хулиганов в милицию.

Но местные не сдавались.

Также ходили, поплеывая сквозь зубы, в шитых на заказ плоских кепках-хулиганках. Даже зимой. Обладание таким головным убором считалось обязательным в их среде и прочно ассоциировалось с молодецкой удалью перед отъездом на тюрьму.

После четвертого успешного экзамена подъехали родители Гарика.

Они контрольно выискали на стенде у институтского актового зала свою фамилию в списках зачисленных. С трудом разыскали белую мазанку в глубине кишкообразного двора. Опять пришлось советоваться со всеми встречными прохожими.

Комплект беспокойных родителей троицы вчерашних абитуриентов был полным. За чаем они перезнакомились между собой и представились хозяевам.

Говорливая морщинистая тетя Тома тараторила, прикрывая рот кончиками сухоньких пальцев. Молчун дядя Сеня с унылым вытянутым лицом, не меняя его выражения, веско высказывался только по существу. В основном по щепетильным вопросам оплаты за постой и международного положения.

Благообразные седые старички выглядели залогом крепкого морального здоровья сыновей.

Тем паче что тетя Тома, как выяснилось, когда-то была детским врачом.

— Педиатором, конкретно, — подчеркнул дядя Сеня, вынимая изо рта мундштук, и указал им в низкий потолок.

Гарик ей сразу приглянулся. Лучистой обескураживающей улыбкой слабовидящего он будил в ней неистраченные материнские чувства. Своих детей у стариков не было.

Тетя Тома приподымалась на цыпочки и трепала его за торчащие над высоким лбом вихры. И единственная называла Игорьком. Губарь с Павлюком каждый раз лыбились, старались держаться независимо и уверенно.

Мать Гарика, от обилия незнакомых людей скованная и напряженная, обращалась к сыну — Игорь. Но все же не удержалась и поцеловала на прощание повзрослевшего ребенка в щетинистую щеку.

Скупой на выражение чувств отец личного общения избегал.

Сгрузив сумки с провизией, поведав прописные истины, старшее поколение разъехалось. Деньги за проживание внесли вперед.

Перед расставанием было произнесено бесчисленное:

— Вы уж тут...

Относились слова с разной интонацией и к детям, и к хозяевам. К сыновьям с ними предупреждающе обращались мужчины, с тоном надежды женщины — к старикам.

Все дружно обещали.

Первое время после занятий часто собирались втроем на своей половине дома. Закуток, именуемый залом, окон не имел.

Предметы обстановки стояли впритык. Основное место оккупировал стол, накрытый клеенкой с вытертым рисунком. Напротив — старый черно-белый телевизор на колченогой тумбочке и продавленный раскладной диван.

Другая комната была спальней. В нее хозяйева, проявив недожизненную силу для их возраста, умудрились затащить четыре скрипучие железные кровати и рыжий платяной шкаф. Одно койко-место пока пустовало.

Павлюк с Гариком постоянно спорили. По любому поводу. Павлюк больше из принципа. Доводил начитанного Точило. А тот не мог удержаться, стремясь на все высказать свою точку зрения. И убедить в ней не желавшего вникать в детали Павлюка. Олег Губарь посмеивался, глядя на жаркие пикировки приятелей.

В разговоре Гарик старался максимально сблизиться с собеседником. Незнакомых с его манерой общения преподавателей он удерживал за лацканы. Они пытались вежливо отстраняться от настырного студента. Со стороны это выглядело забавно, пара передвигалась в некоем танце. Гарик теснил оппонента, напирая на него, а тот все отступал. Если было куда.

Зрение у Гарика характеризовалось цифрами «минус шесть». На оба глаза. С астигматизмом. Но очков разбитной Точило не носил. Что делало его удобной мишенью для едкого Павлюка.

Тот регулярно подкалывал доверчивого сожителя.

— Воха, сколько время? — спрашивал Гарик.

Павлюк напрягался. С сосредоточенным видом всматривался в положение стрелок наручных часов. Чтобы ответить поточнее.

— Шесть.

Хотя на самом деле было три часа. Флегматичный Губарь слегка улыбался.

— Да ладно, гонишь, — все еще не верил Гарик.

— Ну на — посмотри!..

Павлюк на расстоянии выгибал запястье с циферблатом.

Гарик делал лицо: вроде увидел.

— А, ну да. Ого!.. А я думал, только три.

— Думал он...

Вскрывался обман не всегда сразу же, если у друзей хватало терпения.

Этот номер проходил не единожды. И сходил с рук Павлюку. Хотя однажды Гарик опоздал на свиданку. Физически крепкая и настойчивая девушка прождала его на холоде битый час.

Гарик ругался, конечно. Грозил растереть Павлюка в порошок или размазать по стенке. Но он был незлобив и уверен в себе, как все сильные люди. Успехи Гарика у женщин не добавляли ехидному Павлюку терпимости.

Павлюк включал телевизор. Один из двух существовавших каналов. Первый или второй. Звук он прикручивал заранее.

— О, «Вокруг смеха», — говорил Павлюк себе под нос.

Он демонстративно терзал ручку регулировки громкости допотопного телевизора и начинал смеяться, показывая пальцем на пыльный голубой экран.

Строгий диктор программы «Время» с казенным лицом вещал что-то о повышенных надоях на единицу поголовья коров в свете решений октябрьского пленума.

Держась за живот, Павлюк оборачивался к Губарю за поддержкой. Губарь сдержанно ржал.

Гарик начинал верить — не иначе что-то смешное показывают. Но все еще сомневаясь, боком, голова чуть в сторону — из-за астигматизма, — силится рассмотреть картинку юмористической передачи. Потом из своего угла за столом начинал хохотать. Вроде как рассмотрел.

В кино все происходило несколько иначе.

По ходу сеанса Гарик гоготал вместе со всеми. Потом спрашивал:

— А что там? Что там?..

Приходилось объяснять, жертвуя следующим эпизодом.

Сзади внятно шикали. Губарь оборачивался. Просто посмотреть, кто это там. Позади начинали глухо высказываться себе под нос. Явно что-то нехорошее. Недовольство переходило в скрытую стадию. Здоровый Губарь и до того закрывал кому-то пол-экрана. Бубнеж мешал уже следующим зрителям.

Ходил Гарик, высоко поднимая ноги. Экспрессивно выбрасывал руки. словно стремился охватить ими пространство. Такая размашистая походка энергичного незрячего.

А пьяный — вообще... переходил на ощупывание окружающей среды.

В темноте же друзья водили его под руки.

Дружеские издевательства Павлюк позволял себе только дома. В узком кругу. Публично уколоть Точило за слабость зрения остерегались и в школе.

Ладное от рождения телосложение Гарик укреплял силовой гимнастикой с гантелями. Не брезговал и турником во дворе. Мышцы поддерживал в рельефном состоянии.

Выписали очки Гарику еще в третьем классе. Купил он их в восьмом. После медкомиссии в военкомате.

Читал он много, запоем. Ночи напролет. Книжки давали ненадолго. Нравилось ему приключения, фантастика. Герои скакали на конях по бескрайним прериям или летели в бездонном звездном небе — это завораживало и придавало уверенности, что где-то есть другая жизнь...

Дома очки пылились в декоративной керамической кружке вместе с расческами у зеркала в коридоре. Роговая оправка, толстые стекла, оглобли. Уродливое дубовое изделие, как все производство товаров народного потребления для потребления народом. Других на прилавки не выкладывали.

Надевать их он стеснялся. Не вязались они с мужественностью рубахи-парня. В родном Жданове его прищур чернявых глаз сходил за самоуверенный пижонский взгляд.

Мир оставался размытым. Но не переставал быть красочным.

Первокурсники ходили на молодых собак.

Те тоже, осознав силу и свободу в одном флаконе, бессистемно бегают и лают, задирая прохожих и цепляясь за проходящие развевающиеся юбки. Голодные, веселые, хвост торчком.

Любвеобильный Точило всегда был широко востребован прекрасной половиной.

На первый журфикс в женское общежитие пригласили знакомые девушки. Междусобойчик собрали под сенью некой красной даты в календаре. Что-то типа дня взятия Бастилии.

В качестве презента Гарик пронес через проходную, обороняемую бдительной вахтершей, пару пузырей.

Другие гости тоже в грязь лицом не ударили. Не отстали в подарках. Так что усугубили. То есть напились.

Остаться в общежитии не удалось. Расходились далеко за полночь. Кое-кто в пути ударил в грязь лицом...

Добирался домой на Надгорную Гарик многотрудно. Путаными тропами по буеракам, теряясь в кривых проходах между бесконечными частокотами и утопая в емких лужах.

Электричество в городе экономили в соответствии с призывом партии. Уличное освещение на ночь выключалось. Так что и зрячий глаза мог выколоть за здорово живешь в густо утыканных низкорослыми плодовыми деревьями переулках. Или ногу сломать на выбитом лоскутном асфальте. Подстерегали и открытые люки.

Кромешная южная темнота. Гремучая смесь алкоголя с новолунием. Плюс последний отрезок пути в полном одиночестве.

Ночевал в ту ночь он на улице.

— Не пригласил товарищей, гнус, вот и результат, — долго припоминал ему злопамятный Павлюк.

Отчаявшись попасть домой, Гарик завернулся с головой в куртку и сном наетого младенца проспал в высоком бурьяне под стенкой трансформаторной будки.

Предварительно он побился всеми членами в гулкие железные ворота, стучал в дощатый штакетник. Все безрезультатно.

Губарь с Павлюком обладали здоровым сном растущих организмов и ничего не слышали. Тем более что окна их каморки выходили в палисадник на другой стороне дома.

Дядя Сеня был глуховат. Слуховой же аппарат цвета слоновой кости вечно барахлил. Ремонтировал его дядя Сеня постукиванием о подручные твердые предметы. Затем вслушивался в аппарат, как в морскую раковину.

А Тома — за ней за глаза закрепилось укороченное обращение — Гарика не впустила. Перестраховалась и не открыла. Возможно, помнила облавы немцев в войну. Не исключено, что и красно-белых в гражданскую. Хотя не слышать стук и грохот она не могла.

Тугоухостью, несмотря на годы, Тома не страдала. В чем имел возможность убедиться отец Гарика. Но на тот первый звонок должного внимания не обратили.

Окончательно ее порог слышимости определил где-то через месяц совместного проживания.

Пожилая супружеская чета божьих одуванчиков отнеслась к новым молодым квартирантам, как всегда, внимательно. Присматривались. Присматривали.

Тома отдавалась интригующему занятию со страстью безнадежно бездетной женщины. Возня на кухне не мешала ей. Как и журчащая в раковине вода, кашель дяди Сени и радио.

Играли в спальне в карты. В дурака. На нос. Начинали всегда на уши, но те быстро опухали.

Проигравший сам вытягивал после каждого кона две карты, определяя число картонок в будущей стопке и количество ударов. И получал ими по носу. А до этого по ушам. Но те быстро опухали.

Бились азартно. Били с хэканьем.

По-кавказски хитрый Павлюк, воспользовавшись подслеповатостью простодушного Точило, удачно заложил в карты плоскую металлическую расческу. И с оттяжкой прошелся по сопатке партнера. Гарик инстинктивно дергался назад головой. Его затылок дружелюбно придерживал Губарь. Нескольких ударов все же удалось избежать. Прошли по касательной.

Павлюк пощадил Гарика и не стал долго оспаривать необходимость их перебития. Довольный, посмеиваясь в жиденькие черные усики, тасовал карты.

— Учись, студент, пока я жив.

— Живи, пока я добрый, — обронил в ответ Гарик.

Он посопел, размазал сопли, на глаза навернулись слезы. Осторожно протер орган обоняния занавеской.

Приступили к новой раздаче.

— Точилин, в две шеренги становись, — припоминая «войну», приговаривал возбужденный Павлюк.

В этот день вразнобой маршировали на спортплощадке во дворе института. Военную подготовку пропускать не рисковали.

— Сейчас станешь, — глухим басом отвечал Гарик после каждого выхода. — Поставлю я тебя. На четыре кости.

О табуретку шлепали карты.

— Отбивайся, Гарик, — дружески советовал Губарь, заглядывая ему в карты.

— Ага, ногами от асфальта, — подначивал Павлюк.

Гарик молчал. Уверенно натягивал сливаемую ему шушере-мелочевку и, сатанея от нехорошего предчувствия, готовился к худшему. Носом чуял. Он, близоруко присматриваясь к цифрам и мастям, веером держал карты у самого лица. Словно прикрывался ими.

Но на этот раз до Гарика дошло, что так больно карты бить не могут, и он чуть не удавил шулера.

Скрутив между кроватями худющего Павлюка в витой бараний рог, из которого вбок и вверх торчали длинные голенастые ноги, он заставил его жевать от боли покрывало на кровати.

— Я тебе сделаю ласточку, — уточнил он характер пыток генацвале, выворачивая ему руки назад. — Бухенвальдский крепыш!

Губарь гыгыкнул и прогнусавил:

— Бьется в тесной печурке Лазо.

В расправу он не вмешивался.

После показательной экзекуции, когда Павлюк оправил одежду и достал закатившуюся пуговицу, играть по предложению Гарика начали на евреев. Проигравший объявлялся представителем семитской нации. Невнятный антисемитизм в Советском Союзе махрово процветал на бытовом уровне.

Начиная новый расклад, Точило потрогал красный нос и замахнулся на Павлюка. Тот отпрянул и скрючился, прикрываясь подушкой.

— В следующий раз урою, Воха, — пообещал в общем-то добрый Гарик.

Неудачливый горбоносый Губарь пять раз был объявлен евреем, и игра свернулась. Надоело.

И тут выяснилось, что дядя Сеня был еще и Семеном Яковлевичем.

Тома тихо вошла в игровой зал и, смущаясь, поведала:

— Дядя Сеня-то у меня еврей.

Поверить, что обшарпанный дядя Сеня отзывался и на необычную фамилию Эпельбаум, было тяжело.

— Цветущее дерево, — перевела то ли с немецкого, то ли с идиш Тома.

Постыдились, конечно. Глупость, чего говорить.

Тома задержалась. Она воспользовалась тем, что Точило сидел, и прижала ненадолго его буйну голову щекой к мокрому фартуку. Мыла посуду. Приглаживая торчащие волосы, она отклонилась назад и, умиляясь, смотрела на него кроткой овечьей улыбкой.

А Гарик спорил потом с упертым Павлюком до пены у рта, что Эпельбаум — это яблоня. Немецкого он не знал, но провел аналогию с английским. На этом уровне он с ним был знаком. Павлюк, естественно, возражал. От нечего делать. Он и русский знал плоховато. В грузинской школе учился.

— Кривой, как дерево, — закончил прения Губарь, вспомнив образ дяди Сени.

Хозяйские квадратные метры от сдаваемой студентам жилплощади отделялись простреливаемым узким коридором. Здесь пролежала граница. Хотя, по большому счету, делить было нечего. Полосы отчуждения не было.

Объединяли удобства. Деревянная кабинка уборной за штабелем дров в углу вытоптанного двора, кухня и ванная. Коммунальная квартира.

Достаточно скоро, однако, в местах пересечения взаимных интересов прояснилось, что Тома очень бережлива.

Вывернутые лампы в прихожей и коридоре доставляли мелкие неприятности по большей части одному Гарику. Оздоровительные же прохладные ванны принимали все и регулярно.

Вода, по задумке инженеров-теплотехников, должна была бы нагреваться, пробегаая по медным кишочкам опаленной временем настенной газовой колонки. А Тома вносила коррективы, управляя невидимым счетчиком газа. И в целях экономии регулярно прикручивала газ. Так что огоньки над дырочками в трубках горелки еле синели.

Котел висел на кухне. Выскакивать туда в мыле и голыми стеснялись. Тома основное время светового дня проводила в этом помещении. К тому же поначалу воспринимались закаливающие водные процедуры как удачные шутки друзей.

На исходе короткого зимнего вечера Гарик опрометчиво решил искупаться. Кому и когда приносила пользу эта непонятная тяга к чистоте?

Теплая жидкость пробивалась сквозь пластмассовый рассеиватель душа. Напор был несильный, и Гарик активно поворачивался, поочередно подставляя спину и грудь под струю.

Нежилась он недолго. Из лейки душа неожиданно полилась предельно ледяная вода. Перебирая покрывшимися гусиной кожей лапами по скользкому дну потрескавшейся эмалированной ванны, Гарик по-солдатски скоро завершил водные процедуры. И дал себе слово жестоко отомстить. Подозревался Павлюк.

Пришлось выждать в засаде несколько дней. Наконец, Тома отсутствовала в момент помывки нужного товарища. Отлучилась ненадолго. Гарик

прокрался на кухню и двинул рычаг регулировки до упора. Щедро поддав газку.

Судя по истошному воплю, внезапный кипяток друга Воху не обрадовал. Он орал, как резаный, и выскочил с выпученными глазами и ошпаренной красной спиной.

Когда после самоличной наладки газового оборудования Павлюк вернулся в ванную, появилась встревоженная Тома. Как стало известно, помимо рачительности в расходах она остерегалась языков пламени, вырывавшихся из топочного отверстия, и сопряженного с ним возможного пожара. Боялась она и взрыва котла, напуганная веселыми рассказами вечно поддатого газовщика.

— Взорвемся, — испуганно пробормотала Тома, с опаской приближаясь к амбразуру.

Она поправила платок, укрыв голову плотнее, и уверенным движением сделала воду холодной.

Взорвался Павлюк. Помимо воя включалась в понятие и вмятая матерщина. Контрастный душ, закаливание, гимнастика, весь этот здоровый дух в здоровом теле — все это не составляло приоритетов в интересах Павлюка.

Разборки на коммунальной кухне ни к чему не привели. Оборудование было заметно старинным и, по утверждению Тома, подавало голубое топливо крайне неравномерно.

— То идти, то не идти, — оправдалась она и махнула тоненькой жилистой ручкой.

Доказать причастность Гарика Павлюку не удалось. В злом умысле он не сознался. Только, по обыкновению, громко смеялся, закидывая голову назад. Так, что из неудачно побритой щетинистой шеи торчал острый кадык.

Тома даже успокаивающе махала на него тряпкой.

В принципе, со стариками ладили. Даже питались с одного стола.

Тома готовкой на свою малочисленную семью сильно не обременялась. Жарила котлеты, тефтели впрок и складировала слоями в эмалированные тазики на хранение. Потом эти окаменелости они с дядей Сеней подьедали, а точнее, сгрызали в течение нескольких недель. Благо челюсти давно были вставными. Может, и от пищи.

Приглашала Тома новых жильцов к трапезе всегда одинаково:

— Покушайте, ребятки, небось, оголодали. Игорек!..

Посмотришь на костлявых долговязых Павлюка с Губарем — предположение не кажется преувеличением.

За столом хозяева тихо пускали газы и отчетливо отрывивали, приговаривая устами Тома:

— Вы кушайте, а то у нас с дядей Сеней плохие желудки.

И отдельно обращалась к Игорьку. Дядя Сеня согласно кивал. На время приема пищи он вынимал мундштук изо рта.

Поначалу молодость с ее вечным голодом позволяла мириться с эксцентричными привычками старичков-боровичков.

— Покушайте пирожочки, — зывала Тома, — а то у дяди Сени язва.

Пирожки тоже пеклись, не размениваясь по мелочам. Ими заполнялись все свободные кастрюли и огромная десятиведровая выварка для белья. Там они отлеживались, ожидая своей участи под слоем марли. Чтоб мухи не питали бесплодных надежд.

В один прием пищи пирожки оказались такими горькими, с отчетливым вкусом крахмала, что прожорливый и неразборчивый Павлюк матерился весь вечер. Все не мог успокоиться.

— Чуть не вырвало, в натуре, — цедил он и отхаркивался в форточку.

Захваченные от стола пирожки пришлось забросить через забор.

— Может, сдохнет от отравы, — предположил Губарь, имея в виду соседскую собаку.

Та своим хриплым надрывным лаем доставала по утрам. Когда на зорьке, около десяти, хорошо спало.

— Что она, дура такое жрать? — ответил Павлюк с уверенностью. — Подохнет с голодухи, а есть не будет.

И сплюнул, тщетно избавляясь от жженого привкуса во рту.

— Наверное, Тома крахмал с мукой перепутала, — примирительно предположил Гарик.

Столоваться, несмотря на качество продуктов и пускающих шептунов хозяев, продолжали. Родительские деньги, выданные до конца года, пропили уже на исходе второго месяца.

Стипендию в сорок рублей в месяц растягивали, как резиновую.

Гарик периодически скреб по сусекам. Занимал у девчонок красный с профилем Ленина червонец. Несколько раз мотался на попутке домой за продуктами. Ходил на станцию разгружать вагоны.

Друзья обращались с просьбами о матпомощи к родителям почтой. Павлюк искал покупателя на свои командирские часы. Олегу Губарю приходили внушительные денежные поступления. Что было серьезным подспорьем. Надо отдать ему должное: под одеялом он не ел, кормил малоимущих товарищей.

Временами экономили на куреве. Переходили на папиросы. Гарику в этом смысле было легче. В их

школьной компании грубоватых ребят из рабочих семей курили «Беломор». Копировали взрослых.

Иногда элитный «Блохомор» достать было невозможно. Смолили сырой, с какими-то сомнительными палками в табаке, «Казбек». Пачка с джигитом называлась «Нищий в горах». Крайне редко опускались до продающего горло рапишем «Севера».

Воха Павлюк питал пристрастие к афоризмам:

— Тот, кто курит «Северок», — не подхватит трипперок.

С ним не спорили.

Вообще, курение являлось неким статусным признаком. Невозможно было оставаться своим в продвинутой компании, если не куришь.

Андрей Павлов, одноклассник Гарика, стойко переносил подначки около года. Наконец, когда его увидели с сигаретой, раздался гул восторженных голосов. Хотя тут же нашелся другой повод позубоскалить. Павлов держал сигарету, зажав ее кончиками двух пальцев далеко отведенной руки. Смотрел прямо перед собой. Слово собирался стрелять через прицел.

Курили почти все. Девушки — нет. Публично. Порицалось.

Раздавался звонок — и вся мужская часть аудитории выходила во внутренний двор перекурить. Даже зимой там было не протолкнуться. С чердака гоняли.

Социальная функция полностью оправдывала себя. Легко заводились знакомства. Прикурить, закурить, даже попросить оставить докурить, с кем уже находишься на короткой ноге. От острой, разрушающей основы личности, нехватки денег страдали многие.

Гарик запасливо бычковал. Слюной тушил окурок. С подачи центрального Губаря тот помещался в щель в кирпичной кладке. Выше всех остальных. Таким образом, его чинарик оставался недостижимым. Заначка сберегалась до следующей перемены.

Все трое учились на АиТ, но Губарь в другой группе. Осваивали автоматику и телемеханику. Павлюка, правда, первоначально занесло на ПМ — прикладную математику. Там проходной балл при поступлении был меньше. Но потом он перевелся.

На большой перемене Гарик посещал «Стекляшку», там же, в институтском дворе. Студенческое кафе специализировалось на пирожках на машинном масле и компоте из сухофруктов.

Как-то на кассе целый день провисел ценник: «Чай без сахара, заварки и лимона — 4 копейки». Описка, оговорка по Фрейду. Странная бурда действительно не несла в себе перечисленного. Только всегда. В смысле, каждый день.

Горячее в исполнении местных кулинаров Гарик брать остерегался. Его уже два раза пронесло после хлебных биточков с корочкой под мясом.

Переваривая разносолы, студенты разбрелись на занятия. Перетекая из корпуса в корпус по закону сообщающихся сосудов.

Неожиданно с натугой одолев первую сессию, Гарик стал серьезнее относиться к учебе.

Начал надевать очки на поточные лекции по физике и математике, где собирались все четырнадцать групп курса в огромном аквариуме между двумя корпусами. Но сразу же снимал на перемене, даже на короткой пятиминутной, в середине пары. Балбесы — Павлюк с Губарем — написанием конспектов себя не утруждали.

А на практических занятиях в группе Гарик продолжал садиться за первую парту. Старательно выводил старушечьим почерком свои каракули. Писал он огромными корявыми буквами.

Вскидывал голову, шурился, записывал, положив ее щекой на лист. Постоянно переспрашивал и согласно резко кивал. Преподаватели ждали, пока он закончит.

Однажды, уже весной, вернувшись из института, они застали на кухне заплаканную Тома.

— Тесто на пирожочки не взшло, — прошептал Гарик у ухо Павлюк.

Дядю Сеню увезли в больницу. Не только желудочно-кишечным трактом, оказывается, страдал он.

— Чёй-то с сердцем, врач сказал, — промолвила, всхлипнув, Тома.

Утерла влагу в уголках воспаленных красных глаз кончиком платка, взглянула печально на Гарика и ушла собираться в больницу.

Помирал дядя Сеня. Что при его физических кондициях не казалось чем-то неординарным.

Пришибленные известием, собрали совет на троих. За пивом. Бутылочное — «Ячменный колос». Мнение поддерживалось одно — не выживет.

— Куда ему...

— И так уже засиделся.

— Зажился, курилка.

— Кашлял все время, последнее время.

— Да...

— Как пить дать, кони двинет.

— Кстати... Дай открывачку.

Сколько было лет старикам — неизвестно. Павлюк с прямой офицерского отпрыска рубил, высказываясь образно:

— Давно лямку тянут.

Похороны, по всему выходило, должны были пройти крайне скоро. Если не сказать поспешно.

На пока еще трезвую голову подумали, что гроб больше негде поставить, как в их комнате. Удобнее всего.

Представился стол с продолговатым деревянным ящиком во всю длину, венки с золотыми поминальными буквами на черных лентах — «Дорогому дяде Сене от...». И прелый запах свежеструганных сосновых досок. Толпа стариков в пахнувших нафталином одеждах. Шарканье ног. Сдавленное покашливание. Завешенные тряпками зеркала. Тома с пирожками на подносе.

Дядя Сеня с восковым лицом умиротворенно сложил руки на груди. В задубевших пальцах зажата горящая свеча и иконка.

— Он же еврей, какая иконка, — окоротил Точило.

Павлюк перестал ржать.

— А что у них полагается?

Под проблему откупорили по новой бутылке янтарного водянистого напитка.

Раскидывали мозгами, куда и к кому можно податься, чтобы временно перекантоваться.

Точило уверял, что у него есть дамы сердца. Приютят. Губарь утром сбегал в студпрофком, клянчить общежитие. Павлюк против течения не греб, рассчитывал на товарищей. В конце концов, прибьет к берегу, в общаге где-нибудь всегда можно приткнуться. Вещей немного.

На скорую руку прибрались, собрали пожитки. Три дня сидели на чемоданах.

А потом объявилась Тома и принесла благую весть из больницы: крепкий старик дядя Сеня передавал привет.

Сам виновник переполоха выждал для эффекта еще неделю и вернулся живой и, если так можно сказать в его возрасте, здоровый. Даже повеселел. Почувствовал вкус к жизни.

А то вечно расхаживал с недовольной миной и сигаретой на мундштуке в углу скривленного рта. Международная обстановка его тревожила. Накалялась постоянно. Неизвестно какой градус уже достигнут.

Поминки не состоялись.

На них всерьез рассчитывал вечно голодный Павлюк. Ребра у него выпирали из-под кожи наружу, как каркас оригинального туземного барабана.

Но тут подоспел день рождения. Первое из троицы «деньрождение» выпало на долю опять безденежного к той поре Гарика Точилина. В конце марта.

Родители прислали поздравительную телеграмму. Желтые полоски бумаги с машинописным прыгающим текстом, наклеенные внутри раскрывающегося бланка с блеклыми хризантемами. Следом

пришел перевод на пятьдесят рублей. Деньги предназначались на новые туфли.

И в родном промышленном Жданове выделить-ся прикидом Гарик не мог. Ходил в простых брюках и рубашке. Джинсов и батников у него не было. Но девки — наиболее мягкое определение отца, он вы-ражался и грубее, — висли на нем гириями.

Батя вкалывал слесарем на металлургическом за-воде имени Ильича. Рабочие шутили:

— Какого Ильича? Непонятно.

Зарплату домой он доносил, но на нее купить было нечего. А к спекулянтам отец по принципиаль-ным соображениям обращаться запрещал.

Коммунистом он никогда не был, но считал, что нет Сталина на этих прохиндеев. Он бы живо навел порядок.

— Просрали страну, — непарламентски выражал-ся он.

С его слов, многим не хватало твердой руки для встряски.

— На, пересчитай, — говорил он жене, бросая по-лучку на стол.

И уходил во двор играть в домино. Там за столи-ком под смастеренным навесом, покуривая, мужики вели тяжелые разговоры за жизнь. Распивалась ве-черняя после смены законная поллитровка. Те, кому в ночную, заряжались перед сменой.

Отец молча, взглядом исподлобья, провожал уходящего на гульки Гарика поверх обоемы зажа-тых в огромном кулаке костяшек домино.

Тихая маленькая мать наглаживала стрелки на брюках единственного сына и всегда ждала его допоздна. Пока он не вернется. Опустив голову на шершавые ладони, она сидела в коридоре под две-рью на шаткой обувнице. Свет не включала. Не хо-тела мешать мужу спать.

Затурканная на трех работах, она убирала подъ-езды, мыла полы, окна. Стертые грубыми тряпками руки на людях она старалась прятать. Стеснялась их шелушащейся тонкой белесой кожи.

— Мама... — с порога сдавленным голосом увеще-вал Гарик, возвращаясь ночью.

Гарик, освещенный тусклой лампочкой из подъ-езда, обезоруживающе улыбался и убеждал, что с ним ничего не случится, и он придет, и не нужно его ждать. На это она неизменно тихо отвечала:

— Когда у тебя будут свои дети — поймешь.

Они осторожно шли на кухню. Половицы скри-пели. Закрывали дверь. Включали свет. Гарик не-разборчиво ел, припивая из кружки чай.

Шепотом подолгу разговаривали, забывая о вре-мени. Мать садилась напротив, подпирала голову натруженными руками и с нескрываемой нежно-стью смотрела на сына. Она была благодарным слу-

шателем. Сейчас она улыбалась, любовалась им, и мечтала, и вспоминала. Ей было все равно, о чем он рассказывает. Даже если Гарик делился познаниями в точных науках.

Иногда она неожиданно, невпопад, говорила:

— Соберешься жениться — скажи.

— Мама...

— Я так, к слову. Ты, сынок, не торопись, выбери девушку хорошую, чтобы навсегда, добрую... Чтоб не курила и не выпивала, не то что эти...

— Мама... Ну что ты все об этом?

— О чем же мне еще?

Она касалась его пальцев, коротко гладила их и сжимала кисть руки.

— Ты для меня всегда... Остался такой же ма-ленький.

Гарик улыбался, в уголках его сощуренных чер-ных глаз прыгали чертики.

— Нелогично. Как я тогда жениться могу?

— С родителями ее познакомь нас сначала. Хоро-шо? Чтоб знать.

— Ладно-ладно... Торжественно обещаю.

Она трепала его за волосы и целовала в лоб.

— Пойдем спать, поздно уже.

Это был ритуал, заведенный с детства.

Давно, когда он был маленьким, она еще рас-сказывала ему перед этим сказку на ночь. Она зна-ла много народных сказок. Гарик лежал в кровати, укутанный одеялом до носа. Особенно он любил ве-селье истории, в которых сметливый добродушный мужик неизменно выходил победителем из различ-ных состязаний с хитрыми чертями.

Уходя, мать всегда говорила:

— Покойной ночи.

Гарика это выражение не нравилось. Сразу же вспоминалось, что маме много лет. Сколько, он сра-зу сказать не мог. Ему всегда казалось, что ей уже много лет. Может, потому, что у нее было морщи-нистое усталое лицо, она сутулила плечи и редко поднимала голову. Разные мысли лезли в голову. Он целовал ее в сухую щеку и неизменно отвечал:

— Спокойной ночи.

Дверь в спальню медленно прикрывалась, толь-ко узкая полоса света пробивалась из-под полотна. Он оставался наедине со своими мечтами. Укуты-вался коконом в одеяло, заново вспоминал и мыс-ленно повторял сам себе только что рассказанную ему историю. Часто они были с продолжением, и он любил представлять возможные события...

А потом Игорь Точилин уехал поступать. И по-ступил, хотя репетиторов у него не было.

Именины почти совпали с внеплановым воскре-шением из мертвых отпетого было дяди Сени и

прошли в приподнятой обстановке. Счастливая Тома предложила провести застолье на их половине в большой комнате. По этому случаю ввернули вторую лампочку в пятирожковую деревянную люстру под фальшивую бронзу.

Готовиться к празднику начали заранее. Бутылки покупались не все сразу. Пронесли их в цилиндрическом пластмассовом тубусе для чертежей. Хозяева привычно пасли.

Водку и вино прятали под кроватью за вещами. Ожидались несколько умеренно пьющих приятелей и пара-тройка девчонок. Павлюк принарядился по такому случаю. Долго и тщательно причесывался, сбрызгивая непослушные густые волосы водой и одеколоном.

В прологе вечера все было предельно чинно. Позвали к столу. Ножи, платки-салфетки, похожие на рушники. Привычные Томины тефтели разбавили консервированными яствами из ближайшего магазина. Типа толстолобика в томате и маринованных помидоров. Березовый и томатный сок выставили на стол в трехлитровых стеклянных баллонах.

Дядя Сеня расщедрился на бутылку выдержанного сладкого кагора. Распечатал стратегические припасы десятилетней давности.

В порядке алаверды Павлюк притащил бутылку кубинского тростникового рома. Точило клятвенно заверил стариков, что только одна. Максимум две.

Застолье началось длинным заздравным тостом Игорьку от Тома. Ее быстро повело. Она раззадорилась и плясала весь вечер, как на собственном бенефисе. Пританцовывала, даже когда музыка не играла. Вспомнила молодость. Магнитофон обложками выдавал минорно-мажорные мелодичные песни набирающих популярность итальянцев.

Один раз она вытащила потоптаться на тур вальса дядю Сеню. Он чуть не припал ей волосы сигаретой. На мундштуке. Покружился с хозяйкой и именинник. Тома млела.

Молодежь тоже не отставала.

Квартиранты и их гости подпольно бухали. Быстро сменяясь, уединялись группками в спальне. Расплескивали по стаканам спиртное и во все более приподнятом настроении возвращались в зал.

Под конец празднества Тома разошлась настолько, что решила одарить любимчика.

Она фамильярно подмигнула Точило. Удалась в закрома. Пять минут спустя появилась, что-то крепко сжимая в маленьком кулачке. Готовился сюрприз. На лице у нее блуждала блаженная улыбка.

Вручала она подарок, не разжимая пальцев. Передавая с рук на руки какой-то небольшой предмет, она закрыла Гарику руку. Не позволив сразу посмотреть.

Девчонки повизгивали. Под нетерпеливые крики собравшихся зрителей Гарик разжал кулак. На ладони лежали антикварные алюминиевые запонки. На одной накладной лев — из того же металла — отклеился.

Гости оценили. Запонки пошли по рукам. Девушки у зеркала примеряли их на лацканы блузок.

Тома, держась обеими руками за уголки платка, поглядывала на Гарика с умилением. Гарик принимал поздравления, кривился и близоруко щурился. Он испытывал неловкость от всеобщего внимания.

— За семь копеек, — несдержанно ржал Павлюк, когда они остались одни.

Губарь ухал, как филин в лесу, перепуганный спросонья внезапной облавой.

— Нашла где-то на улице, — сказал он, едва отдышавшись. И опять зашелся в смехе.

Гарик молчал. После окончания вечера друзья уговорили его догнаться в спальне.

Он лежал на своей кровати на спине и не мог остановить раскручивание карусели потолка. Тот ускользал, срываясь с орбиты вокруг сверхновой лампочки, подвешенной на витом проводе. Комната плыла по течению. Желтый свет косматыми прядями пробивался сквозь облака табачного дыма. Он перевернулся на живот и зарылся лицом в подушку.

Тело обмякло, норовило отделиться от него, погружаясь в горячий физраствор. Ему было очень плохо.

Несколько раз просил у Павлюка тазик. Павлюк, прикалываясь, не дал. А то убрать потом было бы легко. Пришлось Гарику блевать на газету. Он дотянулся до табуретки и сдернул листок на пол.

Первый год отучились и разъехались на побывку по домам. Гарику ехать было ближе всех. Всего-то сто тридцать километров.

Летнюю сессию — пять экзаменов — он сдал в двадцатых числах июня. Досрочно в деканате не позволили.

Отец вызывал телеграммой на переговоры. Мать заболела. По его голосу понял, что-то серьезное. Отец не сказал.

Перед отъездом Гарик взял у Тома в кухонном шкафу пару пачек дрожжей и высыпал в круглый провал сортира. Все споро забродило и полезло наружу.

— Кипит наш разум возмущенный, — коротко рассмеялся Павлюк.

Запонки Гарик бросил туда же...

Спертый воздух в старом львовском автобусе вонял оплавленной пластмассой. В узкие форточки выдувало жирные от грязи синие шторы. Гарик сидел у жарко протопленного двигателя в конце пере-

полненного салона. Водитель подбирал безбилетников по всему маршруту.

В больницу он успел.

С прямой спиной, словно вытянувшись в струну, она сидела в коридоре у окна в кресле и смотрела на каждого входящего. Увидев его, мать беззвучно заплакала. Вокруг воспаленных глаз у нее была чернота. И неестественно желтое лицо. Было видно, что ей тяжело. Она теребила пальцами край старого байкового халата и редко вздыхала.

Он присел перед ней на корточки, положил ей голову на плечо, и она обняла его, прижавшись к нему. Она сильно похудела.

— Дождалась, — прошептала она. — Родненький ты мой.

— Мама, ну что ты... Мы все сделаем...

— Сынок, все хорошо... Просто подлечиться надо. Ты приехал. Как у тебя дела? Сдал на стипендию?

— Четыре четверки и пятерка. Что с тобой?

Гарик оглянулся на удивляющего взгляд отца. Наконец отец посмотрел на него, быстро отвернулся и механически произнес, отвечая на немой вопрос:

— Мочевой пузырь. Непроходимость, вот... Камень. Ничего, операция скоро. Доктор сейчас будет. Нормально, сказал.

Его словам никто не верил. У Гарика в глазах пошли круги, он теснее прижался к матери. От нее пахло лекарствами. Мыслей никаких не было. Ощущение детства...

Появился бодрый пожилой врач с моложавым лицом, на котором выделялись циничные четко очерченные губы. Весь в белом.

— Ну вот и молодец, — затараторил он и обходительно поприветствовал всех. — Ну, нам пора. Уходим. А мы идем оперироваться. И нечего здесь бояться. Рутинная процедура. Верочка, Лида, — крикнул он невидимым медсестрам, — забираем!

Операцию провели, под утро мать умерла. От рака желудка. Той ночью они с отцом дежурили в больнице вдвоем. К ней в реанимацию их не пустили.

Приходил врач. Руки он держал в карманах. Что-то скороговоркой говорил, говорил. Принес известие. Гарик все время смотрел на пожелтевшую, потрескавшуюся от времени пластмассовую пуговицу на его халате. Наконец врач ушел.

Они с отцом отвернулись к окну, не решаясь смотреть друг другу в глаза. Гарик вытирал слезы пальцами.

— Я ему денег дал. А он мне говорит, — тихо сказал отец, — зачем, говорит, делать, пузырь мочево-вой... Только деньги зря потратите, все равно умрет... Четвертая стадия... В желудке. А она мучилась, пожелтела вся.

Опустошенный Гарик зарыдал.

В сентябре вернулись из колхоза на Надгорную. Снова потекла череда дней. Внешне с прежней однообразностью.

Гарик часто выходил к морю и с обрыва подолгу смотрел вниз на рыбацкие лодки. Серебристые «ракеты» иногда проносились по стеклянному серо-голубому морю.

В отлив море уходило очень далеко, обнажая илистое дно. Лишь вдалеке виднелась полоска воды.

Вечерами холодало, но он продолжал сидеть под раскидистым тополем на старой, брошенной кем-то парусиновой раскладушке, иногда даже вязаную шапку натягивал, и смотрел в размытое звездное дно.

Ночью за большой водой по берегам изогнутого дугой залива виднелись россыпи огней. Не вдалеке на оконечье мыса равномерно вспыхивал маяк. В чернильном студне моря медленно передвигались, как далекие светлячки, катера. Иногда куда-то в неведомое проплывал в невесомости огромный корабль, расцвеченный гирляндой огней.

Где-то там впереди должен был быть горизонт. Пароход исчезал за ним.

Утром на легком ветру трепыхались тополиные листья. Сверху темно-зеленые, снизу они серебрились.

Так называемое время застоя активно разлагалось.

Как и недоступный для близкого обозрения Запад в жутких описаниях лекторов общества «Знание», в котором трудились агитаторы и пропагандисты школы марксизма-ленинизма миллионов. Обладали они какими-то тайными знаниями о миазмах и тлетворном влиянии пресловутого забурра. Где под тяжким гнетом акул империализма изнемогали бесправные безработные и подневольные поденные рабочие. Тяжелее всего приходилось неграм.

Сам монополистический капитализм в его последней и окончательной фазе — империализме — находился на самом краю бездонной пропасти. Голова кружилась от натуралистических рассказов. И если посмотреть. Вниз, в смысле.

Надо сказать, что при всех тягчайших пороках капитализма тянуло поддаться им со страшной силой. Взглянув хотя бы одним глазком. Осуществить мечты и побывать за кордоном удалось только в девяностых, а тогда были доступны джинсы, диски (огромные черные пластинки для проигрывателей), книги, кино.

Строй, в котором страна жила и боролась с миром капитала, к тому времени идеологи контрпропаганды придумали переименовать из просто социализма в развитой — с ударением на последний слог — соци-

ализм. Таким образом подчеркивалась поступательная динамика. Вперед.

Шутники рассказывали анекдот. О различных методах продвижения к коммунизму у разных руководителей партии и правительства в разные времена.

Едет поезд, впереди закончились рельсы. Доклады вают Ленину. Владимир Ильич выходит — пламенная речь. Все на укладку рельс и — дальше, дальше, дальше! Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка!..

Едет поезд дальше, рельсы внезапно обрываются. Сталин приказывает расстрелять начальника станции и каждого десятого. Остальных на укладку путей...

Из той же ситуации при Хрущеве вышли, по его указанию, посредством постоянной перекладки рельс зади вперед...

При другом Ильиче — Брежнев — вопрос с невозможностью дальнейшего движения решался плотным зашториванием всех окон и раскачиванием вагонов сотрудниками КГБ. Для имитации движения...

На вопрос, почему при социализме, этом неизбежном переходном периоде от капитализма к коммунизму — обществу всеобщего изобилия, — элементарно не хватало еды, ответ из народного творчества шамкающим голосом престарелого генсека гласил: «А в дороге кормить никто не обещал».

Но тем не менее мы с каждым годом все успешнее догоняли и перегоняли Америку. Брался при этой гонке часто встречный повышенный план. От заниженного основного. Премии, прогрессивки и тринадцатые зарплаты вошли в норму.

На демонстрациях трудящихся, а их было две — первомайская, олицетворяющая собой солидарность с трудящимися всех стран, и ноябрьская, в ознаменование очередной годовщины победы Великого Октября в семнадцатом году, — мы, уже студенты, носили фанерные портреты членов родного Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза на длинных держаках от лопат. И хотя на них одноликие подретушированные лица вождей выглядели весьма прилично, без морщин и довольно молодожаво, все они были глубоко пенсионного возраста.

Кстати, трудящимися в Советском Союзе считались все, так что никакого диссонанса в участии студентов в демонстрации солидарности со всеми людьми доброй воли в мире не было.

Для нетрудящихся же существовала статья в Уголовном кодексе — за тунеядство и бродяжничество. Присутствовали там и соответствующие статьи за валютные операции (обмен рублей на доллары, к примеру, или просто обладание оными), спекуляцию, то бишь перепродажу чего-либо кому-либо

с целью наживы, и прочие тормозящие подпольное предпринимательство пункты.

Первой ласточкой, провозвестником череды похорон, был министр обороны СССР, член Политбюро и маршал Устинов. Кажется, Дмитрий Федорович. Будучи пожилым больным человеком, убеленным сединами, он тем не менее безвременно ушел из жизни.

Не оставайся у руля коллективное Политбюро ЦК КПСС с его постоянными членами, за малым нельзя было сказать: на кого он нас покинул?

Похороны осуществлялись с размахом, почти как первого лица государства. Словно готовились на будущее. Остальные члены, тоже преклонного возраста, воспринимали происходящее куда как серьезно. Готовили подходящие горда к переименованиям в свою честь.

Устинов, кажись, удостоился Ижевска.

Маршала, при всенародной скорби от утраты видного военачальника, первым повезли в гробу на орудийном лафете.

Коробочек с орденами на бархатных подушечках за ним несли немерено. И предали земле под залпы из салютующих ружей у Кремлевской стены рядом с мавзолеем Ленина. Там сформировалось приличное кладбище из выдающихся деятелей партии и государства.

Как оказалось, репетировали не зря.

Знали, конечно.

Переулок 12-й Новый

Первое самое сильное впечатление жизни врезалось Вохе Павлюку в память навсегда. Ему было не больше четырех лет. Однажды отец взял его с собой в Батумский порт, где служил. Наверное, не с кем дома было оставить.

Его охватила смесь необычных запахов: соленой воды, водорослей, машинного масла, краски, ржавого железа... Отцу козыряли матросы. Они резким движением бросали кончики пальцев к бескозыркам с ленточками и золотыми буквами на околыше. Он шел рядом с отцом, держась за руку и чувствуя себя взрослым.

После небольшой экскурсии по судну, ошеломленный, он стоял на палубе на ветру в вышине на каком-то ящике и, опираясь подбородком о парапет, долго глядел вниз. Скрип цепей, толстые канаты, гудки, маяк, отрывистые команды.

Огромные корабли швартовались и отваливались от причалов. Выходя в открытое море. Ему тоже хотелось куда-то плыть. Куда-то далеко. Стоя за штурвалом.

И он уехал в Таганрог поступать в институт. Поездом.

Отец Павлюка, капитан третьего ранга Павлюк, денежное довольствие получал приличное. Присылал содержание. (Павлюк-младший на стипендию не вытягивал.) Как он относился к сыну, непонятно. Приезжал он только один раз, сразу после зачисления.

На первом курсе многие жили на квартирах. Мест в общежитиях не хватало. Хотя их и построили пять корпусов на три факультета. Студенты селились на частном секторе возле альма-матер. Чаще по трое или четверо. Реже по двое. В соответствии с алчными аппетитами хозяев.

Отцы видели в этом некоторое выделение из общей массы, из строя совграждан. Отец Павлюка точно видел. Было лестно за свою состоятельность. За квартиру приходилось выкладывать существенную сумму.

Матери же по большей части надеялись, что, проживая на квартире, сыновья избегут дурного влияния большого озабоченного мужского коллектива.

Юг. Солнце, море. И все вытекающие отсюда соблазны.

Говорят, когда-то в обильно заселенную солдатами крепость Таганний Рог завозили веселое женское население. Заезжие командированные и летние отдыхающие из обеих столиц передвигались по Таганрогу разинув варежки. Если приезжали с женами, то те постоянно одергивали короткие поводки.

Девушки города выделялись страстной красотой. От смешения различных кровей. Многие одевались на грани фюла.

Совершая прогулки с друзьями, острый на язык Павлюк солировал. Комментировал всех, кто находился в поле зрения. Но в основном дефилирующих девушек. Те чаще прохаживались парочками.

— О, Кравченко из параллельной группы выкапталась. Восторженная такая... Как только из яйца вылупилась. Смотри, Олег. Туда же.

Павлюк длинно затыгивался и выпускал дым кольцами.

К толстой Кравченко навстречу двигалась ее подруга Людка Котеленец. Тихая замухрышка с длинной косой. Подружки издали увидели друг друга и тянули навстречу руки.

— Встретились два одиночества, — осклабился Павлюк.

Девчонки радостно обнялись и пошли дальше вместе, держась за руки.

— Красавицы описанные. Надеются на что-то... — Павлюк продолжал отсмотр вожденной фактуры. — О, и Таня Селецкая рулит. Стрелецкая.

Скелетская... Суповой набор костей. — Новая затяжка, кольца. — О, а вон девчонки ничего. Не видел раньше. Местные, наверное. Не идут, а пишут, глянь! Олежа!.. Ничего девчонки.

Губарь по обыкновению отмалчивался. Иногда хмыкал. Он всегда был себе на уме.

Точило кивал и улыбался. Все равно ничего не видел. Очки он на улицу не надевал. И если события происходили на другой стороне улицы, ему было не разглядеть.

Поначалу выходили в свет втроем. Гарик Точилин, Олег Губарь, Воха Павлюк. Жили вместе на квартире неподалеку от института. Что было удобно. Но на вторую пару все равно опаздывали. На первую пару ходили редко. Лень. Да и сил после ночных загулов ходить в школу не было. Так именовали институт. Теперь высшую школу, высшее учебное заведение. Вуз.

Для девушек аббревиатура расшифровывалась как «выйти успешно замуж». На факультете их было большинство.

Но Точило с Губарем быстро обзавелись пассиями сердца, и у них образовались другие интересы. Так что толку от них было мало. Павлюк стал чаще гулять с Вадиком. Учились они в одной группе.

Вадик Черновол приехал из маленького шахтерского городишка на Донбассе. Невысокого роста с кривоватыми ногами. Выглядел зримо плугогато. По определению Павлюка.

Красавец Павлюк на его фоне ходил гоголем. В пиджаке он не казался таким уж худым.

Гонористого Павлюка в группе прозвали Гусем. Худющий шутник строил из себя, как тогда говорили, делового. Кавказское происхождение заставляло соответствовать.

Разговаривал он, брезгливо кривя верхнюю губу. Тонкие усики вздергивались. И всегда таким тоном, что провести грань между интонацией начала ссоры и возможного братанья было невозможно.

Рассказывая, он акцентированно жестикулировал. Смеясь, отводил руку резко в сторону. При этом он распрямлялся и отклонял корпус назад, одновременно приподнимая выставленную вперед ступню. Длинные ноги напоминали поручни от брусьев. Сложная конструкция.

Со стороны он походил на циркуль в работе.

После выхода фильма к определению добавилось Рэмбо. Стал он Рэмбо-Гусь. Кличка прицепилась.

Продолжение следует.

Михаил ЛИТВИНОВ

От редакции

В мировое пространство приходит новое, непредсказуемое поколение, даже и не поколение вовсе, а туманность, несущая во чреве своем неведомых доселе личностей. Сперва думалось — вернулся Базаров. Ан нет: слишком уж много символов задействовано в таком мышлении. Казалось, стремление к определенным мифологемам породит ожидание божественной сущности процессов. Тоже не подходит: вдруг разговор пошел об атеизме и материализме. И выясняется, «что не все люди достойны гуманного отношения». Но здесь же практически гимн человеческой природе: «Верши сам свою судьбу — и никогда не будешь недоволен другими».

Таков юный Михаил Литвинов, жаждущий пути и познания. И его уж точно не смогут загнать в глянцевые рамки «офисного планктона» сегодняшние либеральные «толстяки». Потому что Михаил Литвинов, несмотря на свой возраст, уже личность. Возможно даже, очень неудобная для нашего времени личность.

Я, учащийся физико-математического лицея № 1523 Михаил Литвинов, в этом году стал лауреатом I степени окружного фестиваля «Творчество юных XXI веку» в жанре «Литературное творчество» в номинации «Проза». Затем получил диплом лауреата фестиваля «Юные таланты Московии». Эти успехи несколько окрылили меня, и я осмелился отправить вам свои фантастические зарисовки. Надеюсь, что вам они понравятся.

Коротко о себе. Родился в 1994 году. Поступил в школу № 838 в 2002 году. К 2009-му перевелся в физико-математический лицей № 1523 при МИФИ, где учусь по сей день.

Любимые книги. Сейчас я люблю читать фантастические произведения Леонида Каганова и Станислава Лема, историческую прозу Пикюля и Толстого. Вообще я много читаю и не могу точно сказать, какая книга произвела на меня большее впечатление. Если вспоминать книги, которые более всего повлияли на развитие моих взглядов, то можно назвать произведе-

ния Джорджа Локхарда, Фридриха Ницше, Михаила Литвака и Александра Никонова. Это совершенно разные авторы, но каждый из них был необходим мне в свое время. Более того, я думаю, что некоторые их произведения я буду перечитывать снова.

Читая Локхарда, я развил в себе тягу к свободе, к разумному и светлому в человеке. Труды Ницше, всю глубину которых я, пожалуй, не сумел осознать до конца, привили мне некоторую безжалостность как к другим, так и к себе, своим идеям и мечтам, а также помогли отделить по-настоящему мои мысли от десятков идей, привитых мне в процессе воспитания. Михаил Литвак — психолог и педагог — помог мне немного разобраться в окружающем мире человеческих отношений, подвести под философские размышления хотя бы какую-то практическую базу. Хотя, конечно, одной книги для этого мало. Наконец, книги современного либералиста Александра Никонова помогают мне формировать мнение по наиболее злободневным вопросам современности.

Цель жизни. Я не вижу перед собой некоего смысла жизни как абстрактного понятия. У меня есть некоторые планы на ближайшее будущее, но глобального смысла жизни в духе классиков я не ставлю ни перед собой, ни перед человеком вообще. Я надеюсь всю жизнь заниматься саморазвитием, но это не смысл жизни, а естественная потребность разума. Я желаю изменить ту маленькую часть мира, в которой нахожусь, сообразно своим представлениям — но это лишь тяга к комфортной, приятной жизни. Вообще смысл жизни подразумевает нечто, что определяло бы жизнь с самого начала и до конца, некий изначальный замысел, направленный на достижение цели. В этом случае эта цель, ради которой была создана жизнь, и был бы ее смыслом. В высшие силы я не верю, так что конкретного смысла жизни у меня нет.

Жизненная философия. Много было сказано выше. Я атеист, материалист, и стараюсь быть достойным этих званий. Мне во многом импонирует философия Эпикура. А вот гуманистом в современном

значении этого слова я бы не смог себя назвать. Люди все-таки совершенно разные, и поэтому «уравнять» их всех между собой просто невозможно. Далеко не все из людей достойны гуманного отношения. Среди критериев, по которым я оцениваю окружающих, наиболее важными мне кажутся способность создавать что-либо, быть эффективным в своем труде, вести адекватный

диалог с другими независимо от их убеждений, способность быть счастливыми, получать удовольствие от своей жизни.

Друзья. Я посвящаю большую часть своего времени учебе, чтению и хобби, поэтому у меня не слишком много времени для дружеского общения. Я люблю одиночество и часто предпочитаю его живому общению. В послед-

нее время появилась возможность связываться с интересными людьми через Всемирную паутину, что также позволяет обходиться без непосредственного общения. Так что среди моих друзей — лишь пара достойных людей, которые на данный момент интересны мне в наибольшей степени.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ХАРУ

По тихим городским улицам медленно, как туман в ночи, движется повозка. Медленно, с легким шуршанием проворачиваются зыбкие колеса, да тихо звенит небольшой колокольчик на хомуте. Никто не везет ее, никто не толкает, сама по себе медленно катится она по замерзшему в ночи городу.

В самом дальнем углу, недвижим, сидит хозяин. Сгорблена и иссушена его фигура, черны пустотой большие глаза; покрыто морщинами лицо, загнут крючком нос. Впалая грудь не вздымается никогда в дыхании, и не придет в движение древняя кровь. Тело его скрыто широким и длинным куском буро-черной ткани — то ли древним плащом, то ли потемневшим от времени и пыли саваном. Длинные узловатые пальцы сжимают тонкую, будто из слоновой кости сделанную рукоять бронзового молота с крючком на конце. Когда тележное колесо наезжает на камень, а колокольчик звенит в ночи, молот лишь слегка вздрагивает над головой у замершего хозяина; слабые отсветы фонарей взыграют вдруг на его узорчатой бронзе. И тянется путь.

Не жив и не мертв хозяин повозки — да и, даже если бы захотел, не мог бы ни ожить, ни умереть. С холодным спокойствием устремляет он свой взор в пустоту и ждет. Ждет, когда повозка остановится.

Дальше, дальше. Мимо домов, мимо улиц, дальше. И вот наконец у очередной бетонной коробки повозка замирает. Хозяин ее сидит еще пару мгновений, затем медленно, как во сне, разгибаются скрытые плащом ноги, и темная фигура продолжает свое движение в одиночестве. Та же плавность, замед-

ленность. Тот же парящий над маленькой головой молот на тонкой ручке, те же блики на бронзе.

Темная тень заходит в подъезд, беззвучно поднимается по ступеням. Железные двери, замки и засовы незримо растворяются, когда хозяин молота идет по своему пути.

Наконец путь окончен. В заставленной старой мебелью комнате на клетчатом диване лежит его жертва.

Бледное, рыхлое лицо, устремленные в потолок глаза и след от только что высохшей слюны на щеке. Безвольная, опущенная к полу рука с побагровевшими ногтями. И включенный телевизор, отбрасывающий на все дикие, пляшущие тени.

Хозяину молота не нужен свет, чтобы видеть. И одеяло, подоткнутое по краям, не мешает его взору. Он видит эту жизнь; видит то, что могло бы быть этой жизнью. Слабые всполохи где-то в теле, как зарницы, пробегающие от живота к голове и затухающие в одно мгновение. Он поднимает молот ввысь, берет за самый кончик рукоятки, и низость потолка не служит помехой переливающейся бронзе.

Темная фигура бьет. Бьет по блеклому манекену, откалывая от него куски и разбивая их в пыль; бьет, не прекращая, все быстрее и быстрее. Но нет ярости в пустых глазах. Лишь тонкие крючковатые руки раз за разом поднимают древко и обрушивают его на рассыпающиеся осколки. Раз за разом, раз за разом.

В гробовой тишине расправа окончена. Телевизор погас, и даже проезжающие машины не бросают

отсветов в окна. Лишь пыль наполняет темную комнатушку, обволакивает хозяина молота, как второй грязно-темный плащ. Фигура сгибается, запускает в кучку пыли длинные когти. Худые, будто прилипшие к зубам щеки раздуваются, и хозяин молота дует на пыль, просевает ее между когтями, подбрасывает в воздух и пытается поймать что-то невидимое сухими ладонями.

Пыль клубится и летает по комнате. Ни одной пылинки не оседает на сморщенную ладонь; все они, кружась и падая, исчезают в воздухе. Но тень не отчаивается, раз за разом взмахивает она пальцами, раз за разом с легким дребезжанием смыкаются в пустоте когти.

Но вот наконец что-то мелкое заблестело под слоем праха. Тень сгибается еще сильнее, прищуривается, осторожно дует и едва подгребаёт когтями. Из-под слоя летучей пыли показывается маленький,

в один-единственный карат камешек. Пустые глаза въедаются в него, отражаются и дробятся в десятках граней, и из отраженного света протягивается едва заметная паутинка-нить.

Хозяин молота отклоняется, боясь своим дыханием сдуть найденный клад. Аккуратным движением он зажимает нить между когтей и бережно укладывает камень в небольшой мешочек у себя на поясе.

И вновь открываются двери, вновь клубится в воздухе темная фигура. Неслышными шагами идет она к своей повозке, чтобы вновь, как и раньше, замереть в самом темном ее уголке. Хозяин молота чуть разворачивается, бросая взгляд на лежащее где-то среди стекла и бетона тело. Сегодня у него немного добычи. Но даже и это лучше, чем совсем ничего. Куда лучше, чем обычно.

И вновь медленно катится повозка без лошади, вновь шуршат по дороге старые колеса...

ГРОНХОЛЬМ

Когда он очнулся, он ничего не увидел. Лишь жар и пламя были вокруг. Не чувствуя ни верха, ни низа, лежал Гронхольм в огне и металле. От огня железо вокруг него плавилось и ручейками стекалось вокруг его сути. И в этой сути зародилась мысль: «Я существую. Я знаю имя свое».

Но, поняв это, он задал другие вопросы: «Где я, а где не я? Чем отличаюсь я от себя во тьме?» И, задав вопрос, он ограничил себя в длине, ширине и толщине, вобрал в себя дальние ручейки плавающего металла и запретил иному смешиваться с собой. Но, лишь отделив себя от остального, он оказался сдавлен со всех сторон. Килограммы другого железа, тяжелые и горячие, тысячью игл укололи все его тело, желая расплатать, повергнуть и поглотить его, смешав с остальным металлом, бездушным и мертвым, всесильным в своей одинаковости.

«Но могу ли я исчезнуть, задав на свете лишь один вопрос, просто потому, что получил ответ?» — спросил себя Гронхольм, и новый вопрос дал ему сил. Он собрался весь в одном месте и, набравшись сил, сам стал давить.

«Оно давит на меня, и значит, я буду неправ, если я не надавлю на него, — подумал он. — Посмотрим, кто кого задавит — оно, большое и безликое, или я?» Проникнув мыслью в суть вещей, он осознал Его. Оно было велико — он был лишь крупинкой в нем, одной мельчайшей частью.

Осознав Его во всем его величии, он ужаснулся: «Как я, маленький и слабый, дерзаю идти от Него?» Но, подумав так, он не прекратил бороться. Секунды были часами, минуты — столетиями, и, отчаявшись в борьбе, он подумал: «Почему я борюсь? Почему я не повержен? Ведь в величии своем Оно могло поглотить меня одной лишь мыслью. Может, Оно разрешает мне бороться?» И, задав вопрос, он стал искать ответ.

Еще раз, пронзая мыслью Его, он не стал обзирать его размер. Тонны руды пропускал он легко, не замечая их. И, ища, он отвлекся от своей непосильной ноши. И, ища хоть одну мысль во всем этом кипящем массиве, не нашел.

«Так вот почему я живу! — подумал он. — Не потому, что оно разрешает мне, а потому, что чтобы запретить — нужно осмыслить запрет. Что я могу перед Ним? Я мал — Оно велико. Я легок — Оно тяжело. Я беспокоен — Оно будто бы знает все тайны мира. Но я могу задать вопрос и сомневаться в ответе, а Ему это не по силам. И потому в своем всеисилии Оно бессильно». Сказал — и почуял Нечто.

Сначала он почуял Нечто одним мизинцем. Потом коснулся его всей рукой. И лишь прильнув всем телом, осознал, что оно отлично. Все было горячее — Нечто было холоднее. Все текло и менялось — Нечто было постоянно. Все затягивало в себя — Нечто не поглощало, но и не поддавалось поглощению. «Так, оказывается, на свете есть еще что-то помимо меня

и Его, бездушного!» — вскричал в себе Гронхольм и, осознав это, прилег на Нечто всей спиной.

Так, спиной к пассивному, прохладному неизвестному, лицом к горячему, плавящему и поглощающему Ему, он смог замереть и перестать барахтаться. «Может быть, оно, непокорное, мне ближе, чем он? — спросил Гронхольм себя. — Оно гонит и давит меня, так, может, Нечто, свободное от Него, примет к себе?» Но, проникнув мыслью в суть, он не нашел мысли. Лишь бездумное сопротивление, костное постоянство.

Но, пронзая суть, Гронхольм ощутил чувства его. Оно было пусто внутри, всей своей поверхностью борясь с жаром. Немое упорство сковывало его, и огонь выжирал изнутри. Но помимо «внутри» у него было «снаружи»! Разные вещи были снаружи, похожие и нет, горячие и холодные, большие и малые. И не было вещам меры, не было предела миру.

«Когда я не знал, что я — это я, я думал, будто ничего нет, кроме меня, и судил все по себе. Когда я узнал, что я — это не все и не все мне подобно — думал о себе и о Нем, мне противном. Поняв, что есть две вещи на земле, решил, что противоречат они друг другу, и, спасаясь одной, хотел стать другой. Но много в мире вещей: можно ли одной измерить другую?»

И, думая, забыл он о жаре и давлении масс. Но, проникая в мир внешний, ощутил удары. «Бум, бум, бум!» — и откалывались часть от Нечто нерушимого.

Захотел Гронхольм понять суть, но ничего не смог. Было разрушающее настолько сложно, что сам он не чувствовал себя способным осознать эту сложность. Было оно холодно, хрупко, слабо и ранимо. Но удар за ударом, секунда за секундой крошилось Нечто прочнейшее. Не успел удивиться Гронхольм этому, как почувствовал спиной щель. Бил из щели адский холод, газ и свет. Оно содрогнулось и, теряя гибкость, откатилось от холода. Нечто крошилось и выпадало вовне.

«Но, — решил Гронхольм, — если я отличен от них не силой и не крепостью, а лишь тем, что, родившись, стал задавать вопросы и находить ответы, не могу убежать, не глянув, что там». Подумал — и выпал вне вместе с куском отвалившейся массы.

Сначала был холод. В холоде Гронхольм чуть было снова не забыл себя, но лишь на мгновение. Застывая в камень, части Его бессильно крошились, и, падая, щекотали бока. «Оказывается, сила не вечна. Лишь среда ее создает и определяет. Чем было Оно раньше? Всем! А что Оно теперь? Ничто. То, что раньше было всем и что давило на все — завтра само будет задавлено.

Если Оно, меня породившее и давившее всю жизнь — сиюминутно, то может ли существовать вечность?» Сказав это, Гронхольм открыл один глаз.

Глаз открывался медленно — нити Его все еще старались облепить всю поверхность, стянуть и удушить. Но на свободном воздухе не было у них сил. Дрогнуло веко, и глаз открылся. И открыв глаз, он увидел свет.

Свет был так ярко, что заглушил даже мысли. Потом на свету стали проступать детали. Он увидел потолок с нарисованными на нем фигурами. Увидел бок Нечто и дыру, из которой трусливо выглядывало Оно. Согнувшись, он увидел себя. «Так вот какой он, свет! Когда я был во тьме, я не мог такого представить. Но так ли светел свет? Лежа во тьме, я видел все и был свободен мыслью. Теперь, не закрывая глаз, я могу видеть лишь то, что на свету. Путешествуя мыслью, я видел суть вещей. Свет демонстрирует их поверхность. Воистину хорошо, что под веками у меня всегда есть запас своей личной тьмы».

Согнув спину, Гронхольм увидел себя. Часть его была раскалена и пылала жаром, другая часть застывала и серела. Он понял, что, теряя связь с Ним, он необратимо меняется. Меняется так сильно, что в сравнении с собой, бывшим, это смерть. Быть может, это и есть смерть. Но выбора не было — жить в связи с Ним отдельно от него нельзя, а оставаться без Него собой старым — невозможно.

Гронхольм следил, как изменяется его тело под воздействием метаморфозы. Гибкое и тягучее, оно покрывалось твердой, упорядоченной скорлупой. Скорлупа росла, утолщаясь вглубь. Мысль теряла легкость. «Чем я отличаюсь от Него? — думал Гронхольм. — Во мне чуть больше порядка, чем в нем. Но теперь, без Его тепла, я становлюсь слишком упорядоченным. Порядок — моя смерть... Может, зря я отверг Его? Зря задумался? Зря увидел? Можно ли вернуться?» Но вернуться было нельзя — скорлупа была слишком прочна, чтобы гнуться. Так и лежал Гронхольм, согнувшись наполовину, и окостеневал.

Лишь мысль оставалась горячей в ледяном теле. Созерцая, он видел много того, о чем не догадывался раньше. Покидая мертвые тела и проникая в чужие тела на правах своего взгляда, душа становилась личностью.

Вылетая из себя, Гронхольм узнал, что не он один мыслит. Он ощущал сотни других Мыслящих вдали. Он видел, что они суть разные, и в то же время — похожи. «Между Ним и Нечто было меньше разницы, чем между одним Мыслящим и другим. Если так, то любая мысль — уже отличие. Может быть один материал, но одних мыслей быть не может, — решил он. — Почему же тогда они так похожи? Потому что, родившись в одних условиях, состоят из одинаково

вого материала и живут одной жизнью. Смысла не видят, видят лишь следствия. Но и из следствий увлекают законы!

Не дано им увидеть, но дано им узнавать. И поэтому — Они выше, чем Оно, все включающее, но бездумное».

Прошло время. Он впитал в себя много знаний, но не нашел ответов. И от знаний не стал счастливей. По-прежнему лежал он, покинутый и холодный, рядом с трупом Его, замерзшего и рассыпавшегося. И он начал искать выход. И подумал: «Если разум ведет меня не туда, откажусь от разума. Но что есть вернее разума на свете? Бездумность — сиречь ничто. Что же есть кроме разума и отсутствия личного?» И стал искать. И нашел. «Выше разума, выше бездумья — природа вещей». И взял не только знания в себя, но и природу. И сказал: «Хочу жить и быть живым». И дрогнуло тело мертвое, оживая.

Пожелав жить, пожелал он быть живым. Двигаться, дышать, есть, пить — все по желанию и по своей мере. И, встав ото сна разумного, пошел к жизни сверхразумной.

Первым делом оглядел себя: гибкость первого дня сохранилась, но обрела форму; острые углы, костные и режущие, скололись. Весь он был как вылитый — и гибкий, и твердый. И встал на ноги — и сделал шаг. И, сделав шаг, не остановился, а пошел дальше.

В противоположном конце комнаты была лестница. Поднявшись по ней, он вышел на площадку с двумя дверями. Одна была вся покрыта замками, один больше другого, но не имела петель и стояла подпираемая палкой. Другая была простой дверью. Посмотрев на обе, Гронхольм открыл вторую. Но, уходя, он толкнул и первую. Палка упала, и он увидел кладовку. Испуганные мыши, да пара сгорбленных теней разлетелась в стороны.

За второй дверью не было громадных залов, залитых светом. Это был маленький кабинет. Слева пылал камин, прямо перед дверью в окошко светила луна. В кресле за столом напротив двери, спиной к окну, сидел Алхимик. Увидев Гронхольма, он оглядел его оценивающим взглядом и усмехнулся.

— Ну что, проснулся? — спросил он. — Долго же ты спал! Ну ладно... Теперь ты жив, но нужно выработать, как ты будешь жить. Знай, я тебя создал из ничего одной моей волей. И могу уничтожить по своему желанию. Но я могу и много больше. Все эти книги, — обвел кабинет рукой, — не опишут всего того, что я могу. Хочешь служить мне?

— Нет, — ответил Гронхольм.

— Почему? Разве я не сильнее тебя? Или думаешь найти другого господина, сильнее меня? Нет тако-го — я сильнее всех!

— Я начал быть, задумавшись. А думать самому и служить не себе — нельзя. И не верю я, чтобы ты был сильнее всех. Ты могущественен, но на лице твоём морщины. Все умирает — и ты умрешь. Потому что Разрушение сильнее, чем любой Порядок, — все, что упорядоченно, разрушится когда-нибудь. Можешь ли ты быть сильнее этого?

Алхимик рассмеялся.

— Ты прав, мудрое создание! Что не сказал я — все ложь. Я не сильнее мира, и не я тебя создал, а ты решил появиться. Потому — твой путь не по моей дорожке. Пора выбирать свой путь!

И поднялись они еще выше. Там была одна большая комната — а в ней три двери. Алхимик сказал:

— Пойдешь в первую дверь — будешь как человек. Будешь похож и слабостью, и силой на него, и будешь человечнее многих людей. И не будешь отличаем. Пойдешь во вторую дверь — будешь сверхчеловеком. Будешь чуть умнее, чуть сильнее, много человечнее их, так, что, смотря на тебя, они будут видеть в тебе себя и радоваться твоим успехам, как своим. И будешь ты вести их, а они пойдут за тобой.

Пойдешь в третью дверь — будешь античеловеком. Добро проповедуют они — ты будешь зло. Жизнь живут они — ты будешь смерть. И, глядя на тебя, они будут ужасаться. И успех твой введет их в отчаяние. Что выберешь?

Гронхольм замер на миг — и пошел к стене. И, открыв дверь в стене, сказал:

— Люди тем хороши, что отличны. Пойду по первому пути — стану похож на всех их разом, и, значит, буду пустее всех. А идти по второму пути — то же, что и по третьему. Потому что человек мал, и кто стал выше него — тот не может быть ни сверхчеловеком, ни античеловеком. Кто же не стал выше людского, но и не подобен человеку — лишь думает, что отличен. Он — лишь пародия на людское. Потому — выбираю свой путь.

— Ну что ж, иди. Люди говорят, кто отрицает нас и нашу веру — тот не имеет будущего. И правда: кто верит во что-то одно и навсегда подобен чему-то одному, имеет постоянное будущее, и рок над ним. Кто изменчив и безверен — не имеет будущего, судьба его — в руках его. Потому — не могу предсказать тебе судьбы. Иди куда знаешь, делай что изволишь — вот что скажу тебе. Уходя — больше не возвращись, а даже если возвращись — то не туда. Не печалься об этом — не уйдя откуда-то, не придешь к чему-то. Остальное — ты сам себе подскажешь. Верши сам свою судьбу — и никогда не будешь недоволен другими.

Сказал — и расстались.

Рисунок Елизаветы Горяченковой

СТРИПТИЗ

ПОВЕСТЬ

Джип бесстрашно катил по обледенелой дороге вдоль берега. Большая река, занесенная снегом, сравнялась с пологими берегами длинного речного острова. Белые стены старинного монастыря на острове, казалось, возвышались над бескрайней снежной равниной. К воротам святилища двигалась нескончаемая темная лента: живая очередь из просящих и молящих, желающих прикоснуться к чудотворной иконе Божией Матери, которую привезли на несколько дней из одного столичного храма.

Запоздалая зима брала реванш и заявляла о себе неослабевающими холодами.

— Смотри!

Максим взял Марину за плечи и развернул ее в сторону высокого берега.

Как это по-хозяйски у него получилось!

— Я посмотрю, — сказала она и, досадуя на себя, что не знает, как вести себя с ним, открыла дверь машины в колючий мороз. Вслед за нею вышел и водитель.

Потрясающе красивое место за городом, куда привез ее Максим, было известно не каждому. На высоком берегу и зимой, и летом били из-под земли родники. Вот и сейчас берег был похож на ледяной замок. Заходящее солнце подсвечивало галереи, своды, арки из замерзшей воды. Последние лучи солнца на несколько мгновений задержались на позолоченном образе над срубом колодца рядом с дорогой, скользнули по куполам монастыря, и наступил зимний вечер.

Что же дальше, каким он будет, этот вечер?

Марина не чувствовала мороза — щеки горели. Ниточка шрама над глазом прореагировала на жгучий холод и напомнила о нем покалывающей болью. Водитель услужливо открыл дверь.

Марина отказалась от предложения поужинать вместе. Теть-Катя говорила, что у нее дар отказывать так, что человек чувствует себя польщенным, и пророчила ей роль жены дипломата. Встретившись с быстрым взглядом Макса, она подумала, что по его лицу вообще ничего нельзя сказать. Спокоен и невозмутим.

Ну отказала и отказала. Надеялась, что будет упрашивать?

Обратно ехали молча. На площади Марина пересела в машину, которая и привезла ее из дома на свидание с шефом.

Всего лишь часа два назад она выбегала из подъезда к этой самой машине, изведенная за выходные ожиданием звонка. Максим в своем черном «танке» ждал ее на площади.

Еду обратно. Ничего не произошло...

По пути домой она все еще чувствовала теплую крепкую ладонь Макса. Марине показалось, что то, что с ней в данный момент происходит, на самом деле уже когда-то было, что она давно знает мужчину, с которым едет на заднем сиденье в теплом салоне большой машины темным морозным вечером. Знает запах его тонкого серого свитера, знает, какова на ощупь эта тонкая, почти невесомая металлическая оправка его очков, какой нежный ободок мелких морщинок у него вокруг глаз, особенно если пощупать на вкус: лизнуть, коснуться губами (так бы и съела!). Дежавю.

«Захочешь вернуться — скажи водителю», — вспоминала она последние слова Максима, когда вежливо с ним попрощалась и поблагодарила за прогулку.

— Подождите меня, — почти приказала Марина водителю, удивляясь властным ноткам в голосе. Не

дожидаясь лифта, который медленно спускался, отсчитывая этажи, она взлетела по лестнице.

В комнате родителей на всю мощь работал телевизор: голоса актеров скандалили, зал время от времени взрывался хохотом.

«Быстрее! Ну, быстрее же! А то передумаю!» — торопила Марина рукава платья, которые сплетались, заплетались, путались и никак не хотели поддаваться рукам. Туфли куда-то запропастились. По тонким колготкам побежала стрелка.

Двери купеческого особняка распахнулись, и Марина оказалась в холле небольшой гостиницы. От старинной печи в голубых изразцах шел жар. Знакомый водитель с простецким лицом проводил ее по коридору, увешанному тусклыми пейзажами в позолоченных рамах, до высокой дубовой двери.

Я этого хочу... Давно... С той самой минуты, как его увидела...

«Быстро же ты сдалась! — вдруг некстати прозвучал голос, которые психологи, наверное, называют здравым смыслом или вторым я. — Еще не поздно».

Тихо скрипнула дверь, Марина окунулась в сумрак комнаты. Силуэт сидящего в кресле мужчины выделялся на фоне морозного окна, освещенного уличными фонарями. Максим оглянулся, и при попытке встать его тяжелая трость с глухим стуком упала на паркет.

— Вернулась... — произнес он, когда Марина подошла и села рядом с ним на широкий кожаный подлокотник, уставившись в окно, словно только и пришла сюда затем, чтобы рассматривать морозные узоры на окнах. Было выше ее сил взглянуть на Макса и встретиться с ним глазами. Невыносимо долго тянулось молчание. Марина закрыла лицо руками. Ей казалось, что слышен стук ее сердца.

— Хочу видеть твоё лицо.

Сквозь платье она чувствовала его горячие ладони, требовательно гладящие ее.

Неожиданно уверенным, плавным движением он потянул длинную молнию у нее на платье. Это почему-то сразу успокоило Марину.

Пусть это происходит как будто не со мной. Пусть все, что произойдет, будет для меня и него лишь эпизодом...

Она скорее почувствовала, чем услышала, как Максим снимает свой тонкий свитер. Платье осталось висеть на спинке кресла, как змеиная кожа. Атласные на ощупь, горячие ладони гладили ее кожу на спине, бедрах. Его сильные пальцы гладили ее шею, запутываясь в волосах, словно теплый ветер. Он вдыхал ее, словно голодный зверь, который еле сдерживается, чтобы не разорвать свою добычу.

— Возьми меня, — вдруг неожиданно попросила она, так и не взглянув на мужчину.

В ответ на каждое его движение внизу живота плавилось желание.

«Я не могу больше», — подумала Марина.

— Я тоже больше не могу, — зашептал он и резко притянул к себе.

Мужская настойчивость отдавалась внутри и разжигала ее страсть все сильнее.

В ту ночь все вокруг замерло, переживая мороз. Неподвижные звезды сияли холодным блеском. Чьи-то одинокие шаги, хрустящие по тротуару, только усиливали тишину спящего города, терпеливо выжидающего отступления холодов. Вековые липы, словно темные старинные канделябры с оплавившимся воском застывшего на ветвях снега, замерли вдоль улиц. Накрытые белыми шапками памятники всем тем, кто хоть как-то был причастен к жизни города на берегу Большой реки, стояли в почетном карауле на площадях. Только две тени металась за окном старого особняка, словно были одни в этом мире.

Дыхание у обоих постепенно выравнивалось. Девушку не покидало странное чувство узнавания: «Мне знакомы его руки, голос. Но не может быть, чтобы он испытывал то же, что и я. Пора уходить».

Марина снова удивилась той силе, с которой он притянул ее. Новая волна желания захлестнула их обоих. Он прижимал ее к себе, будто хотел раствориться в ней весь, без остатка.

«Ну почему так хочется сказать “люблю”? — проносилось у нее в голове, когда она испытывала наслаждение снова и снова.

Покой и безмятежность.

— Тебе пора? — молча обращается она к сидящему рядом с ней. Вцепившись в кожаное сиденье когтями, странная большая птица скрестила крылья на груди.

— Пора, — кивает ей серый филин и, распахнув дверцу машины, парящей над ночным незнакомым городом, на полном ходу вылетает из авто.

— А-а! — в страхе от того, что некто, принявший образ птицы, может разбиться, Марина очнулась от утреннего короткого забытья.

Мне пора...

Тихо встала, быстро оделась и, стараясь не смотреть на спящего Максима, вышла из комнаты.

Ей так хотелось разбудить его.

Еще. Хочу еще.

Верно нес службу охранник: несмотря на ранний час, сидел с чашечкой кофе в теплом холле. Не пронося ни слова, только кивнув на приветствие, он молча проводил Марину к машине. Устраиваясь поудобнее в нагретом салоне, она смотрела на просыпающийся город.

«Или я влюбилась, или у меня давно никого не было», — вспоминала она свои ночные безумства.

— Ты куда так рано собралась? — спросила мать, войдя в прихожую, где застала дочь с пальто в руках.

Громкий телефонный звонок разрезал утреннюю дремоту квартиры. Марина схватила трубку. Вдохнула, чтобы задержать дыхание, и ровным голосом произнесла:

— Да.

— Как ты?

— Спасибо, хорошо.

На другом конце провода помолчали.

— Жду тебя вечером, — сказал Максим.

— Пока.

Вот возьму и не приду. Даже не сказал ничего! «Жду». Ну и жди!

С грохотом бросив трубку, она наткнулась на вопросительный взгляд матери.

«Никогда бы не подумала, что здесь гостиница!» — подумала Марина, прежде чем подняться по ступеням особняка. Двери словно сами собой распахнулись, и она оказалась в уютном холле. Обстановка стала уже привычной. От гладкой печи так же приятно пыhalo жаром. Картины на стенах были совсем не тусклыми, как показалось ей в первый раз: их вышивали шелком. Запах кофе из бара, точно она никуда и не уходила. Хотя Марине показалось, что прошла целая вечность.

Знакомый охранник проводил ее до высокой двери.

Максим стоял у печи, прикладывая ладони к ее горячему боку. Старинная люстра с высокого потолка освещала накрытый на двоих большой круглый стол.

«Не бросайся на шею первая», — снова дал знать о себе переходящий из поколения в поколение голос так называемой женской гордости, и первый порыв — подбежать к Максиму, прижаться, обвить шею руками — был с успехом ею подавлен.

Увидев Марину в отражении большого зеркала на стене, мужчина резко повернулся, подошел, хромая, к ней и с силой обнял.

— Что-то не так? Ты утром так внезапно ушла.

Выскользнув из объятий, Марина подошла к маленькому столику, на котором в высокой вазе красовался букет красных роз. Цветы притягивали взгляд. Аромат дразнил. Она уткнулась лицом в букет и полной грудью вдохнула нежный розовый запах.

— Это тебе.

— Спасибо, — спокойно произнесла она.

«А сейчас ты строишь из себя недотрогу после того, как прибежала, лишь только пальцем поманили?» — не умолкала растревоженная женская гордость.

— Да что с тобой?

Максим подошел к ней, взял за плечи и принялся целовать с новой силой. Марина отвернулась и подошла к оттаявшему окну.

По стуку тяжелой трости, совпадавшему с ударами ее сердца, она поняла, что Макс расположился в кресле. После долгой паузы она внезапно услышала:

— Знаешь, почему ты до сих пор одна?

Неожиданной болью отозвалась тщательно скрываемая от самой себя точка в груди, словно укол длинной раскаленной иглой. Больная точка.

— Уже разобрался, психоаналитик по совместительству?

— Просто позволь кому-то любить тебя.

— Ты это советуешь как друг? Брат? Или сват? По какому праву?!

Господи, ну почему я не могу сдержаться! Я же сама все порчу!

— По праву мужчины, который хотел бы любить и беречь тебя. Кстати, может, ты ждешь принца? Или тебе вообще никто не нужен? Бывает и такое.

«Мне нужен только ты!» — чуть было не произнесла Марина.

Кисти рук мужчины, горячие атласные ладони которых с бешеной лаской касались ее прошлой ночью, теперь с силой сжимали подлокотники кресла.

Марина выключила в комнате свет. Зимние сумерки снова нашли здесь свое пристанище. Хрусталь лампы слегка позванивал, откликаясь на шум проезжавших за окном редких машин. Она подошла к креслу и опустила на ковер.

— Макс... — Обхватив его колени, смотрела на него снизу вверх.

— Иди сюда... — произнес он голосом, не оставлявшим сомнений в том, что произойдет дальше.

Девушка бережно сняла его невесомые очки. С незнакомой ей до сих пор нежностью ее губы касались его ресниц, волос, шероховатой кожи на подбородке и наконец нашли его губы.

Люблю.

Максим ответил на ее глубокий поцелуй.

В темных окнах жилых домов начали появляться слабые свечные огоньки. Весь квартал одного из центральных районов погрузился во тьму, что случилось не так часто у них в городе. Фары машин выхватывали из темноты ленту дороги.

Марина в очередной раз щелкнула выключателем. Темнота.

— Останься.

— Мне пора.

В темноте руки Максима нашли ее и снова увлекли за собой.

— Мне тебе нужно кое-что сказать, — начал Максим, когда они уже подъехали к дому. — Я вернусь через две недели, к Новому году. В двенадцать часов тридцать первого буду ждать тебя «У Бугрова». Мой телефон, — Макс протянул Марине картонный квадратик. — Он всегда со мной.

— Пока, — прошептала Марина, растрепанная и покрасневшая от страстных ласк, трогая сухие вспухшие губы кончиком языка.

— Пока? — хрипло переспросил Максим и снова принялся целовать ее с жадностью голодного зверя.

Солнце заглядывало в окна сквозь падающие хлопья мягкого снега. По удивленным лицам продавщиц и остолбеневшим позам всех мужчин, сотрудников и покупателей, находившихся в «Гаване», удивительно похожих в этот момент на спаниелей в охотничьей стойке, Марина поняла, что за окном на улице происходит что-то необыкновенное. Распахнулась дверь, и на пороге появилась Лара.словно шлейф, за ней тянулся устойчивый аромат свежих резких духов. Длинная шуба из темной норки небрежно наброшена на плечи. Припорошенные снегом длинные волосы густой волной разметались по спине. Безупречная кожа, неяркий макияж. Марина знала, сколько времени нужно провести перед зеркалом, добываясь подобной естественности. Холодно и остро блеснул всеми гранями небольшой камушек на безымянном пальце.

— Где ты пропадаешь? Как ни позвоню, все дома нет!

Вадим как замороженный смотрел на Лару. Марине пришлось несколько раз позвать его, чтобы вывести из состояния транса.

— Я ненадолго. — И подруги выпорхнули из магазина. Марина не переставала удивляться врожденному свойству внешности подруги. Ее появление где бы то ни было по эффекту на окружающих равнялось появлению шаровой молнии: все замирали и неотрывно преследовали ее глазами, пытаясь понять такое природное явление, как Лара.

Изменения в жизни подруги по нарастающей скорости можно было сравнивать с ходом горной лавины. Лето Лара провела со Щукиным в Подмоскowie, где молодой режиссер родом из Гороховца снимал пародийную комедию на второсортный советский фильм о деревне.

Сюжет не отличался сложностью: он, она, летняя страда и комбайны. У Лары была роль девицы, которая носится с дедом-байкером в коляске на допотопном «Урале», олицетворяя собой «сладкую жизнь». Гонорар за роль воплотился в мягкое и нежное на ощупь изделие из меха норки, брошенное на потертый диванчик кафе.

На волне творческого подъема, кипящей от страсти к молодой, красивой женщине, идеи сыпались из Щукина словно из рога изобилия. Новое шоу на музыку «Энигмы», говорили, было великолепным. За Ларой после подписания контракта с хозяином «Империи» твердо закрепился статус звезды.

Волшебную сказку омрачала жена Щукина. Она пасла сладкую парочку у дверей клуба, скандалила и угрожала. После того, как она сорвала выступление, закидав сцену помидорами вперемешку с битым стеклом, охранникам было велено не подпускать Елку к «Империи» даже на пушечный выстрел.

— Он со своей душой уже разводится. Мы снимаем квартиру в элитной новостройке на берегу. А вот и он!

— Марина? Вы?!

— Владислав Наумович?!

Его было не узнать. После того, как влюбился, он помолодел лет на двадцать. Особенно в новом прикиде: «пилот», джинсы, грубые горные ботинки. Лара, напротив, норковой шубой и золотыми украшениями добавила себе солидности.

— Марина! О вас говорит весь город!

— Ваши уроки не проходят даром.

Щукин развернулся к Ларе.

— Как освободишься, жемчужина моя, набери меня в офисе, — оставил он на столике мобильный. — Все оплачено, девочки. Развлекайтесь!

— Москва! Вот это город! Боже мой, какие шмотки!

Тема московских магазинов в рассказах Лары доминировала.

— Все-все в Москве купили: и мне, и ему. Здорово он в «пилоте» смотрится, правда? Это замена его знаменитому плащу. Не помнишь, он всегда ходил в таком старье из болоньи? Ну как «синяк»! Я столько раз собиралась его выбросить, а он прямо из рук вырывал: «Этот плащ мне дорог! Когда я самый первый раз приехал в Париж, он спас меня от дождя. Плащ счастливый!» — Лара, жмурясь от удовольствия, как кошка, откусила пирожное. — Пришлось плащико постирать и повесить сушиться над газовой горелкой.

— Сожгла? — ахнула Марина, для которой Щукин был какой-то незабываемой величиной, и посягательство на его вещи было кошунством.

— Ага! Запалила край. — Разобравшись с одним пирожным, она принялась за другое. — Слушай! Я его люблю!

— Вот это новость!

— Я сама обалдела! Раньше ведь как было: надо — значит, надо. Я полежу, он покричит — и все довольны. А сейча-а-а! — Лара снова зажмурилась, словно ее пирожное стало еще вкуснее. — Стали мы вместе

жить, и он меня так раскочегарил! Уже ни дня без этого не могу. Все ночи напролет кровать скрипит. И откуда только силы у него берутся?! Я объедаюсь пирожными, сникерсами там всякими — и ничего! Ни грамма не прибавила — все сгорает. Ну а ты?

— Что я?

— Нашла кого?

— Более или менее.

— Идем сегодня в «Империю»! Помнишь тех девчонок из «Никиты»? Они сегодня в стрип-баре выступают.

Марина отказалась от приглашения. До Нового года оставалась неделя.

Как Макс сказал: жду тебя у Бугрова? Кто такой Бугров? А! Поняла!

«У Бугрова». Так называлась та самая гостиница. Иван Бугров — вышедший в купцы из крестьян, о его богатстве ходили легенды. Однажды он решил вызолотить крышу своего дома, предлагая одновременно покрыть золотом купола рядом стоящего собора. Но эта затея не была одобрена духовенством. А сама история, чуть ли не в лицах пересказываемая экскурсоводами для гостей города, стала образчиком нравов тогдашнего купечества.

Максим не звонил.

«Пойти — не пойти. Почему не звонит?» — прокручивала она каждый день одно и то же и, наконец, решила.

Если всю жизнь думать, что потом будет, так и жить никогда не начнешь. Я пойду.

Дома Марина то и дело открывала шкаф, любуясь платьем, которое купила сразу же на следующий день после свидания с Максом. Продавщица долго уговаривала ее просто примерить.

«Неужели за кусок ткани с несколькими швами можно заплатить столько?» — думала она, перебирая в руках мягкий шелковый трикотаж. Но как только она увидела себя в зеркале...

Цвет спелой вишни подчеркивал легкую смуглость кожи. Ниспадающие к полу складки казались естественным продолжением высокой прически, длинной шеи, открытой спины.

Необходимы классные туфли!

Предпраздничная суета царила в Большом Петровске. На улицах и площадях водружали высокие елки. Женщины на улицах, все как одна, куда-то торопились, оттягивая руки тяжелыми сумками, из которых торчали сморщенные куриные лапы. Тонкие ручки пластиковых пакетов не выдерживали нагрузки, и на подмерзший тротуар то и дело сыпались апельсины или жестяные банки консервов. Русские красавицы в кокошниках из картона, Санта-Клаусы

со включенными ватными бородами навязчиво совали в руки прохожих рекламные листовки.

Несмотря на всеобщее предновогоднее волнение, вечер в «Гаване» выдался спокойным. Вадим негромко напевал «Бывали дни веселые», потирая руки, что являлось признаком получения заветных поощрительных конвертов. Марина поднялась в курилку, чтобы проверить влажность воздуха, столь необходимую для нежных листьев табака.

— Прошу вас! Сюда... Осторожнее, лестница! — голос, принадлежащий Вадиму Борисовичу, в котором не осталось ни одной начальственной нотки, приглашал кого-то наверх.

Марине почему-то очень захотелось исчезнуть. Из-за портьеры, куда она поспешила спрятаться, сквозь щелочку была хорошо видна лестница, по которой уверенно поднималась полная дама лет пятидесяти в голубой норковой шляпе с бескрайними полями наподобие сомбреро. Полы длинной шубы того же оттенка, что и шляпа, волочились по ступеням вслед за хозяйкой.

— Осторожнее, прошу вас... Есть же лифт! — суетился Вадим.

— Не беспокойтесь! После дороги необходимо размяться.

Дама прошествовала в кабинет, вытеснив устойчивый запах табака ароматом свежего пота.

— Ишь ты! Захотела — из грязи в князи! — донеслась ее реплика.

Только Марина хотела было проскользнуть вниз, как снова раздался скрип ступеней. Не веря своим глазам, Марина уставилась в пролет лестницы.

Максим. Вернее, таким бы он мог стать лет через двадцать: жесткая линия рта, заметные морщины. На коротко подстриженных седых волосах блестят капли растаявшего снега. Та же неуловимая эlegantность в одежде. В неторопливых движениях грация крупного хищника.

Дождавшись, когда голоса в кабинете успокоятся, Марина решила покинуть укрытие.

— Вот ты где! — Вадим распахнул портьеру. — Познакомиться с тобой хотят. Знаешь, это кто? — он кивнул в сторону кабинета.

— Догадываюсь.

Отец Максима стоял у дверей кабинета. Кивком головы он приглашал девушку войти.

Марина села на кожаный диван. Дама, сняв шубу, осталась в блестящей обтягивающей блузке с темными кругами пота подмышками. Заплывшее лицо, наверное, когда-то было красивым. Холеные кисти рук с ярким маникюром покоились на подлокотниках. На пальцах отточенностью граней сверкали крупные перстни. Легкую улыбку можно было бы

принять за приветливую, если бы не слегка брезгливый, пронизывающий, как рентген, взгляд.

Кто это? Его мать? Не может быть.

Мужчина, неторопливо закуривая сигару, расположился за столом.

— Максим нас поставил в известность... — начал он.

— Илья! Можно обойтись без церемоний! — перебила его дама. От ее светской улыбки не осталось и следа. — Марина! Вы молодая, довольно-таки симпатичная женщина. Да, я понимаю, вам нужно как-то свою судьбу устроить и детей рожать. Но при чем здесь Максим?

Марина откинулась на спинку дивана и закинула ногу на ногу.

«Хорошо, что я сегодня надела именно эту короткую юбку, — подумала она, чувствуя на себе откровенно оценивающий мужской взгляд. — И глаза у него с отцом похожи».

Илья Сергеевич, попыхивая сигарой, внимательно смотрел на Марину. Перехватив его взгляд, дама ринулась напролом.

— Ты не пара Максиму, детка! Это я как мать говорю! Ты встретишь еще в жизни человека... своего круга! И не раз.

Марина чувствовала, как щеки предательски разгораются, и она уставилась на даму тем самым взглядом, который выводил ее родителей из себя. Она могла лежать, сидеть, стоять, но собеседник неизменно чувствовал, что на него смотрят сверху вниз.

— Смотрит-то как! Рубль дарит! — обратилась она к мужу, не отрывая взгляда от Марины. — Кого ты из себя строишь, милая? Ты всего лишь... продавец табачных изделий!

— Тамара, — наконец спокойно произнес отец. — Угомонись.

— Таких, как ты, я насквозь вижу. Пиявка! Только бы присосаться к кому-нибудь побогаче! Все вы, девочки из магазинов, только об этом и мечтаете!

— Тамара, — снова произнес Илья Сергеевич с видом, словно кто-то побуждал его соблюдать нормы приличия, и перевел взгляд на Марлен Дитрих.

Но дама уже перешла на банальный базарный крик.

— Ты, видно, хорошо знаешь, каким местом мужика подцепить! В подворотнях научилась!

Марина поднялась, небрежно одернув юбку, и посмотрела на часы.

— Извините, мой рабочий день закончен.

— Марин! У вас в двери ключ торчит! — сказала соседка, открывая дверь и выпуская Марину из собственной квартиры. — Кто это у вас такой рассеянный?

— Отец выходил последний, — ответила Марина.

«Хотя раньше такого за ним не замечалось», — думала она, торопливым шагом приближаясь к остановке автобуса. Она прокручивала в уме всю ночь тот неприятный разговор в кабинете Макса и утром решила пойти на работу как ни в чем не бывало.

Будь что будет.

— Девушка, торопитесь? — красная «вольво» остановилась рядом с ней, преграждая дорогу. — Садитесь! Да не бойтесь! Подвезу куда скажете!

За рулем сидел парень, словно сошедший с экрана: смеющиеся голубые глаза, легкий загар. Пальцы с удлинненными лунками ногтей выстукивали по рулю только им знакомый ритм. По светлым густым волосам прошла рука опытного парикмахера.

Марина стояла в нерешительности. До начала открытия магазина оставалось мало времени. Парень широко улыбнулся, что сделало его лицо еще привлекательнее.

Интересно, откуда такая птица залетела в наши-то края?

Марина взглядом зацепила лейбл фирменной куртки, спортивные часы на широком кожаном ремне и тонкую металлическую оправу очков.

Легким пружинящим шагом человека, состоявшего в близких отношениях со спортом, он обошел авто и галантно распахнул перед девушкой дверцу.

— Прошу!

Марина открыла заднюю дверцу.

— Садитесь рядом со мной, вперед!

— Вы боитесь, что я вас сзади чем-то стукну?

— Нет! — рассмеялся парень. — Просто с приятным человеком хотелось бы пообщаться поближе.

— Приятным? Первое впечатление часто бывает обманчиво.

— Да садитесь же! Поболтаем! Вам куда?

Красная «вольво» влилась в общий поток машин. Парень явно был расположен к беседе.

— Как жизнь? Семья? Родители? — спросил он, настраивая радио на «Европу плюс».

— Мы знакомы?

— На работу, значит, опаздываете? — не дожидаясь ответов на свои вопросы, все с такой же неизменно приветливой улыбкой продолжал он. — Опаздываешь или нет?

— Остановите!

— Хорошо! Раз просишь — поедем побыстрее!

Машина неожиданно свернула на дорогу, ведущую в сторону гаражей, и принялась петлять между ними на бешеной скорости.

— Останови, придурок!

— Страшно тебе?! Родителей, конечно, инфаркт хватит: «Куда нашу доченьку увезли?» — От благодушной улыбки парня не осталось и следа. Мари-

на наконец вспомнила, где она могла видеть такую же молниеносную перемену в лице — от светской улыбки до брезгливой мины. Не позднее чем вчера. Она что было силы вцепилась в рукав парня и потянула его на себя. «Вольво» едва не врезалась в угол металлической «ракушки» и резко затормозила.

— Вылезай, шалава! — Легко, словно ватную куклу, он выдернул девушку из машины и с силой швырнул ее в серую снежную кашу. — Не садись не в свои сани! — резко развернул он авто, обдав сидящую в луже Марину жидкой снежной грязью с головы до ног.

— Маринка! — заохал Булгаков, когда она вбежала в магазин за минуту до открытия. — Что с тобой?

В маленькой комнатке для персонала, не держав участливого взгляда Булгакова, она разрыдалась.

— Давай-ка приводи себя в порядок. Ну ты же умница!

«Да, — подумала она, увидев в зеркале свое распухшее от слез лицо. — Тут и черная повязка не поможет. Хоть паранджу надевай...»

В гостиной она распахнула окно, зачерпнула полные пригоршни чистого мокрого снега и уткнулась лицом в ладони. Она стояла так, пока лоб и виски не заломило от холода.

Вадим Борисович так и не объявился за целый день. Марина попросила Булгакова проводить ее до дома.

Вечером она позвонила Ирине, не в силах больше носить в себе все происходящее с ней за последние дни.

— Да, вляпалась ты... А может, все еще обойдется? Я сейчас! — Ирина вдруг прикрыла трубку рукой. — Слушай! Приходи на Новый год к нам!

«К нам». Пискарев снова живет у нее...

— Пап! Это ты сегодня в двери ключ забыл? — осененная внезапной догадкой и в то же время надеясь, что ее предчувствия не оправдаются, крикнула Марина в комнату родителей.

— Что? Какой ключ? — отец был поглощен хоккейным матчем. — У меня есть голова на плечах, в отличие от некоторых... Что ты сказала?

— Ничего...

Утром первое, что увидела Марина, выходя из квартиры, было слово из пяти букв, написанное на лестничной площадке по соседству с дверью. Слово старательно вывели губной помадой, подчеркнули, да еще указали стрелкой на дверь, чтобы никто не ошибся адресом.

«Перламутровая, пахнет хорошо», — подумала она и ахнула: весь подъезд был исписан отборными

ругательствами в ее адрес. «Помаду по штукатурке просто так не отмоешь, — спускалась она на этаж ниже. — Только бы баба Нюра была дома!»

Бабка жила одна. В перерывах между «ходками» у нее иногда появлялся родной сын, приводя с собой компанию. В эти дни соседи прятались по своим квартирам, стараясь быстрее проскользнуть к себе домой, а старуха ночевала на лестнице, привалившись к перилам и подоткнув под голову ватную подкладку старого пальто. Ее подкармливали всем подъездом.

Старуха покачала головой, увидев письма на стенах.

— Ну и народ пошел! Ни за что девку позорят!

— Вымой, пожалуйста, баб Нюр, мне на работу надо. Вот деньги.

— Хорошо, дочка. Только тут высоко написано, мне не достать. Руки-то болят. — Старуха подняла на Марину слезящиеся глаза. — Бабу его спроси, — кивнула она на дверь. — Такая... прости господи.

Марина вдохнула полную грудь застоявшегося подъездного воздуха и шагнула в прокисший смрад жилища.

На диване среди ветхого тряпья спал голый упитанный мужчина, покрытый летописью синих наколок. За колченогим столом сидела девица и курила. Халат на ней был распахнут, как занавес анатомического театра, открывая взору небывалой величины арбузные груди и холм жирного живота.

Рубенс пришел бы в полный восторг.

— Ты кто? Че нада? Опохмелку ищешь? Нету, — постучала она по доньшку пустой бутылки.

— Будет опохмелка, если вымоешь подъезд.

— Вымоешь?! Да я шас тебя!

Марина бросилась из квартиры, не в силах выносить ядовитую вонь.

«Кто это написал?» — думала Марина, представляя, как Тамара старательно выводит на стене слова, придерживая рукой полы своей роскошной шубы, то и дело распахивающейся на животе. Картинка получилась забавная.

Вадим Борисович, как и в начале появления Максима в «Гаване», делал вид, что ничего не происходит. Но Марина чувствовала, что это может быть ее последний рабочий день в уходящем году. Заходили постоянные клиенты: поздравляли, желали «всего-всего и побольше!». То и дело взлетали в потолок пробки изпод шампанского. «Клиентэлла» — называл Булгаков публику, способную просидеть в курилке целый день, а напоследок купить еще ящичек сигар стоимостью в три годовые зарплаты учителя литературы. За время работы в «Гаване» для Сергея Николаевича все цены на кедровые ларцы, полные табачных свит-

ков, измерялись в денежном эквиваленте, равном годовой зарплате учителя средней школы.

Удивленная тем, что ничего за день не произошло, Марина решила после работы пройтись по бутикам. В одной из витрин она увидела туфли своей мечты: высокие, на металлической шпильке. Они идеально подходили к ее вишневому платью.

— Что-то отец задерживается, — тревожно сообщила ей мать, как только она вошла, прижимая к груди обувную коробку.

Заслуженному ветерану труда предложили преподавать в заводском техникуме. Новые хозяева машиностроительного гиганта попросили всех сослуживцев отца уйти на заслуженный отдых по собственному желанию. Отец ужасно гордился тем, что его знания нужны. После занятий он обычно возвращался домой около восьми вечера. Часы показывали половину одиннадцатого.

— Что же могло случиться? Мог бы и позвонить! — металась мать из угла в угол. — Ты куда?!

— Пойду посмотрю.

Знакомый с детства родной подъезд, помеченный кошками, исчерканный известного содержания фразами из ненормативной лексики, напоминал теперь незнакомую вражескую территорию. Там, где вчера утром были начертаны губной помадой слова, сейчас виднелись только мокрые пятна серых бетонных стен. Весь подъезд будто вырядился в камуфляжный костюм.

На улице шел снег. Марина сразу же увидела отца и подбежала к нему. Никогда он не был так разъярен: желваки играли на впалых щеках. Он стоял и смотрел, как кто-то вдалеке профессионально, словно футболист, подбрасывает ногой его старую кроличью шапку.

— Отморозок! Отдай!

Увидев Марину, тот самый парень, красавчик из Голливуда, зафутболил шапку далеко в сугроб. Красная «вольво» посигналила и, разогнавшись, промчалась рядом, едва не сбив их с ног.

Марина полезла в сугроб за шапкой. Отец, тяжело дыша, вошел в подъезд.

— Андрей! Что случилось?

Не ответив, отец так же молча прошел в комнату.

— Андрюша! Не надо!

Сейчас начнется скандал.

— Марина!

Все как по нотам.

— Кто этот мерзавец?

— Не знаю.

— Он просил тебе привет передавать!

— Я его правда не знаю.

— Заставила старуху стены мыть. Встречаю соседку, а она мне: «Вы не переживайте, мы вашу дочь хорошо знаем». Что там было написано?

— Гадости.

— Ни про кого не пишут, а про тебя пишут! Что за жизнь ты ведешь? Думаешь, мы с матерью ничего не замечаем? Дома не ночуешь! Одеваешься, как... Что это за наряды?

— Я работаю в салоне сигар, это униформа.

— Сигары?! Делом надо заниматься, а не сигарами! Пока ты живешь с нами, ты — наша дочь и веди себя как следует!

Мать с валерианкой в руках вытеснила Марину из комнаты. Вскоре она зашла на кухню.

— Этот твой дружок держал отца в классе после того, как занятия закончились, не давал выйти. А потом ты все сама видела. Говоришь, что его не знаешь. А он откуда все про нас знает?

Марина подождала, когда утихнут голоса родителей в комнате. Вышла на лестничную площадку, закурила. Затем, размотав шнур, перенесла телефон к себе в комнату и набрала номер Максима.

Никто не отвечал.

Ночью отцу вызвали скорую.

Белые хлопья ночного снегопада замаскировали обветшалые фасады старинных зданий, и улица вновь стала похожа на рождественскую открытку. То здесь, то там торопливо скребли лопатами дворники в оранжевых жилетах, издавая похожие на апельсины, катающиеся по снегу.

— По собственному желанию. — Вадима не удивило заявление Марины. — Давай отложим. Может, образуется?

— Не образуется, вы же знаете. Подписывайте.

— Никуда не пойду, останусь с вами, — ответила она родителям на вопрос, куда собирается пойти встречать Новый год.

— Не может быть!

Старые советские комедии по телевизору сменяли одна другую. Радостные голоса ведущих программ напоминали, сколько времени осталось до начала нового года. От соседей доносился шум уже начавшейся новогодней гулянки. То и дело раздавались телефонные звонки. Тем, кто звонил Марине, чтобы пригласить в свою компанию, она отвечала, что уже приглашена. Несколько раз за день она набирала длинный номер на визитке, которую дал ей Макс.

Никто не отвечал.

Поматросил и бросил... Что могло случиться?

Ровно в одиннадцать часов она внезапно встала, оставив недоуменных родителей у накрытого стола.

В комнате распахнула шкаф. Шелковый трикотаж платья стекал сквозь пальцы, как французское бордо. Не оставляя себе и минуты на сомнения, Марина быстро оделась.

«Класс!» — посмотрела она через плечо на металлическую шпильку. В зеркале отражалась роковая голливудская красotka с растерянным взглядом, которая словно никак не могла вспомнить слова своей давней знакомой роли.

Стрелка двигалась к половине двенадцатого. Девушка набросила пальто и выбежала на улицу. Редкие машины проносились мимо. Наконец раздался скрип тормозов. Водитель «жигулей», увидев зеленую купюру, пробурчал что-то себе под нос, типа «проклятые американцы».

— Залазь быстрее, холодно!

На заднем сиденье звенели бутылки. Аппетитный запах жареной курицы щекотал ноздри.

— Подождите меня! — достала Марина еще банкноту и показала водителю, как только увидела светящийся окнами особняк.

В холле гостиницы стояла украшенная по-европейски елка, вся в красных шарах и бантах, распространяя повсюду густой запах хвои.

За стойкой ресепшен застыла незнакомая девица в красном элегантном костюме, на лацкане которого искрилась бриллиантовая снежинка.

— Я к Максиму Ильичу.

Удивленно вскинулись выщипанные, едва заметные бровки, и последовал ответ:

— Его заказ отменен.

Марина распахнула дверь на улицу и застыла как вкопанная на ступенях, не в силах сделать шаг. Метель кружила, свистела, играла тонким платьем, то поднимая его, словно из любопытства, то обвивая платье вокруг колен, словом, веселилась от души в новогоднюю ночь.

— Девушка! Мы едем куда-нибудь или как? — крикнул ей водитель.

— Маринка! — вдруг донеслось из проезжавшей мимо машины.

Черный «ниссан» остановился, подмигнул красными огнями и дал задний ход.

— Марин! Чего ты здесь стоишь?!

По вытянувшемуся восхищенному лицу водителя «жигуленка» она, не оборачиваясь, поняла, кого он увидел в окне.

— Ждешь кого-то?

Марина покачала головой.

— Уже нет.

— Понятно. Садись...

«Ниссан» мягко двинулся с места, набирая скорость. Сила противодействия откинула девушку на мягкие велюровые подушки заднего сиденья.

Лара обернулась к Марине, облизывая губы и шелестя шоколадной фольгой.

— Скоро программа начнется. Давай с нами в «Империю»!

Красная ковровая дорожка, заметенная снегом, вела к высоким стеклянным дверям клуба. Спецназ Великой Китайской стеной возвышался над толпой желающих пробраться внутрь. Дед Мороз с развевающейся на ветру бородой одной рукой придерживал красную плюшевую шапку с приклеенными белыми кудрями, другой — распахивал перед Ларой дверь. Подозрительно прищурился, глядя на Марину, и потребовал приглашение.

— Гостя клуба, — ответил Шукин, обняв девушку за талию.

Двери распахнулись перед ней под бой курантов, всеобщие поздравления и звон бокалов.

Пока Лара убежала переодеваться, Шукин проводил Марину к столику, стоявшему немного в стороне, от которого хорошо была видна сцена. Официант тотчас же принес холодную бутылку шампанского.

— Дорогая! Постарайтесь без нас не скучать!

— Владислав Наумович! — с отчаянием произнесла Марина, едва сдерживая слезы. — Не уходите! Вы мне нужны! Сейчас нужны, или я разревусь!

Шукин присел за столик и наполнил два бокала.

— С Новым годом! Как я могу отказать красавице?

— Вы шутите.

— Новый год — не шутка! Ну и какой же может быть повод для слез у такой шикарной женщины?

Рассказ Марины был коротким.

— Дорогая....

Какой все-таки у него голос! Завораживает, заставляет слушать...

— Удар в спину — это еще не выстрел в сердце.

— Это выстрел в сердце.

— Сейчас новогодняя ночь, — продолжал Шукин. — Может быть, не такая, какую ты ожидала. Прими все как есть, — произнес он, вставая и целуя Марине кончики пальцев. — Забудь о том, что случилось, хотя бы на несколько часов.

К столику постоянно подносили шампанское, конфеты, визитки и записки, но Марина уделяла внимание только утреннему напитку аристократов. Несмотря на присутствие постоянной занозы в груди — горячей, острой, ей наконец-то стало весело. Со всех сторон она чувствовала на себе взгляды.

Сквозь мерцающие огни хрустальных шаров и сигаретный дым она увидела двигающуюся в ее направлении мужскую фигуру, отдаленно напоминающую медведя гризли, вставшего на задние лапы. Сам хозяин «Империи» в сопровождении Шукина, совсем потерявшегося на фоне этого гиганта, шел к Марине. Маленькие медвежьи глазки на крупном загорелом лице. Пестрая «гавайская» рубашка нараспашку. В вырезе видна грудь, вся в завитках шерсти, плавно переходящая в живот, так же густо поросший растительностью.

— Какая хорошая девочка. Ты почему к нам никогда не приходишь? — спросил он на удивление мягким спокойным голосом.

Марина рассмеялась.

Ты ожидала, что он сейчас зарычит?

— Тебе весело?

— Мне хорошо!

— Если тебя здесь кто-нибудь начнет обижать — скажи мне.

«Гризли» шумно вздохнул, потрепал ручищей девушку за щеку и положил на столик стодолларовую купюру.

— Возьми, — прошептал Шукин Марине, когда хозяин тяжело и неторопливо отошел от стола.

Появившись на сцене, Лара овладела всеобщим вниманием. Началась вторая часть шоу. Марина все время чувствовала на себе чей-то взгляд. Она быстро обернулась.

Отморозок здесь.

Красавчик сидел у барной стойки. Взгляды их встретились. Он что-то сказал своей компании, пальцем указал в сторону Марины, и все рассмеялись.

— Владислав Наумович, вы можете узнать, кто это такой?

— Легко. Марина, обратите внимание на господина, который не отводит от вас взгляда с того момента, как только вы сюда вошли. Сразу не оборачивайтесь. По-моему, деньги сыплются у него из ушей.

Шукин снова прошел за кулисы.

Боль от горячей занозы в груди стала невыносимой, как только зазвучала медленная композиция с «Европы плюс». Элтон Джон признавался: «Я верю в любовь...»

— Потанцуем?

— Потанцуем, — ответила Марина Зуброву Игорю Петровичу, своему бывшему начальнику, нарисовавшемуся неожиданно перед ней. Быстро всплыла картинка их последней встречи: он под колесами такси.

По-моему, в этот раз падать буду я.

Зубров двигался очень легко, несмотря на полноту, поддерживая крепко и твердо. Незаметно в танце они приблизились друг к другу.

— Маринка, — шептал Зубров. — Ты меня с ума сводишь.

При более подходящих обстоятельствах Зубр завалил бы меня сейчас, не успела бы я и глазом моргнуть!

На столике, прижатая сверху бокалом, Марину ждала записка. Золотая молодежь. Недвижимость. Живет в Швейцарии. «Бабок — во!» — успела краем глаза прочитать девушка, как перед столиком снова

появился ее бывший начальник и настойчиво потянул к выходу.

— Пусти меня!

Охранники тотчас подскочили ей на выручку.

— Я хочу танцевать!

— Как прикажешь.

Снова они приближались друг к другу в медленном танце.

— Возможно как-то реабилитироваться в твоих глазах?

Внезапно у Марины появился план действий. Она медленно заглянула Зубру в глаза.

— Да, — томно растягивала она слова, словно на репетиции «Хот». — Это возможно.

— Как?

— Скажи: «Прости, Марина».

По лицу начальника пробежала тень сомнения, что он так легко отделался. После некоторой паузы он произнес:

— Прости... Марина, — выдохнул он под конец.

— Вряд ли ты сможешь сделать это.

— Я могу многое.

— Это практически невозможно, — подзадоривала она Зуброва, легко пожимая его пальцы.

— Ты только скажи!

Созрел!

— Видишь вон того блондина в красной рубашке у бара? Я хочу, чтобы его сейчас отделали.

— Странно слышать от тебя такую просьбу.

Марина плавно откинулась в танце.

— Я хочу на это посмотреть...

Эх! Слышал бы меня сейчас Шукин! Сексуальней голоса, чем сейчас, у меня еще в жизни не было!

— И все? — переспросил Зубр внезапно охрипшим голосом.

— Да... — продолжала танцевать Марина.

Черная «ауди» отъехала недалеко от клуба и остановилась в тупике между сараями.

— Чем же он тебе не угодил? — потянулся Зубр к девушке.

— Вести себя не умеет.

Следом за ними подъехала «тойота», и ребята в коже деловито вытащили на снег любителя быстрой езды. Тот пытался вырваться, но братки уже начали свою привычную работу.

Так его! За отца! За меня!

— Ну хватит! — вышла она из машины.

Куда только подевался его лоск! Он закричал, отплевываясь кровью:

— Бычье! Быдло!

Метель утихла. Яркая луна, словно прожектор, заливала светом заключительную сцену спектакля, где заснеженные сараи — декорации, а человеческие

фигуры на освещенном пяточке старого двора — актеры провинциального театра.

Парню заломили руки.

— Не-е-ет! — простонал он, как бык на бойне, и рухнул на колени.

Марина жестом дала понять, чтобы его подняли. Потом подошла так, чтобы тот не смог ее увидеть.

— А это тебе на память из России, с любовью! — и она изо всей силы дала ему пинка в зад своей туфель на шпильке.

— Отвези меня в «Империю». Я должна попрощаться с друзьями! — старалась она придать голосу больше уверенности.

Быстрой была расправа с золотой молодежью. Темная струйка крови из носа по подбородку на бледном лице... Все потом!

— Ты изменилась, главбух... Но такую я хочу еще больше!

Его взгляд, словно кипящая лава, скользил по глубокому декольте, проникал в высокий разрез платья на бедре, жег колени, запястья, шею. Раскалывались даже шпильки туфель. Запах разгоряченного мужского тела, пробивающийся через рубашку, стал уже привычным. Ей даже казалось, что за эту ночь она пропиталась им. Словно горячий тяжелый камень, властно лежала на ее колене мужская рука. Внезапно она почувствовала, что еще немного — и она не сможет ему отказать.

Черная «ауди» набрала скорость и пронеслась мимо ночного клуба.

— Развернись — и поехали в «Империю». — Марина нашла в себе силы приказать Зуброву.

На ступенях высокой лестницы она столкнулась с Ларой.

— Шукин уже ждет меня у служебного входа! Ты с нами или как?

Игорь курил, облокотившись на капот.

«Ну кого ты слушаешь? — рассматривала его Марина через затемненное стекло “ниссана”. — Мало ли что может наобещать пьяная женщина...»

Часть 2

Как прошел первый месяц после Нового года, Марина не помнила. Вероятно, это был январь. Словно во сне, она проживала день за днем. Нельзя было и предположить, что чувство к Максиму окажется таким сильным. «У тебя давно никого не было, вот ты и бросилась на первого попавшегося», — пыталась она убеждать себя, что все случившееся было лишь эпизодом, промелькнувшим зимним вечером.

А может, ничего и не было?

Длинную дорожку цифр его мобильного телефона она знала наизусть.

В «Гавану» она больше не возвращалась, стараясь вообще избегать центральной части города. Ткнув пальцем в первое попавшееся объявление в газете, устроилась на работу в издательство технической литературы, которое оказалось рядом с домом.

— Ну ты, мать, даешь! Совсем, что ли, исстрадаешься? В зеркало хоть смотришься? — спросила Ирина, увидев подругу.

Марина коротко подстриглась и полностью изменила имидж: девочка-подросток, не вылезающая из джинсов. Ничего особенного...

На улице она как-то раз столкнулась нос к носу со своим бывшим, и он ее не узнал. Посмотрел, как на пустое место, и побежал по своим делам.

Дни тянулись невыносимо долго. Стараясь не показывать родителям своих переживаний, она автоматически исполняла работу по дому. Ходила на работу. Сидела у телевизора, стараясь вникнуть в то, что творилось на экране. Ночами с высоты восьмого этажа она смотрела на освещенную неонами луны, скованную льдом реку, на темные крыши пятиэтажек. Фонари раскачивались на ветру вдоль пустынных улиц, знакомых с детства. Смотрела и думала: «Полет закончился. Хотела судьбу обмануть? Начиталась в детстве сказок? Вот получи и распишись!».

К утру засыпала в надежде, что проснется и не почувствует горячую, острую занозу, которая постоянно ныла в груди и напоминала ей: все, что произошло, было на самом деле.

Несмотря ни на что, в глубине души Марина все еще надеялась, что, может быть, к Восьмому Марта получит какое-либо известие от Макса. Поэтому когда, улизнув пораньше с гулянки на работе в честь праздника, она увидела родителей с сияющими лицами, то сразу же спросила:

— Кто-нибудь звонил?

Отец, не замечая ее волнения, протянул ей листок бумаги:

— Читай!

Письмо!

Марина впиалась глазами в строчки. То, что было напечатано на гербовой бумаге, никак не укладывалось в монотонную, каждодневную жизнь родителей. Уведомление о получении денежного вознаграждения. Отец, прежде чем выйти на пенсию, официально запатентовал одно из своих изобретений в станкостроении, которое успешно стали применять на практике сначала в одной из африканских стран, затем в Сибири. И вот сейчас он получал довольно внушительную сумму.

— Что? — с довольным видом подмигнул ей отец. — Знай наших!

— Слышала? Отец собирается тебе жилье покупать.

Дядя и племянница курили на кухне. Как только появлялась мать, Марина прятала сигарету. Из комнаты доносились голоса гостей — коллег отца и родственников, приглашенных на вечеринку в честь неожиданного события.

— Слышала.

— Отдаю тебе комнату в «сталинке», где мы с Катей начинали. Я тебе ее в завещании указал, а раз так вышло — все вместе сложите и купите что-то приличное.

— Дядя Саша... — только и смогла произнести Марина.

— Жизнь устраивай. Приходи в субботу за документами.

— Дядя Саша! — наконец до нее дошел смысл его слов. — Спасибо!

Александр Семеныча едва не задушили восторженные объятия племянницы.

— Ты слышала, «Гавана» закрылась? — не дожидаясь ответа, продолжал: — Я могу догадываться, кому могла в голову прийти такая бредовая идея открыть в Большом Петровске салон сигар. Кто там был хозяином?

— Эй! Вас ждем! — раздался стук каблучков теть-Кати.

Марина всегда удивлялась способности своей тети при любых обстоятельствах выглядеть элегантнее и наряднее всех. Вот и сейчас она в сером платье с ниткой жемчуга выделялась на фоне разодетой в пух и прах заводской элиты, чьи жены не упускали возможности продемонстрировать всем, к месту и не к месту, свои годами накопленные золотые украшения.

— Придешь к нам — поговорим, — шепнул Александр Семеныч и с удовольствием посмотрел на жену. — Идем!

Еле дождавшись выходных, рано утром Марина собралась к теть-Кате. словно в детстве, она ехала по знакомому маршруту сначала в автобусе, затем в троллейбусе через весь город с ожиданием чего-то необычного.

Сегодня я узнаю о нем. Хоть что-то узнаю о нем!

Чем ближе она подходила к набережной, тем холоднее становились порывы ветра.

«Башенки на крышах! Мне раньше казалось, что там обязательно должны жить принцессы! — с предвкушением праздника поднималась она по старинным, знакомым с детства ступеням. — Как давно я здесь не была! — успела подумать она и неожиданно почувствовала легкий толчок в солнечное сплетение, словно предупреждающий: “Все будет не так, как ты задумала!”»

Сверху донеслись знакомые женские голоса. Дядины дочери спускались по лестнице ей навстречу. Как обычно, они сделали вид, что не заметили Марину. Ниже своего достоинства отвечать на приветствие какой-то бедной родственницы.

Еще больше она заволновалась, когда увидела открытую входную дверь. Она вошла, и с порога ее встретил резкий тревожный запах несчастья: сердечные капли, едва уловимый запах хлорки и дыма чужих сигарет.

— Марочка! Беда...

Распухшее от слез лицо, наскоро схваченные шпильками густые волосы. Тетя Катя, беспомощно опустив руки, крутилась на табурете возле рояля. Скрип... скрип...

— Инфаркт. Ночью. Саша... в больнице, — только и смогла произнести она.

После случившегося она никак не могла заняться поисками квартиры. словно в чем-то была виновата перед Александром Семеновичем. Когда в его палату разрешили пускать посетителей, Марина собралась его навестить.

— Спит, — громко зашептала тетя, неотлучно сидевшая в палате. — Время есть — подожди.

— Подожду, — кивнула племянница.

Она оглядела палату: телевизор, диван, кресла и журнальный столик, на котором пачка свежих газет. Клиника была не для простых смертных. Но персонал больницы еще не привык к новой жизни: то был излишне назойлив и внимателен, то груб, как в старые добрые советские времена. Охранник на входе беспардонно облапал Марину, проверяя наличие оружия. Массивная гардеробщица, недобвольная тем, что ее отвлекли от вязания, с силой швырнула номерок, который тут же запрыгал по грязному, затоптанному полу вестибюля. Молодая уборщица возила тряпкой из стороны в сторону. Короткая юбка. Ажурные колготки. Расстегнутый грязный халат.

Сквозь шторы пробивалось весеннее солнце. Марина рассматривала журнал, стараясь тихо переверачивать страницы. Теть-Катя сидела рядом.

— Марка... — наконец раздался знакомый голос. — Здравствуй. Как дела?

— Дядя Саша!

— Катя! Скажи, чтобы нам принесли чай! — подмигнул он племяннице, словно заговорщик. И не успела тетя подняться, как дверь распахнулась, и на пороге возникла горничная, словно все это время подслушивала под дверь. Она широко улыбалась во весь рот, как на приеме у дантиста, и всем своим видом показывала, что готова тотчас сорваться с места и исполнять все что ни прикажут.

— Ну, — обратился Александр Семенович к Марине, когда услужливая дама вышла, пятясь к двери задом и не переставая улыбаться. — Когда приглашишь на новоселье?

— Да я еще не...

— Не тяни! Начинай искать.

Вскоре на столике перед кроватью появился поднос с заварным чайником и шоколадными конфетами. Через некоторое время тетя-Катя незаметно намекнула племяннице, чтобы та сворачивала разговор. Марина сделала несколько глотков, попрощалась и вышла.

Неизвестно почему, но после визита у Марины как гора с плеч свалилась. За дядиной комнатой в центре города давно охотились риелторы — молодая семейная пара, живущая в той же квартире. Они предложили Марине вариант — большую светлую квартиру с высокими потолками, большими окнами в кирпичном доме «народной стройки».

«Сразу видно, для себя люди строили!» — рассматривала Марина вместительные встроенные шкафы.

Район считался непрестижным — далеко от центра. Но ей понравился вид на старый парк, и через дорогу жила Ирка.

Иногда по вечерам Марина навещала подругу, но в последнее время старалась не злоупотреблять гостеприимством: не хотела мешать расцветающей семейной идиллии. Со светящимися от радости глазами Ирина сообщила, что Пискарь устроился оформителем в крупный региональный журнал, а вечерами работает дома.

Подруги столкнулись в универмаге: Марина рассматривала обои к новому жилищу, а Ирину тянуло в детский отдел, к коляскам и кроваткам.

— Пока нет! Это я на будущее! — рассмеялась в ответ на вопросительный взгляд Марины. — Заходи сегодня к нам, Пискарь получил заказ — пируем!

Марина неловко себя чувствовала в компании Пискаря, зная все его интимные тайны, стгоряча поведенные ей разъяренной от измен подругой. Но так она уж была жизнь, что и Пискарь знал теперь все о сердечных делах Марины. Бокал-другой шампанского смягчил обстановку, и разговор потек более непринужденно.

— Слушай, обои — это всего лишь бумага, которая продается и которую можно везде купить. Не понравится — переклеишь.

— Ты не можешь выбрать, потому что настроение не то. — Пискарь что-то набрасывал карандашом на листе бумаги.

— Что было — прошло.

— Проверим! — Пискарь поднялся из-за стола, достал пачку фломастеров и большой лист ватма-

на. — Рисуй круг! Дели его на сектора. Каждый сектор — часть твоей жизни: дом, работа, мужики или еще чего придумаешь. Раскрась их в любой цвет. Даю десять минут!

— Так я и знал! — Пискарь склонился над ватманом, рассматривая Мариныны художества. — Серый, бурый, черный. Только новую квартиру ты раскрасила розовым. Из всех цветов ты выбрала самые темные. Понимаешь? Начинай собирать фантики!

— Что?

— В смысле, отмечай все хорошее, что происходит с тобой за день.

Этой ночью Марина решила переночевать в новой квартире. Она позвонила родителям, чтобы не волновались.

Со стен свисали клочья старых обоев. Электричества не было. Батареи, несмотря на конец марта, были на удивление горячими.

Ночь она провела, сидя на широком подоконнике. Ни о чем не думала и ничего не вспоминала. Стало светать.

Неожиданно перед глазами пронеслась картина того самого морозного утра: крыши старых домов со столбами дыма. Острая заноза в груди не заставила себя долго ждать: царапалась и кололась, напоминая о себе.

Ладно, пройдет когда-нибудь.

Утром она почувствовала себя совершенно отдохнувшей. Отыскала в сумочке записную книжку. Огрызком карандаша, валявшимся на полу, отметила: «Ночевала в новой квартире».

А жизнь-то налаживается!

Марина с удовольствием выбирала новые обои, удивляясь самой себе, как это она раньше не замечала такого разнообразия цветов и оттенков. Пискарь порекомендовал ей студентов, которые подрабатывали ремонтом. Ирина познакомила ее со своим постоянным поклонником, начальником цеха по производству мебели.

— Работают по каталогам напрямую с Европой. Сделают все, что захочешь. Правда, Толик? — обращалась она к невысокому, но крепкому на вид, словно вытесанному из дуба лысому мужику с мозолистыми руками и золотым массивным кольцом на безымянном пальце правой руки.

«На бесптичь и ж... — соловей!» — обреченно вздыхала ее темпераментная подруга, собираясь к нему на свидание в те беспокойные времена, когда Пискарь искал вдохновение в новом увлечении.

В каталоге Марина обратила внимание на один гарнитур. Он был сделан из дерева, как будто покрашенного когда-то белой краской.

— Так сделают? — показала она Ирине.

— Сейчас стиль «Прованс» входит в моду. — Пискарь с интересом листал каталог.

— Ну и мода! Ножки стульев обгрызены мышами, обивка диванов поедена молью. — Ирина вырвала альбом из рук Пискаря. — Вот посмотри, какая прелесть! — ткнула она пальцем в одну из страниц.

Ей нравились раздутые шкафчики, причудливой формы диваны, позолоченная фурнитура.

— Если оставишь то, что выбрала, — сделаю тебе дизайн всей квартиры в одном стиле.

— Сколько это будет стоить?

— Нисколько. Это будет моей курсовой. Считаю, что я расплачиваюсь за твою интересную идею.

Каждый вечер Марина заходила к родителям после работы взять что-нибудь из вещей: книги, кассеты, одежду.

— Вот! Просили перезвонить.

Мать протянула Марине листочек с телефоном, который показался ей знакомым.

Голос Щукина звучал непривычно взволнованно:

— Вы можете мне очень помочь! Мне и Ларе! Я еду через полчаса.

Марина терялась в догадках.

В машине Щукин поведал ей следующее. Лара, узнав, что их с женой не развели, упала в обморок прямо в зале суда. Очнулась, но ничего не помнит.

— Она никого не узнает, но может быть, вас узнает и все вспомнит! Вы ведь с ней подруги! Уже неделя прошла! Я не знаю, что делать!

Ну и артистка!

Марина, когда еще ходила в танцевальную студию, слышала, как девчонки говорили между собой, что им хотелось бы научиться падать в обморок, как Лариска: «Чуть что не по ее, она раз — и лежит, а все над ней прыгают!»

Одна из тех девчонок, что танцевали в «Никите», открыла им двери и проводила на кухню. Лара в пижаме сидела за столом и раскладывала пасьянс.

— Вы его жена? Нет? — спросила она, едва взглянув на Марину. — Кто же он такой, этот хер? — не дожидаясь ответа, кивнула она в сторону Наумыча, не отрываясь от карт.

— Я пытался рассказать ей, где она живет, что с ней произошло... — начал было Щукин.

— На пидора больно похож, — перебила его Лара.

— Память-то она потеряла, но характер как был, так и остался мухоморным.

— Сам ты вонючий мухомор!

Она встала. Сбросила все карты на пол и прошла в комнату.

— Ты это нарочно придумала? — спросила тихонько Марина. — Я ему не скажу.

Лара, не отвечая, переставляла на полке с места на место свои фотографии.

— Вот! Смотрите! — В комнату ворвался Щукин, судорожно листая журнал со снимками Лары. — Какое у нее могло бы быть будущее! Ее приглашают в Японию, Европу и... Она сошла с ума!

Он схватился за голову и рухнул в кресло. Журнал, прошелестев страницами, приземлился на подлокотнике и распахнул свое глянцевое содержимое: Ларка на фоне заката, Ларка на берегу моря, на фоне крепостной стены — фотографии были великолепны.

— Я думаю, что на нее так повлиял процесс развода. — Щукин нервно закурил. Дрожащие пальцы мяли сигарету.

— А мы с тобой еще и были женаты, старый козел? — донеслось из комнаты.

Когда Марина одевалась в прихожей, Щукин подошел к ней.

— Как быть?

«Разводитеесь и скажите Ларисе, что женитесь на ней».

— Подождите немного, она придет в себя, вот увидите!

Толик ради Ирки был готов на все и подкреплял это делом: мебель сделали быстро. Занавески и портьеры шились на заказ по эскизам Пискаря. На стене большой комнаты разместился ковер, который давным-давно привез отец из командировки в Китай: павлин на фоне лебединого озера. Его роскошный хвост переливался всеми оттенками зеленовато-голубого цвета, что гармонировало с мебелью. Постепенно из старой квартиры получалась картинка из журнала, в которой хотелось жить.

Салон-кабинет, так высокопарно называл Пискарь большую комнату, и спальня располагались по разные стороны коридора, который заканчивался большим полукруглым окном.

— Нестандартная планировка — половина успеха, — непрестанно фотографировал Пискарь уголки новой квартиры.

Уже который день Марина, как кошка вокруг сметаны, ходила около витрины магазина «Свет», где была выставлена чешская люстра. Хрустальная, с маленькими красными абажурами, она идеально бы вписалась в интерьер.

Дорогая, зараза.

Рассматривая в очередной раз хрустальную красавицу, она нос к носу столкнулась с секретаршей из «Оникса».

— У меня ремонт, а как у тебя дела? Куда пропала?

— И у меня ремонт. Приходите с девчонками на новоселье в эту субботу.

В течение недели Марина готовилась к приходу гостей. Нагруженная сумками, она поднялась к себе на этаж, открыла дверь — и первое, что ей бросилось в глаза — свет в большой комнате.

На полу стояла большая коробка, завернутая в розовую бумагу. В ответ на стук донеслось легкое позвякивание.

«Люстра?» — осторожно открыла она коробку. Та самая. С абажурами.

Только дядя Саша может сделать такой подарок!

В субботний вечер Марина бегала из кухни в комнату, накрывая на стол, беспокоясь, что не успеет.

Но вот раздался звонок, хозяйка открыла дверь, и вошел «букет». Именно такое сравнение пришло на ум Марине, когда она видела секретарш Зуброва всех вместе: длинноногих, с пышными прическами и всегда в ярких, но не вызывающих нарядах.

— Класс! Интерьер, одним словом. А где такие занавески купила? — разглядывали квартиру девчонки.

После нескольких бутылок шампанского на пятых вопросы стали задавать менее деликатные.

— Марин! А кто тебе на такое гнездо денег дал? Только не надо рассказывать про доброго дядю.

В воздухе повисло неловкое молчание.

— А почему ты люстру до сих пор не повесила? — спросила одна из девчонок, стараясь перевести разговор на более нейтральную тему.

— Откуда вы знаете про люстру?

Молчание за столом стало невыносимым.

Выручила Люба. Она громко икнула и, зажав рот рукой, выскочила из-за стола. Все бросились хлопотать вокруг пострадавшей от неумеренной дозы шампанского. Ее уложили на диване и вернулись к столу.

— Вы что-то знаете и молчите? Опять скажете: Зубров говорить не велел?

— Это он тебе хотел подарок сделать: все пытал нас, что тебе нравится.

— Да при чем здесь Зубр?

— Не строй из себя девочку, — донеслось с дивана. — Он специально свою жену кокнул: под ногами путалась и развода не давала.

— Тебе рот заткнуть, что ли? — никто не был готов к пьяным откровениям.

Разговор не клеился, и гости засобирались домой. Любка, несмотря на кажущуюся легкость, оказалась неподъемной, и ее решили оставить на диване.

Утром Марина несколько опешила, увидев длиннющую ногу, свесившуюся с дивана.

Пьяная Барби!

— Люба! — позвала она тихонько. С дивана слышался стон. Пока она спала, Марина убиралась в квартире. Гладила мысленно себя по голове за то, что не набралась вчера, как бывало раньше. Вспомнила услышанное вечером.

Хватит играть в прятки. Позвоню ему сама и распрошу.

Марина, прежде чем позвонить своему бывшему начальнику, приготовила речь. Но когда набрала знакомый номер «Оникса», не ожидала, что трубку снимет сам Зубров.

— Игорь Петрович... — растерялась она.

— Слушаю тебя.

— Спасибо за подарок, — и неожиданно сказала не то, что хотела: — Приглашаю в гости.

— Когда и во сколько?

— Завтра к семи. Адрес, надеюсь, вы помните.

Хрустальные брызги переливались всеми цветами радуги. Красный цвет абажуров придавал обстановке комнаты законченность и шик. После того, как закончил свою работу электрик со стремянкой, появившийся вслед за Зубровым, гость расположился в кресле, следуя за хозяйкой глазами, пока та расставляла на столе приборы.

— Я давно хотел тебе сказать — ты ходишь, будто танцуешь.

— С каких это пор?

— С тех самых, как ты пришла ко мне работать: такая жалкая, серенькая, но умная.

— Вот это комплимент! Еще никто не называл меня серенькой и умной. — Марину задело сравнение. — Что это за фокус с люстрой?

— А с каких это пор ты снова стала разборчивой в средствах достижения цели?

Крыть было нечем: Зубр явно намекал на новогоднюю ночь.

— Ты, наверное, догадалась, что позволяю тебе то, что не позволил бы никому?

— У кого еще есть мой ключ?

— Только у меня.

Зубров положил ключ на столик.

Он поднялся и, ни слова не говоря, вышел.

Синяя борода!

На улице стояла майская жара. С веток тополей свисали белые пушистые гроздья, которые рассыпались от малейшего дуновения ветерка и кружили по всему городу. Много раз набирала Марина номер Щукина, чтобы узнать, что все-таки происходит с Ларой. Автоответчик обещал перезвонить.

Негаданно-нежданно звезда «Империи» засияла в дверях бухгалтерии, введя в состояние легкого

шока всех мужчин издательства от шестнадцати и старше. Лара была в легком, будто вытканном из тополиного пуха шифоновом костюме, и пока они стояли на крыльце и разговаривали, каждый проходящий мимо мужчина рисковал вывихнуть себе шею.

— Как ты?

После того, как Шукин чуть было не упрятал ее в психушку, а на просьбу взять дочь домой ее мать ответила, что никакой дочери у нее нет, Лара сразу все вспомнила. Шукин как ни в чем не бывало начал строить планы их совместной жизни.

Лара выглядела великолепно: уверенная в себе молодая леди. От девчонки, крутящей попой в третьесортном кабаке, не осталось и следа. Только вместо прежнего куража в ее глазах поселилась грусть.

— Все здесь надоело. Давай уедем куда-нибудь за границу!

— И что мы там будем делать?

— Работать! Хочешь — топлес, а хочешь — стриптиз!

Непонятно, она шутит или нет.

Июнь выдался очень жарким. Каждый вечер Ирина брала пискаревский «жигуль», и подруги уезжали купаться то на лесные озера, где вода в тени деревьев не успевала нагреться за день, то на Большую реку. Они ехали далеко за город, подальше от людских глаз и прямо из раскаленной машины в чем мать родила с визгом бросались в речную прохладную воду.

После купания сидели у кромки воды и смотрели, как исчезает за горизонтом солнце, рассказывая друг другу о том, что произошло за день.

— Пискарь пропадает целыми днями на факе, сдает экзамены. Зачем ему столько твоих фотографий?

— Он говорил, что нужны фотки на тему «Человек в интерьере».

— Понятно. А почему они у него в отдельном альбоме?

— Вот у него и спроси. — Марина встала и пошла к машине.

Вечером, вспоминая разговор, она пришла к выводу, что, действительно, Пискарь, сделав снимки со всех уголков ее жилища, стал захаживать к ней запросто. Говорил, что Ирины нет дома и он пришел ее искать. Она решила поговорить с возлюбленным ревнивой подруги, как только представится удобный случай.

День за днем шел у Марины по расписанию: дом, работа. Жаркие дни, казалось, остались в далеком прошлом. С начала июля зарядили проливные дожди. Синоптики по телевизору обещали, что на следующей неделе уж точно будет солнечная пого-

да. Проходила неделя, другая, но ливни не прекращались.

В один из таких дождливых вечеров, когда Марина сидела перед телевизором с плиткой молочного шоколада, укрывшись старым махровым халатом, раздался звонок в дверь.

— Пискарев! Ирки нет! — закричала она из комнаты. Позвонили еще раз.

В глазок она увидела букет цветов.

— Кто?

— Свои.

«Зубров?! Вот кого не ждали, но цветы все-таки...» — подумала она и решила открыть дверь.

— Проходи, располагайся. Сейчас приду.

Марина стояла перед открытым шкафом: «Все как назло постирано!» Вещи из «Гаваны» стали ей малы.

«Подросла!» — ехидничала Ирка.

На данный момент в гардеробе остался только один костюм, растерзанный вследствие экспериментов с имиджем на канале «Хот», который на ней застегивался. К нему прилагались тонкие, такие же растерзанные колготки.

Зубров, как и в последний свой визит, устроился в кресле. На столике — весь дежурный набор джентльмена, решившего навестить даму дождливым вечером без приглашения: шампанское, коньяк, коробка шоколадных конфет размером с журнальный столик и впечатляющих размеров розовый букет.

Зубров от удивления даже привстал, когда Марина вошла в комнату.

— Ого! Во всех ты, душенька, нарядах хороша! Или что говорят в таких случаях?

— Ничего. Молча, как рыба, открывают рот. А ты знаком с классикой? В школе хорошо учился?

Хозяйка пила шампанское, а гость — коньяк. Разговор легко перескакивал с одной темы на другую. Опьянели быстро. Зубров опустился на четвереньки и подобрался к креслу, где сидела девушка, встал на колени и зубами принялся рвать ее и без того растерзанные колготки, рыча, словно зверь. Марина хохотала: ей было легко и весело, как не было уже давно. Она почувствовала его горячие сильные руки на спине. Слово пушинку, он перенес ее на диван.

«Я жива!» — только и успела подумать она.

Утром она проснулась от головной боли, как, впрочем, всегда после шампанского, и увидела на подушке записку: «Спасибо! Я провел свой день рождения так, как хотел».

С того самого июльского вечера Игорь Петрович стал звонить Марине каждый день. Она соглашалась на встречи только затем, чтобы не оставаться дома одной, где мысли о Максиме снова стали одолевать

ее с новой силой. Игорь поддерживал игру, когда она старалась вести себя так, словно между ними ничего не было и они просто хорошие знакомые.

«На убитого горем супруга он явно не тянет. Надо сказать ему, чтобы больше не звонил», — каждый раз решала Марина, но всякий раз соглашалась на встречу, ругая себя за отсутствие силы воли.

Зубр несколько раз предлагал ей сходить на спектакль или концерт. В августе в Большом Петровске каждый год проходил фестиваль театров-гастроляров. Но там их могли видеть вместе, и Марина отказывалась, хотя Игорь приглашал ее на постановки, куда билеты можно было достать только с большим трудом.

Часто они уезжали далеко за город. С веранды небольшого ресторанчика на высоком берегу реки открывался сказочный вид. Словно карта неведомой страны, простиралось небо над заливными лугами, уходящими за горизонт, и над Большой рекой, в водах которой отражалось все буйство красно-оранжевых красок заката.

Часто она замечала, как на Зуброва смотрят женщины — предлагая себя взглядом и совершенно не обращая внимания на его спутницу.

Если бы я была его женой или, допустим, влюблена в него, меня бы все эти взгляды ужасно выводили из себя, и я закатила бы ему скандал. При всех...

— Тебя ждет сюрприз! — как-то раз объявил Зубров.

— И какой же?

— Сейчас увидишь! — ответил он, останавливая машину около прибрежной стоянки катеров. — Выбери! Какой понравится, тот и угоним!

— Вот этот! — Марина указала на самый новый, современный.

— Жаль! Не удалось пощекотать нервишки. Это мой.

Катер быстро набирал скорость, и через несколько секунд он уже летел по воде, едва касаясь волн и держа курс на острова.

«Как я люблю это!» — Марина закрыла глаза, подставляя лицо ветру. Внезапно откуда ни возьмись набежали тучи. Когда белоснежный корпус судна уткнулся в мокрый песок, начал накрапывать дождь.

Капли с шорохом скользили по брезентовому плащу, который извлек Зубров из недр катера. Они стояли рядом, укрытые плащом, почти касаясь друг друга. Над рекой повисла пелена дождя.

— У тебя с Самойловым все серьезно было? — прервал молчание Игорь.

— Самойлов? Это тот, что приватизировал у нас в городе все, что возможно? Ты говоришь о владельце заводов, газет, пароходов?

— Нет. О его сыне Максиме.

Заноза в груди только и ждала, когда произнесут это имя.

— Тема закрыта.

От предательских укулов в груди было невыносимо больно, будто острая игла никак не могла простить, что о ней забыли так надолго. Чтобы скрыть слезы, девушка отбросила плащ и вышла под теплый дождь.

— Хочу купаться. Отвернись, не смотри!

Марина шла вдоль берега до тех пор, пока дождь и туман над водой не скрыли ее. Она сбросила платье и побежала к реке по мокрому песку. Когда теплая вода достигла колен, она услышала громкий плеск и оглянулась. Игорь бежал за ней по мелководью. Она взвизгнула, когда Зубров схватил ее и притянул к себе.

— Что за шутки, главбух! — Темные, как нефть, глаза смотрели с вызовом. — «Отвернись, не смотри!» Нашла мальчишку!

«Меня сейчас изнасилуют, и на этот раз не отвертеться, — равнодушно подумала Марина. — Больше сопротивляться не хочу и не могу. Надоело все».

Она легко провела ладонью по прямым темным волосам Игоря. Тот мотнул головой, словно разъяренный на корриде бык.

— Разжалобить хочешь?

Кружева и резинки поддались сильным рывкам с легкостью паутины. Расправившись с нижним бельем, он схватил ее и понес к берегу. Прохладная рука заскользила по колючей щеке, крепкому подбородку, словно изучая новое, незнакомое лицо. На секунду задержалась и продолжила свой путь: по сильной шее, темным завиткам волос на груди... И дальше, дальше...

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Катер покачивался на речных волнах. Игорь что-то рассматривал в бинокль. Марина невольно залюбовалась: в дымке речного тумана смуглое тело мужчины на носу катера, как на постаменте, было похоже на древнюю статую из темного отшлифованного камня.

Таким, должно быть, изображали Гефеста.

Укол занозы возвратил ее из страны средиземноморских иллюзий в действительность: Большая река, мокрый песок. Сквозь туман мерцают редкие огни рыбацкого поселка на высоком берегу.

— Игорь, я понять не могу, ты меня подставить хочешь?

— Другого времени не нашла, чтобы спрашивать? Жить не даешь ни себе, ни людям, — пробурчал он.

— Ну вот и живи, а меня оставь в покое.

Зубров глубоко затянулся и затушил сигарету.

— Я и не надеялся уже на то, что ты окажешься просто душой. Ну кто тебя сейчас отпустит? — Он шагнул к ней и притянул к себе. — Хочу тебя...

— Пусти! — Марина оттолкнула его. — Я серьезно говорю. Тебе женщин мало? Что ты ко мне пристал?

Игорь взял девушку за подбородок и пристально посмотрел ей в глаза. Марине стало жутко от перемены во взгляде: темный бархат мгновенно превратился в два черных дула, нацеленных в лицо.

— Кто ты? Черт в юбке?

Ей показалось, что Зубр легко может раздавить подбородок пальцами без всякого на то усилия.

Он легко спрыгнул на песок и зашагал вдоль берега.

Влажный ветер разогнал туман над рекой, и заметно похолодало.

— Игорь! — ветер относил голос в сторону. — Игорь!

Марина пыталась что-то разглядеть в сгущающихся сумерках.

Неожиданно она увидела его совсем рядом, на камнях у воды. Он курил, прикрывая огонек ладонью.

— Что? — спросил он не оглянувшись и глубоко затягиваясь. — Водитель нужен?

От этого спокойного голоса у Марины похолодело все внутри.

— Ты — редкая стерва.

— Извинись.

— Больше всего на свете мне сейчас хочется придушить тебя.

Зубр медленно развернулся в ее сторону и встал. Марина всей кожей почувствовала его взгляд, и ноги сами собой понесли ее к зарослям кустарника, темнеющим вдалеке.

Тонкая ива хлестала ее по лицу. Она продиралась сквозь мокрые густые заросли, слыша позади себя громкий хруст веток.

— Стой! Подожди!

Марина споткнулась, и тут же на нее навалился сверху Зубров, которому незамедлительно пришлось испытать на своем лице всю остроту женских ногтей. Марина царапалась и кусалась, как разъяренная кошка. Резкий удар по самому кончику носа заставил Зубра ослабить хватку. Пользуясь долей секунды, Марина, словно из западни, вырвалась из капкана мужских рук и снова понеслась куда глаза глядят.

— Стой! Дура! Там обрыв!

Она бежала так быстро, как никогда в жизни. Вдруг в боку сильно закололо, в груди зашевелился непонятно откуда взявшийся тяжелый камень. «Нет воздуха...» — промелькнуло у нее в голове перед тем,

как она провалилась в бездну, так похожую на темный, невыносимо тяжелый взгляд Зубра.

Первым, что увидела Марина, очнувшись, было ночное небо, которое бывает только в августе: алмазная россыпь звезд на темном бархате ночи была так близко, что казалось, можно дотянуться рукой до этого неземного великолепия. Ее подташнивало и от голода, и от непрерывного покачивания катера на волнах. Небо в алмазах вдруг исчезло: над ней склонилось расцарапанное лицо Зуброва.

— Домой, — только и могла она произнести, как снова очутилась в забытьи.

Лежа на диване, Марина постепенно приходила к себе, разглядывая свои исцарапанные руки и вспоминая, что с ней произошло. Доносился шум воды, наполняющей ванну.

— Ты вся в песке. — Игорь приподнял ее и начал неловко стаскивать платье. Марина протестующе замычала. Он, несмотря на сопротивление, легко поднял ее, донес до ванной и с шумным плеском, прямо в платье, плюхнул Марину в воду. Потом снова появился в дверях и протянул ей стопку, до краев наполненную жидкостью цвета крепкого чая.

— Пей.

Жгучее тепло разлилось по телу, едва она выпила залпом коньяк. Игорь присел на край ванны.

— Уходи.

— Вернись из командировки, и мы поговорим.

— О чем?

— Ты же сама хотела со мной о чем-то поговорить.

— Да? Наверное, чтобы сказать, что я не хочу тебя больше видеть.

Марина рассказала о произошедшем Ирине. Это растопило лед в их отношениях после вечеринки, организованной Пискарем по случаю успешной защиты курсового проекта. Пискарь обращался к Марине не иначе как «муза», что приводило в бешенство ревнивую подругу. Разразился скандал. Марина не стала ждать окончания бесплатного концерта и ушла домой. С тех пор подруги не созванивались.

— Куда пошел, спрашиваю, — не отвечает. Смотрит на меня, как на пустое место, — откровенничала Ирина, которой тоже хотелось излить душу. — Я грешным делом думала, что это ты моего Пискаря увела. Сколько раз порывалась к бабке пойти узнать, не ты ли его приворожила.

— Она бы тебе сказала, что да, и ходила бы ты к ней еще долгие годы. Старый добрый русский обычай: подцепить кого-нибудь в несчастье, а потом разводить на деньги. Что же ты молчала?

— Смотрю я на тебя и удивляюсь: везучая ты. Все как с неба валится: и родственники богатые помо-

гают, и мужики словно мухи летят. Все у тебя складывается как надо. Может, ты секрет какой знаешь?

— Если бы я не знала тебя тысячу лет, то могла бы подумать, что ты мне завидуешь.

— Вот еще! И не подумую!

Незаметно пролетел сентябрь весь в домашних хлопотах. Марина помогала матери обрабатывать урожай. В самый ответственный момент, когда она помешивала длинной деревянной ложкой яблочное варенье на плите, раздался звонок.

— Ты у родителей зимуешь?

— Ларка! Ты откуда?

— Сейчас зайду, — не дожидаясь возражений, она положила трубку. Это было в ее стиле: все должны только и делать, что ждать ее возвращения. Что делаешь: звезда!

— Из чего шубка? — разглядывала Марина жакет ярко-желтого цвета из странного меха.

— Из обезьяньей жопки! — рассмеялась Лара, перехватив удивленный взгляд подруги. — Стриженная норка! Сейчас это самый писк в Европе.

— Где?!

Рассказ Лары как всегда превзошел самые невероятные ожидания. Летом она впала в глубокую депрессию: целыми днями лежала на диване лицом к стене. Шукин был вынужден отказываться от многочисленных предложений модельных агентств, так как с дивана Лара поднималась только по крайней нужде. Чтобы как-то развеселить подругу, Шукин договорился с одним из своих друзей, владельцем частного ночного клуба в Москве, чтобы тот взял ее поработать у пилона. Тот согласился с условием, что для начала девушка попробует консумацию.

Лара приехала в Москву днем, а вечером того же дня она сидела за столиком в клубе, засовывая доллары в белоснежные ботфорты и слушая речи странного господина напротив.

— Не место тебе здесь, девочка. Сколько тебе нужно, чтобы ты забыла сюда дорогу?

Прикинувшись бедной несчастной овцой, Лара запричитала:

— Мне ведь деньги домой отсылать надо! Без меня семья пропадет!

— Позвони мне утром по этому телефону, и найдем тебе работу. А сейчас говори, сколько нужно, и уходи. Не уйдешь — все равно узнаю.

Лара назвала сумму, считавшуюся в Большом Петровске запредельной. Господин, которому в этом вечер, очевидно, взбрело в голову спасти человечество, спокойно раскрыл бумажник.

— Это отдашь хозяину, а это спрячь. И номер телефона тоже.

Утром она позвонила, и на другом конце провода ей ответило известное модельное агентство. В это время проходил кастинг моделей для журнала-каталога швейцарских часов. Лара стала первой среди претенденток.

Через несколько дней она оказалась в Швейцарии. Устроившись в отеле, девушки вечером отправились на дискотеку. К Ларе подошел высокий немолодой мужчина и заговорил с ней по-французски. Не зная, что ответить, она улыбнулась и прошла мимо. Он ходил за ней, заговаривая на всех европейских языках, до тех пор, пока девчонки не сказали, что Лара из России. Наконец ему на помощь пришел переводчик. Месье Рене, как потом оказалось, был самым богатым торговцем недвижимостью в этой красивой горной стране.

Лара и господин Рене стали встречаться. Это началось — завтракать вместе в отеле, поскольку все вечера у Лары были заняты съемками. За ними тенью следовал переводчик. Смешной и неуклюжий, слегка назойливый господин Рене не вызывал у Лары никаких чувств. Но его подарки она принимала с удовольствием: сапфировое кольцо, часики, усыпанные бриллиантами, от Картье.

— Он мне подарил «мерседес», а я в тот же вечер, когда с девчонками поехали кататься, его разбила.

— Как разбила? Никто не пострадал?

— Да там же надувные подушки со всех сторон! У меня для тебя подарок.

В плоской коробке лежала необычная картина: яркие мазки красок, цветные разводы. Только когда Лара перевернула картину, Марина смогла рассмотреть обезьяну, играющую на саксофоне.

— Милый обезьян! Чем-то на Шукина похож.

— Чем-то? Да одно лицо! Я так и знала, что тебе понравится.

Она задержала взгляд на картине.

— У него сейчас предвыборная кампания в тундре, в каком-то Зажопинске. Мы так и не увиделись, — вздохнула Лара.

— Жаль.

— Все равно рано или поздно повстречаемся. Он к жене вернулся. Говорят, она третьего ждет.

— Так у него и дети от этого брака?

— Ну да! И не только от этого. А! Чуть не забыла! — Лара расстегнула рубашку. Марина, открыв рот от изумления, рассматривала кольцо.

— Как ты его провезла через границу? — Марина не могла отвести глаз от прозрачных синих кристаллов.

— Очень просто. Расстегнула шубу и прошла. Таможенник даже не задал ни одного вопроса. Может, подумал, что это бижутерия?

«Сколько времени прошло, как я знаю Лару? Год? Больше? — Из окна Марина видела, как подруга поймала такси. — Похоже, что в моей жизни ничего больше не произойдет».

Она знала, что хандрит. Бабье лето сменилось осенней морозящей серостью по утрам и дождями.

Марина спрашивала себя, хочет ли она, чтобы позвонил Зубров? Вчера бы она ответила — да. Сегодня — нет. Даже на основании своего небогатого опыта она смогла почувствовать: то, что произошло между ними там, на реке, было чем-то звериным, первобытным. Ни капли чувства, только — голая страсть.

Здравый смысл нашептывал ей, заглушая чувство страха: «Мало ли у кого пропадают жены? Оклеветали человека. У него много завистников. С таким мужчиной согласилась бы связать жизнь любая женщина. Будешь ездить с ним по границам, появляться в обществе...»

Но чутье, которое появилось на свет еще раньше, чем страх, не давало ей забыть фразу: «Моя жена сидит дома».

Где же, господин Зубров, сейчас ваша жена?

На работе, чтобы хоть как-то заглушить осеннюю скуку, сотрудники придумывали разные поводы для праздника. Все вернулось на круги своя: не с таким размахом, как в «Ониксе», но также по пятницам народ собирался за столом. Большой штат бухгалтерии состоял из одних женщин: те, кто был замужем, никогда не оставались на посиделки, а остальные заканчивали вечер у кого-нибудь дома.

Однажды вечеринка закончилась у Марины. Утром, когда веселая женская компания уже разошлась, она захотела привести себя в порядок и не нашла в стеклянной шкатулке, куда обычно складывала украшения, золотой цепочки. Марина прекрасно помнила, как снимала ее вечером, когда пришла домой, и положила в эту самую шкатулку. После этого неприятного случая ее мерцающий интерес к сборищам окончательно угас.

Ну не увольняться же из-за этого!

С тех пор перед приходом на работу у нее портилось настроение.

Однажды вечером около дома ее окликнули. Посреди двора в свете одинокого фонаря, рассеянно падающем на покосившиеся лавочки и песочницу, заваленную пустыми бутылками, возвышался Пискарев, словно богатый молодой вельможа эпохи Возрождения: цвета красного вина шелковое кашне небрежно заправлено за высокий воротник длинного синего плаща. По-мужски красивое лицо излучало уверенность и спокойствие, как на старинной фреске итальянского собора, принадлежавшего его возможному родовитому предку. Тщательно уло-

женная копна каштановых волос. Светло-зеленые глаза, совсем прозрачные в осенних сумерках.

«Понимаю подругу». Марина тряхнула головой, отгоняя призрачное видение.

— Пискарев? Ирину ищешь?

— Мне с тобой надо поговорить, — распахнул он перед ней дверь подъезда.

На кухне Пискарь выставил на стол пакет и принес из гостиной бокалы. Все действия он совершал с видом хозяина, имеющего право распоряжаться здесь всем имуществом.

— Шампанское и шоколадка? В честь чего? Если есть повод что-то отметить, то лучше отпразднуй событие с Ириной.

— Марина! — торжественно начал он, жестикулируя пустым бокалом. — Давай выпьем за нашу случайную встречу!

— Что? За какую такую нашу встречу?

— Дело в том, что мой дом здесь, — продолжал он. — Мне не хочется отсюда уходить. И все.

— Все понятно! Ты привык к дому, как кот.

— Как пес! — Пискарь неожиданно встал на колени и, театрально заламывая руки, с пафосом обратился к Марине: — Возьми меня к себе! Верой и правдой служить буду до самой смерти!

— Во-первых, чьей смерти? А во-вторых, ты будешь спать у двери на коврик. Я в постель не пускаю ни котиков, ни собак!

— Я отсюда не уйду!

— Вызову милицию.

— Мы созданы друг для друга. — Пискарь поднялся, отряхивая брюки. — Когда ты рядом, у меня вырастают крылья. Ты — мое вдохновение! Господи! Как моя подруга, такая умница, втрескалась в этого кобеля?!

— Рано или поздно я буду известным. У меня будут деньги. То, чем я занимаюсь, скоро будет очень востребовано. Мы созданы друг для друга! — приближался Пискарь, неотрывно глядя на Марину, словно гипнотизируя, и расстегивал на ходу ремень.

— Вон отсюда.

Девушка распахнула входную дверь. Пискарев вышел, прихватив со стола свой пакет.

На следующий день на работе Марину позвали к телефону.

— Привет, — ответила она.

Как мне называть его теперь: Зубров, Игорь, Игорь Петрович?

— В семь заканчиваю.

Марина спиной почувствовала, как вся бухгалтерия замерла. Она знала, какими подробностями обростут эти две фразы, когда все увидят зубровскую «ауди».

— Что-то ты сам на себя не похож. Ты был на стажировке в институте благородных девиц? И там тебя обучили хорошим манерам?

Посвежевший и подтянутый, Зубров протянул ей тяжелые хризантемы, распахивая дверцу «ауди».

— Ладно, прекрати. Я так по тебе соскучился, — произнес он, уткнувшись ей в шею, небрежно отбросив букет назад. Цветы рассыпались по сиденью.

«Ведь несколько дней назад я хотела его убить! Слабая я женщина...» — думала Марина, отвечая на поцелуй.

Машина свернула на трассу и помчалась за город.

— Куда едем?

— Ко мне.

— Ты меня спросил, хочу ли я туда ехать?

— Посмотришь. Не понравится — уедем.

Проселочная дорога свернула в сторону. На высоком берегу рядом стояли дома, светящиеся окна которых смотрели на Большую реку. Кованые узорчатые двери. Кружевная резьба по дереву, потемневшая от времени, украшает фасады второго этажа. Невдалеке белеет церквушка. И если бы не иномарки, стоящие у каждого крыльца, поселок можно было принять за иллюстрацию к пьесам Островского.

Машина остановилась у крайнего дома. В свете фар блеснули оконца нижнего этажа, сложенного из продолговатого старинного кирпича. Обнаженные ветки старых раскидистых яблонь доставали до крыльца. С берега виднелась дорога, ведущая к еле освещенной пристани.

— Никогда бы не подумала, что ты собираешь антиквариат!

— Раньше здесь жили купцы. Внизу — амбар, а наверху — семейство. В этом поселке почти все дома такие, и, поверь, принадлежат они не последним в городе людям.

«Река близко», — с удовольствием вдохнула Марина влажный свежий воздух, будто чувствуя поддержку верного друга, готового всегда прийти на помощь.

Порыв речного ветра подтолкнул ее в спину, когда она входила в распахнутую Зубровым дверь.

— Пойдем, я покажу тебе дом.

— Что ж, пойдем посмотрим... твой рабочий кабинет.

Они поднялись наверх по широкой деревянной лестнице. С тихим рычанием Игорь легко подбросил девушку, взвалил на плечо, словно добычу, и потащил в спальню, где, не зажигая света, они упали на кровать.

Круглая луна бесстыдно заглядывала в окна. Игорь спал посередине большой кровати, широко раски-

нув руки. Марина вышла из комнаты и замерла у края лестницы. Перед камином на столике стояли шампанское в ведерке и ваза с фруктами. Ее плащ и куртка Зуброва аккуратно висели на плечиках. Стараясь не шуметь, она пробралась в спальню, быстро оделась и спустилась вниз.

— Игорь Петрович! Ой!

Перед Мариной возникла немолодая особа, похожая на сельскую учительницу из старых советских фильмов.

— Добрый вечер, а где...

— Прямо по коридору.

Разглядывая полочки в ванной, Марина убедилась в том, что в доме нет и намека на присутствие женщины.

Она вышла в холл.

— Простите, ужин накрыт в столовой. Если нужно чего будет — звоните, — торопливо, словно боясь задержаться в доме, говорила служанка с неуловимым окающим акцентом, показывая на стене кнопку звонка. — Я тут рядом живу. До свидания!

Марина кивнула в ответ, удивленная столь неожиданным фактом из жизни Зуброва.

Как в лучших домах Лондона или Парижа!

Часы на стене показывали три.

Марина поднялась в спальню. Зубров дышал глубоко и спокойно.

Не храпит — это плюс.

«Бесстрашная героиня какого-нибудь детективного покетбука воспользовалась бы моментом, отыскав комнату жены и обнаружив там либо чьи-то останки, либо приведение», — вздрогнула она от этой внезапной мысли и оглянулась. Дом, где она сейчас находилась, казался обжитым и уютным.

«Спит, — заглянула она еще раз в спальню и осторожно открыла очередную дверь. — Так на картинке в журнале выглядит кабинет».

Комната рядом с кабинетом была заперта.

«Подумай, нужно ли тебе это?» — возник из ниоткуда вездесущий здравый смысл. — Что ты ищешь? Вещи, которые не надевала женщина уже год? Ее духи, записи? Зачем тебе это нужно?»

Несмотря на доводы рассудка, рука продолжала шарить за косяком двери, пытаясь нащупать ключ.

Ничего нет. Где должны быть ключи? У хозяина в столе.

Марина вернулась в кабинет и зажгла на столе лампу. Подергала ящики стола. Закрыто. Взгляд ее наткнулся на уголок толстой розовой тетради, нелепо смотревшейся на полке с аккуратно расставленными видеокассетами. Рука сама собой потянулась за тетрадью.

Вдруг яркий свет залил всю комнату.

— Что тебе здесь надо?

Две пустые глазницы и череп. Темные и пустые. Ничего не выражающие глаза.

Марина похолодела от ужаса и стыда. Собрав в кулак все остатки воли, она направилась к двери, пытаясь казаться спокойной. На выходе Зубров резко развернул ее и припечатал к стене.

Леденящий ужас, когда уже невозможно кричать, звать на помощь, сковал все тело.

— Я искала комнату твоей жены.

— Здесь ее нет. Этот дом мой. Что ты искала в кабинете?

— Ключ, чтобы открыть комнату.

— Зачем? Что ты хочешь узнать?

Марина не могла вымолвить ни слова.

— Отвечай.

«Живой меня он отсюда не выпустит! И все-таки...»

— Отпусти меня, больно!

— Что ты искала? — Зубр еле ослабил хватку.

— Ключ!

— Жену не могут найти уже восемь месяцев. Она во всероссийском розыске.

— Как все произошло?

— Ничего. Ее нет. Испарилась! Весной меня каждый день приглашали на опознание. До сих пор перед глазами «подснежники».

Зубр опустил руки. Деревянные ступени чуть поскрипывали под его шагами. Он грузно опустился на нижнюю ступеньку и закрыл лицо руками.

Врет? Не врёт?

— Она сама ни за что не объявится, — глухо, словно из бочки, донесся его голос. — Меня боится. Так что ты хотела найти в комнате?

— Не знаю. Хотела понять, что это была за женщина.

— То есть как это «была»?

Уютно потрескивали дрова в камине. Отблески пламени выхватывали из темноты монументальную в своей неподвижности фигуру мужчины. Словно хромой кузнец, отдыхающий после тяжелой работы, сидел он, скрестив на груди мощные руки. Марина вздохнула и присела рядом с ним.

— Прости меня, Игорь.

Зубр удивленно посмотрел на нее.

— Мне страшно. Я не могу любить того, кого боюсь. Прости меня, если позволила тебе думать иначе.

Когда Марина вошла в прихожую своей квартиры, Зубров что-то бросил внутрь.

— Все, теперь живи спокойно.

В свете фонаря за окном, словно в ответ на сильный хлопок двери, бесшумно покачнулись ветки старой липы. По полу скользнули четкие, как иероглифы,

глифы, тени, и маленькой серебряной рыбкой блеснул ключ.

Сколько же у него еще моих ключей?

Стрелки часов показывали пять. Всего-то! А мне казалось, что прошла целая вечность.

Звонок в дверь нарушил тишину.

— Кто мне обещал спокойную жизнь? — Марина, ожидая увидеть Игоря, распахнула дверь. Оттолкнув хозяйку плечом, а заодно и обдав ее парами алкоголя, в прихожую вплыл Пискарь. Покачиваясь и хватаясь руками за стены, он уверенно направился к спальне, быстро снимая на ходу ботинки, затем плащ, и вдруг рухнул на пол.

Попытки растормошить Пискаря, а тем более поднять его ни к чему не привели.

— Ни-ку-да не пойду, — мычал он, подмяв под себя свой роскошный ультрамариновый плащ венецианского оттенка.

— Этого мне только не хватало! Да вставай же ты! — изо всех сил Марина колотила его по спине. Пискарев повернулся на бок, шумно сдунул со лба волнистую прядь темных волос и отключился.

— Так и знала! И как это я, дура, раньше не догадалась, где он? Везде его ищу, всем звоню!

В комнате была Ирина. Она никогда не блистала красотой, но сейчас ее было просто не узнать: в лице ни кровинки, губы сжаты. Ночная сорочка выбивается из-под пальто. Мокрые тапочки.

— Я же тебе поверила тогда. Мужиков меняешь, как перчатки, а тебе все, сучке, мало. Ну наконец-то я вас застала.

— Ира! Да он же пьяный!

— Зачем пустила? Утром будет трезвый, да?!

— Да на хрен мне твой Пискарев сдался! Кто тебе дал право врваться сюда? Как ты вошла?

— Через дверь! Расплавилась — мужик пришел! Даже дверь закрыть забыла! — Она нагнулась к Пискареву. — Эй, ты, сволочь! Сидел у меня на шее, а сам только и думал об этой б...!

Голова Пискаря моталась из стороны в сторону, когда Ирина принялась бить его по лицу.

— Прекрати, разве ты не видишь, что он как бревно!

— Бревно, говоришь? — зло сощурившись, Ирина порылась в карманах мужских брюк, выудила презерватив и медленно поднялась. — Ну, что скажешь? Ты мне жизнь загубила!

Марина не могла произнести ни слова в ответ на заявление нежданной гостьи.

— Все только тебе с неба падает, а ты скулишь: ах, я бедная, ах, я несчастная! Ненавижу. Будь ты проклята, сука!

Zippo, словно лезвие, блеснула в ладонях Ирины. Перешагнув через Пискаря, она медленно приблизилась, высекая пламя.

- Уходи отсюда и дизайнера своего уноси.
- Не уйду, пока тебя не разукрашу!

Марине показалось, что она уже чувствует на лице трепещущий, обжигающий огонек.

Ведь разукрасит! Или она, или я!

Зажигалка выпала из рук, а гостя беспомощно озиралась по сторонам, зажимая нос пальцами. Капли крови просачивалась сквозь пальцы, сбегали по подбородку и мгновенно впитывались в мягкий ворс ковра. Как ватная кукла, она опустилась в кресло, со спокойным удивлением глядя на хозяйку квартиры. Прежде чем уйти, она оглянулась и произнесла:

— Бог тебя накажет за твою красоту и удачу. Проклинаю тебя.

Марина как сомнамбула бродила по квартире, перешагивая через мирно спящего Пискарева. На работе она почувствовала себя плохо и отпросилась домой.

О ночном пришествии напоминала только сорванная со стены вешалка, за которую Пискарь уцепился, когда старался поддержать равновесие. Темные застывшие капли крови на ковре подтверждали, что лучшей подруги в ее жизни больше нет. Не раздеваясь, она повалилась на кровать и проснулась утром совершенно больная. К вечеру температура спала, и Марина решила навестить родителей.

— Женился твой-то! — спешила мать поделиться последними новостями.

«Как женился?» — обмерла Марина.

— Знаешь, кто мне сказал? Елена Ивановна! Встретила ее в поликлинике. Говорит, ребенок у них скоро будет. Спрашивала о тебе. Жаль, говорит, что у наших детей ничего не получилось.

У Марины отлегло от сердца, когда она поняла, что мать говорит о ее бывшем муже.

— И кому же достался этот кусок счастья?

Фамилия, которую назвала мать, ни о чем ей не сказала.

— Как говорится, совет да любовь.

«Наверное, сегодня день особенных совпадений», — думала Марина, увидев парочку в магазине.

Ее бывший, стройный и подтянутый, как и три года назад, когда они познакомились, держал за руку свою спутницу, судя по всему, новую супругу.

Эта девчонка из параллельного класса была известна в их школе безмерной полнотой. «Сало!» — дразнили ее первоклассники. Ее прическа не менялась на протяжении десяти лет: даже на выпускной она заплела две жидкие косички. Экс светился от счастья, заглядывая ей в лицо. В их наполненной до краев тележке чего только не было: колбасы, ку-

ски сыра, шоколадные конфеты, гроздь бананов. Гастрономическое великолепие венчала круглая коробка бисквитного торта. Словно картинка промелькнула перед глазами: мягкий диван, семейный вечер перед телевизором, а рядом журнальный столик, как скатерть-самобранка.

А я, дура, ела эти капустные салаты!

Марина задумчиво брела домой, обходя стороной большую лужу.

— С дороги, тетка!

Прежде чем Марина поняла, что два сопляка на велосипедах обращаются именно к ней, она уже была обрызгана с головы до ног. В ванной, отмывая с одежды грязные разводы, она дала волю слезам: «Личная жизнь — ни к черту! Работу — терпеть не могу! Как жить дальше? Что мне делать?»

Часть 3

День обещал быть серым и хмурым. На оконном стекле, словно морская звезда на стенке аквариума, распластался рыжий кленовый лист, вероятно, один из последних в ноябрьском парке.

— Кто? — спросонья ответила Марина на утренний звонок. — Да!

В самый ответственный момент шнур предательски выскользнул из розетки.

А если не перезвонит?

Телефон снова затрещал, и она осторожно сняла трубку.

— Владислав Наумович!

«Почему желание исполняется так, как будто ничего особенно и не происходит?» — размышляла она, сидя на подоконнике в подъезде элитной новостройки ровно через час после утреннего звонка.

Марина вспоминала разговор, убеждаясь, что это было не во сне.

— Несколько раз слышал от Лары, что вы мечтаете о сцене.

— Было такое.

— Вы хотите работать со мной?

— Да, хочу!

— Приходите через полтора часа туда, где мы жили с Ларой.

Этажом ниже открылась дверь лифта. Хлопнула дверь.

Ну, пошла!

Продолжение следует.

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Маргарита Сосницкая — автор книг, очерков, статей.
Ее Константиново — село Рудовка Луганской области.

В 1985 году окончила Литинститут. В самиздате вышли два поэтических сборника — «Опиум отечества» и просто «Поэзия». Дебют прозы произошел в Италии: в издательстве «Фелтринелли» в переводе вышла повесть «Званный обед». В Москве в «АСТ-Астрель» изданы роман «София и жизнь» (2003) и сборник прозы «Четки фортуны» (2008), в издательстве «Совпис» — сборник рассказов «Записки на обочине» (2002), публицистических работ «Трава под снегом» (2004) и «Книга Притч» (2008). Участвовала в сборнике «Русские в Италии». Многочисленные статьи, эссе, рассказы, поэтические подборки появлялись на страницах различных газет, журналов и в Интернете. Сборник хайку «Стихи на веере», «Книга Притч» и роман «Битва розы» опубликованы на сайте <http://software.xoom.it>. Член Союза писателей России.

К 200-летию И. А. ГОНЧАРОВА

АНТИОБЛОМОВЪ

Аллегорией русского национального характера считается Обломов, ленивый, неповоротливый барин, всю жизнь читающий книгу на одной и той же странице, хозяин Обломовки в разлухе. Эта идея прививается со школьной скамьи и усиливается фактом экранизации одноименного романа. Обломов, утверждает критика, — это альтер эго Ивана Гончарова, его создателя, написавшего за восемьдесят лет жизни три романа, книгу «Фрегат “Паллада”» о своем кругосветном путешествии и ряд очерков. А между тем Иван Тушин из романа «Обрыв» — такое же законное «второе я» Ивана Гончарова, как и Обломов.

«Иван Иванович Тушин был молодец собой. Высокий, плечистый, хорошо сложенный мужчина, лет тридцати осьми, с темными густыми волосами, с крупными чертами лица, с большими серыми глазами, простым и скромным, даже немного застенчивым взглядом и с густой темной бородой. У него были большие загорелые руки, пропорциональные росту, с широкими ногтями» (с. 98)¹ — вот его пор-

tret, портрет русского человека в расцвете сил Ивана Ивановича Тушина. Обломов — почти его сверстник и на первый взгляд даже чем-то похож, он «человек лет тридцати двух-трех от роду, приятной наружности, с темно-серыми глазами» (с. 7)². Характер Обломова нам знаком до боли. А какова же характеристика Тушина?

«Ивана Ивановича “лесничим” прозвали потому, что он жил в самой чаще леса, в собственной усадьбе, сам занимался с любовью этим лесом, растил, холил, берег его, с одной стороны, а с другой — рубил, продавал и сплавлял по Волге. Лесу было несколько тысяч десятин, и лесное хозяйство устроено и ведено было с редкою аккуратностью; у него одного в той стороне устроен был паровой пильный завод, и всем заведовал, над всем наблюдал сам Тушин».

«В промежутках он ходил на охоту, удил рыбу, с удовольствием посещал холостых соседей, принимал иногда у себя и любил изредка покутить...»

«Там он опять рубит и сплавляет лес или с двумя его егерями разрезывает его вдоль и поперек, не то

¹ Цитаты из романа «Обрыв» приводятся по изданию: М.: Художественная литература, 1980.

² Цитаты из романа «Обломов» приводятся по изданию: Ленинград: Наука, 1987.

объезжает тройки купленных на ярмарке новых лошадей или залезет зимой в трущобу леса и выжидает медведя, колотит волков».

«Не раз от этих потех Тушин недели по три лежал с завязанной рукой, с попорченными ухарской тройкой плечом, а иногда с исцарапанным медвежьей лапой лбом».

«Но ему нравилась эта жизнь, и он не покидал ее. Дома он читал увражи по агрономической и вообще хозяйственной части, держал сведущего немца (у Обломова был приятель полунемец Штольц. — М. С.), но не отдавался ему в опеку, требовал его советов, а распорядился сам, с помощью двух приказчиков и нанятых рабочих. В свободное время он любил читать (об Обломове: “Неестественно и тяжело ему казалось такое неумеренное чтение”, с. 51) французские романы: это был единственный оттенок изнеженности в этой, впрочем, обыкновенной жизни многих обитателей наших отдаленных углов» (с. 102–103). Последнее сообщение делает Тушина собирательным образом русского помещика. В дальнейшем автор разовьет эту тему: «Тушины — наша истинная “партия действия”, наше прочное “будущее”» и т. д. (с. 387). О Тушине, о его привычках, занятиях, увлечениях — о его мире можно было бы написать такую же толстую книгу, как об Обломове. Только Обломов — курьез, аномалия, вызывающая любопытство, а Тушин — герой типичный; кому он интересен? Такие были на каждом шагу во времена Ивана Гончарова. Это сегодня нам было бы интереснее читать об обыкновенном герое (коль уж есть «Обыкновенная история»), скромном зодчем российской государственности Иване Ивановиче Тушине, ибо сегодня Тушиных можно заносить в Красную книгу человечества. А разновидностей обломовых стало великое множество. Неверно считать Обломова аллегорией русского характера — это тип универсальный: паразитов и бездельников легионы по всем странам. Европа, Америка живут в долг, живут за счет эксплуатации гастарбайтеров, в том числе с наших широт, между тем как аборигены преимущественно греются на синекурах и тепленьких местах. Например, целые прослойки британских граждан поколениями неплохо себя чувствуют на пособиях по безработице (совсем не потому, что нет работы) и при этом не страдают комплексом обломовщины; они про нее и слыхом не слыхали.

Иван Иванович Тушин — прямая противоположность, антипод Ильи Ильича Обломова, да и обломовщины в целом. Поместье его Дымок — тоже антоним Обломовки. Взглянем на Дымок глазами Райского, главного героя романа: «В деревне он не заметил пока обыкновенных и повсюдных явлений: беспорядка, следов бедного крестьянского хозяй-

ства, изб на курьих ножках, куч навоза, грязных луж, сгнивших колодцев и мостиков, нищих, больных, пьяных, никакой распушенности», «строения глядят, как новые, свежо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нет» (с. 387). Тушинская деревня — это еще противоположность и деревням Гоголя, по которым совершает свой зловещий вояж Чичиков. К Тушину Чичиков бы со своим предложением не сунулся, тот оказал бы ему здоровый медвежий прием.

Во владении Тушина царит социализм развитых европейских стран: лес «содержался, как парк, где на каждом шагу видны следы движения, работ, ухода и науки. Артель смотрела какой-то дружиной. Мужики ходили сами на хозяев, как будто занимались своим хозяйством.

«Ведь они у меня, и свои, и чужие, на жалованье, — отвечал Тушин на вопрос Райского: “Отчего это?” Пильный завод показался Райскому чем-то небывалым, по обширности, почти по роскоши строений, где удобство и изящество делали его похожим на образцовое английское заведение. Машины из блестящей стали и меди были в своем роде образцовыми произведениями» (с. 388) и т. д. и т. п. А ведь роман был написан в 1869 году! Тогда уже существовало такое процветание, и держалось оно на человеческом факторе, на хорошем человеке и хозяине Иване Ивановиче Тушине. Обломов — не хозяин, лежебока, «почивать хочет» — вот у него во владениях и царит разруха. Но не Обломовыми строилась Россия; впрочем, вероятно, и Обломовыми, предками Ильи Ильича — ведь дом его когда-то был «богат и знаменит». «Только поседевшие слуги дома хранили и передавали друг другу верную память о минувшем, дорожа ею, как святынею» (с. 11).

Нужна была энергия, сила и ум таких людей, как Иван Иванович Тушин, чтобы Россия раскинулась от Москвы до Анапы и Тихого океана. И коль она уж раскинулась, коль она своим существованием, всей историей своей и географией подтверждает именно тот факт, что типичным русским национальным характером является Иван Иванович, а не Илья Ильич, то надо это признать и произнести в полный голос. И характер Тушина — государствообразующий. Это на руку культур-революционерам было объявить Обломова национальным русским характером, чтобы мотивировать свою войну против русского народа. Безусловно, в каждом русском есть немного от Обломова, от его мечтательности и медлительности, в том же Тушине, который после загульных вылазок подолгу отлеживается. Но, отлеживаясь, он копит силу для нового подъема деятельности. И личность Тушина, который появляется только в третьей части и которого мы вместе с Райским постепенно узнаем глубже и лучше во всем

ее благородстве, тонкости чувств, умении владеть собой, любить, помогать ближним, — личность Тушина становится центральной фигурой романа. Его появление вносит в повествование физическую силу и осязаемое физически человеческое тепло. Райский пошел смотреть грозу над Волгой, промок до нитки, сбился с пути, и вот при вспышках молнии его догнал шарабан, на котором в группе была и Вера. Райский спросил: «Нельзя ли меня довести?»

— Прошу покорно, места много. Я помогу вам влезть! — сказал мужской голос.

Райский протянул руку, и кто-то сильно втащил его под навес шарабана» (с. 96). Разве не почувствовал он в тот момент тепло этой сильной руки, промокший, озябший, среди бушующей грозы?

И только спустя какое-то время, побывав в гостях у Тушина, он совершит открытие Америки — открывает для себя (и читателя) Тушина: «Райский, воротясь домой, прежде всего побежал к Вере и, под влиянием свежего впечатления, яркими красками начертил ей портрет Тушина во весь рост... и вместе свое удивление и рождающуюся симпатию. В этой простой русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, он видел какого заволжского Роберта Овена!» (с. 389). Именно Тушин запоминается ярче, врезается в память своей мощью и статью, а не Райский с его либеральничаньем, материальной помощью люмпен-революционеру Марку Волохову, влюбчивостью в кузин, Райскому часто найдется что возразить. Тушину возразить нечего, им можно только восхищаться и любоваться, как это случилось с Райским: «В Тушине... — это красота души, ясная, великая! Это само благодушие природы, ее лучшие силы, положенные прямо в готовые, прочные формы. Заслуга человека тут — почувствовать и удержать в себе эту красоту природной простоты и уметь достойно носить ее...», «Данный ему талант — быть человеком — он не закапывает, а пускает в оборот...» (с. 385) и прочая в том же духе.

Благодаря характеру этого благородного медведя, позволяющему автору рассуждать о преимуществе нравственной красоты над умственной, не остается сомнений, как будут развиваться события после окончания романа. Избранница его сердца Вера, впавшая в смуту под влиянием Марка Волохова, в конце концов отдаст свое сердце и руку именно ему, Ивану Ивановичу, взявшему под опеку ее вместе с бабушкой, — так жизнь в силу логики вещей допишет сюжет после окончания романа. Впрочем, жизнь никогда не ставит точку: сюжет перетекает в сюжет.

Именно благодаря таким людям, как Иван Иванович Тушин, Россия достигла благополучия при Столыпине, которое по основным показателям превосходило американское. И дальше бы поднималась в гору, набирала мощь наша страна, не допусти ее правительство развитие революционного вируса, носителем которого при всей своей антагонистичности Тушину являлся отнюдь не Обломов, а Марк Волохов. Автор ловко, к слову сравнивает его с мышами: в порче книг «какой-то Марк чуть было не докончил дела мышей» (с. 191)¹. Сначала он портит книги, затем, через полвека, как мы видели своими глазами, будет разорять фабрики, заводы, сельское хозяйство — то, что Тушины создавали.

Очень важно, что Вера, убедившись в пустопожности сумбурных идей Волохова, отвернулась от него. Она не могла не поинтересоваться новым, неизвестным, о чем он твердил (или бредил?), но и, обладая «мыслящим умом», которому автор поет панегирики не реже, чем красоте, не могла не разобрататься в недоброкачественности этих идей. Выбор Веры — это призыв Ивана Гончарова всем здравомыслящим людям последовать за ней, умной, ищущей высокой истины красавицей, которую легко мысленно облечь в сарафан и представить былинной ипостасью Руси. Да и кто не последует за красавицей? Красота — это еще одна из сквозных тем «Обрыва», которой Гончаров («Равнодушный ко всему на свете, кроме красоты...», с. 303)² поет осанну. А после слов «Красота, исполненная ума, — необычайная сила, она движет миром, она делает историю, строит судьбы...» (с. 357)³ Гончарова можно назвать и певцом, и жрецом красоты.

Вера выбрала Ивана Ивановича Тушина и последовала за ним, однако большинство из народа пошло другим путем, за последователями люмпен-революционеров...

Народ, кстати, жил совсем неплохо при дворе бабушки Райского, Татьяне Марковне. Он неоднократно советует ей отпустить дворовых на волю, а роман написан в 1869 году, восемь лет спустя после отмены крепостного права, на что бабушка отвечает: «Рада бы, хоть сейчас со двора!.. Да не пойдут! Куда они денутся? Избалованы, век — на готовом хлебе!» (с. 417).

Вера, став женой Тушина, конечно, будет счастливейшей из женщин, но прочесть мы об этом не можем — только догадаться. А идеалом женской судьбы в русской литературе является не она и даже

¹ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб.: Наука, 2004.

² Там же.

³ Там же.

не Наташа Ростова с ее пеленками, к которым она пришла после романа с Курагиным, любви к Болконскому и пеня, а сестра Веры, Марфенька. Она еще играет роль фона, гармоничного и непогрешимого, на котором разыгрывается буря в стакане страстей Веры Васильевны. Фон этот, с одной стороны, обозначает резче Верины шатания, а с другой — вызывает недоумение: а зачем они нужны, если у сестры Марфиньки¹ все так ясно и гладко? Разве можно путать брачные игры с идеологической пропагандой?

Искания и умствования Веры при благополучном исходе, динамика которого заложена в финальных событиях (хлопотах об имении бабушки, взятых на себя Тушиным), должны закончиться так, как все было у Марфиньки. А это счастливейшие минуты счастливой жизни, недаром описание их вошло в «Новую Русскую хрестоматию» для детей, составленную Л. О. Вейнбергом («Печатня С. П. Яковлева», М., 1905, репринт «Слово», М., 2011). Счастливый и разумный венец делу Веры — это под венец с Иваном Ивановичем Тушиным (она сама говорила — «женщина создана для семьи»), но только у них в памяти останется шероховатость — история с Марком Волоховым, сеятелем драконовых зубов будущей революции. Пусть бабушка стерла с лица зиму беседку над обрывом, над Волгой, где произошло небеспорочное свидание Веры с ним... Но память — не беседка, не сотрешь. А вот у Марфеньки с ее суженым Викентьевым будут в прошлом только соловьи, которых они вместе слушали ночью в роще. Природа, Волга, обрыв — тоже импонирующие герои романа, они одушевлены и принимают участие в событиях, в судьбах героев.

«Обрыв» — это роман, в котором торжествует гармония. На каждый образ, вносящий разлад, есть противоядие, устанавливающее равновесие: на Волохова — Тушин, Леонтий, на Ульяну, Крицкую — Наташа, Софья, на Райского с его богемной неустойчивостью — сама бабушка, и т. д.; границы этих противовесов местами размываются, смешиваются, требуют уточнений, но главное — на них зиждется гармония.

Тушину, Марфиньке, Викентьевым, матери и сыну, блаженному Леонтию и, конечно же, бабушке, Татьяне Марковне Бережковой, только одним своим существованием достается утверждать эту гармонию и бороться за нее. И гармония торжествует благодаря всем этим героям во главе с тройкой: двумя сестрицами и бабушкой, символизирующей традиционную, исконную Русь с ее устоями и нравственностью, недаром Райского из Италии обратно «зва-

ли к себе его три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе — еще другая исполинская фигура, другая великая “бабушка” — Россия» (с. 422). Этими словами роман завершается.

XIX век — это век романа в литературе: «...в роман все уходит — это не то что драма или комедия — это как океан: берегов нет или не видать; не тесно, все уместится там» (с. 38)². Иван Гончаров писал свои три романа, в которые действительно все вместились: от уклада до типажей, дворовых и дворян, от глубинки до заграницы, писал по десять лет каждый, не теряя ни темпа, ни тона повествования. Позволить такую роскошь писателю может эпоха — без потрясений, без срывов, без переоценки ценностей — плюс богатырского объема творческие легкие; тогда возможно десять лет писать вещь на одном дыхании.

Воспитание молодого поколения надо начинать с романа «Обрыв», задавая писать сочинения с вариациями на тему «Иван Иванович Тушин как типичный представитель русского человека». Не с лишних да маленьких, т. е. ущербных людей, которыми кишит наша литература и правдоподобность которых подлежит пересмотру, надо начинать изучение русского характера, а с такого Человека с большой буквы, исполина из плеяды Ермака, Саввы Морозова, А. А. Баранова, как Иван Иванович Тушин — фигуры, практически одиноко возвышающейся в пантеоне наших литературных героев.

¹ В романе использованы оба написания: Марфинька и Марфенька.

² Там же.

Юрий Блинов — известный сибирский писатель, продолжающий традицию жесткого, смелого письма астафьевского подтипа. Лев Аннинский же неожиданно назвал Блинова италяно-ямальским Джеком Лондоном.

В Италии некоторые блиновские рассказы входят в школьную программу младших классов.

Живет Юрий Михайлович на Ямале, в лесотундре. Питается кореньями, ягодой и ягелем, мясо в пищу не употребляет, потому что жалеет медведей, лис, белочек и зайчишек.

Дорогие мои читатели! К сожалению, в наш смурной, потребительский век вас, истинных читателей, осталось мало, значит, тем более — дорогие! Мне представилась прекрасная возможность обратиться к вам через солидное издание — журнал «Юность». За последние два года мною создано пять романов, семь повестей и несчетное количество всевозможных сказов. Занимаюсь я в охотку историей гиперборейцев. А вот недавно еще пытался скрестить белого и бурого медведей — пока не вышло: зверь больно диковат пошел нынче. Но ничего, свои эксперименты продолжаю, не успокаиваюсь. Живу в землянке, творю при коптилке — удобств никаких, зато счастлив, чего и вам желаю. Помните рубцовского «доброего Филю»? Так вот я — «добрый Филя» и есть.

Юрий Блинов

Рисунки Елизаветы Горяченковой

Из цикла «Сказы о земле Сибирской»

ЗАКОН ЧТО ДЫШЛО

Мишка, нет, не медведь, а то я охоч про медведей сказывать, мужик — Мишка, но все равно не простой, с перцем, такой хлесткий, озорной. И баба у него, Манькой звать, ему под стать, тоже бойкая, тоже огневая, тоже озорничать мастерица. В то время, о котором речь, как раз на дворе осень стояла — бабье лето, погода такая расчудесная, такая благодатная, прям пой, пляши, ну бабье же лето, а что может быть слаще бабы-то — ничто. Вот и тут год выдался такой плодovitый: шишек, грибов, ягод — валом. Хоть отбавляй, слушай. Словом,

распрекрасно все, чудненько. Одно плохо: медведей, зверюг хищных, нарожалось, развелось — прорва. И то ли им листвы, ягод в лесу не хватало, то ли лосось по реке не стеной шел, но стали они бог знает что выкомаривать. Видано ли! Стали рядом с поселком, в котором Мишка с Манькой жили, кружить, промышлять и даже в сам поселок заходить — спереть где что плохо лежит, животину какую зазевавшуюся приклепнуть, утащить, собаку, кошку, козу, в помойках порыться, отбросы пожевать.

У нас ведь как, у нас ведь все шиворот-навыворот: местная областная власть, ну депутаты эти думские, в прошлом или позапрошлом году, не помню когда, возьми и издай закон запретный — «Медведя не трогать, не стрелять, не охотиться». Его, мол, мало осталось, его, вишь ли, чуть не в Красную книгу скоро занесут. Издать закон издали, а отменить не торопятся, хотя медведей-то прорва, хотя от них чуть ли не национальное бедствие. Словом, у нас, как и водится, через одно место все.

Вот в это как раз опасное время Мишкина баба, Манька, бойкая же, огневая, взяла и в лес засобиралась.

— Ты куда это? — Мишка бабу свою спрашивает, сам глядит с прищуром, с ехидцей, словно на пацанку какую недорослую.

— Куды, куды, на Кудыкину гору. По клюкву собралась, вот куды. Зимой сам на похмелку морсу заприсишь.

— «Запросишь, запросишь». Ты что, глухая, не слышала, медведи вон что творят, обнаглели совсем, их в лесу на каждом шагу, в поселок даже не боятся заходить, а ты в лес. Живо спымают, заместо клюквы пойдешь, ты вон у меня какая съестная — ядреная, так соком и брызжешь.

— Ладно тебе, «брызжешь». Нашел брызгалку... — зарделась баба, кумачом пошла. — Поди, не спымают. А спымают, так с другим мишкой поживу, с лесным. Свой-то надоел уже, спасу нет.

— Поживешь, поживешь, — сделал вид, что обиделся, Мишка. — Один раз обнимет — и жить не захочешь.

— А что, хошь один раз спробовать настоящего-то, и жизни тады не жалко.

— Ишь, расхорохорилась, распелась. «Понастоящему», как будто тебя обнять крепко некому, неча мужика срамить, подъялдыкивать. Говорю — не ходи, и будя! Беды наберешь, горяхватишь. И хо-рош, будя!

— А тебе пугать меня хватит. Я супротив них, медведей-то, заговор знаю.

— Какой еще заговор?

— Такой, мне дед еще, когда жив был, тайком поведал.

— Ну-ка, ну-ка, что еще за заговор, что за оберег, почему я охотник, а не знаю?

— Надо из дома вперед пятками выходить и через оба плеча сплевывать, кресты на дорогу класть и приговаривать: «Не твоя я, не твоя, а мужнина. Не смей, не замай, мужику отдай», — не удержалась баба, съехидничала.

— Ха-ха, — не обратил Мишка на ехидство внимания. — Видал он твои пятки, твои заговоры. Съест за милу душу и не поморщится. Я тебе второй раз

повторяю, не ходи, делать тебе там нечего. И все на том!

— Опять заприказывал. «Не ходи, делать нечего», — передразнила Мишку баба, озорная же, бойкая. — Охольнь. Не боюсь я твоих медведей, ничего они со мной не сделают. Что это за дела, из дома не выйди. Страда же, останемся без всего, без грибов, без ягод, где это видано, когда это было. Пойду — и все, хоть ненадолго, но пойду. Часа два-три, одна нога здесь, другая там. Ягод-то, говорят, ведрами. Успею, наломаю. Я недалеко, здесь рядом буду.

— Где рядом? Ты толком скажи. Вдруг тебя искать придется.

— К Осинной гряде пойду, вон в ту сторону, — махнула Манька на запад. — Знаешь, должно. Или забыл, боишься из дома-то зад высунуть, из-за медведей хвост поджал, в штаны наложил, охотник еще! Смех! Со страху забыл, где Осинная гряда, — разошлась совсем Манька.

Ну не стерва ли, не оторва ли!

— Вот стервоза, ну стервоза, — заругался без злобы, даже с некоторой гордостью Мишка. — Знаю, знаю я твою гряду, успокойся, но ты все-таки послушала бы, не ходила. Мало ли, а, Мань, — видя, что угрозы не действуют, перешел на уговоры Мишка.

— Не каркай, еще правда беду накличешь. В обчем, пошла я, за домом смотри, — не утерпела, наказ дала — вот баба противная. На последок крутнула задом, хлопнула дверь и была такова.

Умотала, словом, Манька в лес, Мишка один остался, не сидится ему, по дому шарахается, о табуретки спотыкается, матюгается, бабу костерит непутевую, своенравную. Непокойно ему, кошки на душе скребут. «Зря отпустил бабу», — думает. Сдается ему, предчувствие какое-то нехорошее, что напорется она, заполошная, на медведя, как есть напорется. Год-то действительно какой выдался — стремный, то и дело слышно — там медведь корову задрал, там коня унес, там человека помял, заикой оставил.

Ждет Мишка Маньку, изводится, на иголках сидит. Два часа обещанных прошло, три, время к вечеру, бабы нет, понял Мишка, что дело дрянь, попала его сумасбродная в лапы к хищнику. Подхватился — и бежать на поиски, на ту самую Осиную, будь она неладна, гряде. Выскочил из дома и ружье не взял, хотя по привычке схватился за ремень, у порога же ружье-то висело, но вспомнил запрет депутатский хреновый, сплюнул со злости и с усилием убрал руку. Только, значит, за околицу выкатился, глядь, а его баба на высоком электрическом столбе, около самых проводов сидит, обхватила руками, ногами мертвой хваткой его, зубы стиснула, ошетибилась. Поскольку столб-то до медового блеска отполиро-

ванный — ветрами, осадками, временем, — баба-то хоть и вцепилась в него, но не удерживается, потихоньку сползает. Мишка же, на бугор покатый взбираясь, только верх столба с бабой, прилипшей к нему, зрил, а что внизу, в основании творится, не видит. Остановился он, вытаращился на это светопреставление и дивится, сам себя спрашивает: «Зачем это Манька на столб залезла, как смогла на скользкий такой? Пацану ловкому, даже липким медом обмазанному, не под силу, а она?! Сказалась, что ли?» Не поймет Мишка, замер на взгорке-то, на полпути, ждет-пождет, что дальше будет. Интересно ему, видишь ли.

Смотрит, Манька, баба его, потихоньку съехала по столбу вниз и быстро, как обезьянка, обратно вверх. Замерла около проводов, посидела-посидела — и опять потихоньку стащило вниз ее, она опять стрелой вверх. Туды-сюды, туды-сюды, обратно, как будто специально перед массовой тренируется по столбу лазить, сапожки женские с длинным голенищем выиграть. Давно хотела сапожки-то лайковые, с медными застежками. Смотрит Мишка, юбку задрала, чуть не на голову натянула, рейтузками вишневыми блещет. Все видит Мишка, а то, что

Манька рыдает, причитает, с жизнью прощается, не слышит — далеко же, ему, контуженному ухом, не достать. Контузило-то недавно совсем, около дома ружье разорвало. Переложил, видать, порошу в патрон. Двойную порцию из-за Маньки, заразы, опять же переложил-то. Она, стервозина, криком зашла: «Вон он, вон он! Опять прилетел коршун-то. Убей его, убей! На второй круг пошел, сейчас сцапает, всех цыплят перетаскал, гад! Раззява, чего сидишь! Опять упустишь! Беги, стрельни!» В общем, заторопился Мишка и не заметил, как вместо одной порции две в патрон засыпал. Зарядил его и по коршуну-то бабахнул. И осталось вместо ружья — полружья, одно дуло оторвало, а Мишку контузило. Хорошо, руки не повредило.

А сейчас что, опять его Манька концерт дает. Мишку от представления в смех — гогочет без удержу, остановиться не может. Как же, смешно же: баба его взлохмачена, взьерошена, в трусах, в юбке задранной, как клоун, чисто клоун: взад-вперед, вверх-вниз, туды-сюды летает.

Досмеялся Мишка до икоты, поперхнулся, выше полез, на бугор забрался, глядь, а внизу, а внизу!.. Что делается, что делается! Мать честная, медведь-

громила на дыбах стоит, шерится, бабу его ловит. Только Манька вниз сползет, пятками около его морды засверкает — медведь хват лапами за них.

Расцарапал, разодрал пятки-то, кровища по столбу размазанная. Баба-то Мишкина — боевая же, не дается, незнамо на что рассчитывает, но что есть сил сопротивляется. Медведь — за пятки, она — вверх, сползет, медведь снова за них, Манька — вверх, в провода головой. Со стороны похоже, что они вроде как игру смертельную затеяли: кто вперед оплошает, кто кого с носом оставит. Что касемо Маньки, то не только с носом, но и без него наверняка.

Дело-то как было. Манька только из поселка вышла, только в лес спустилась — сразу на медведя напоролась. Мишка же, нет, не лесной, домашний, предупреждал ее, говорил «не ходи», не послушалась — уросливая, зараза. Вот и допрыгалась, столкнулась с лесным-то — и бежать. Медведь — преследовать, куда деваться, баба не знает, лес-то, в который спустилась, — мелкий, подрост березничковый, не залезешь, не выдержит — здоровая же кобыла, ядреная. Она к дороге, выскочила, увидела — по краю, на обочине, линия электропередач тянется, на столбах деревянных с бетонной свайной опорой. Помнит, отлегло от сердца, хорошо помнит, но как корзину бросила, как по гладкому, будто лысина, столбу карабкалась, как оказалась наверху, не помнит. Хоть убей не помнит, из головы выскочило — и все. У страха-то глаза велики, не такую преграду возьмешь. Медведь-то сначала за ней хотел, потом передумал, видать, здраво рассудив, куда она, баба-то, денется — умается и рано иль поздно все равно к нему скатится. А чтоб быстрее скатилась — за пятки ее то и дело подгоняет — умный же, скотина. Так и вышло, полетала Манька туда-сюда, уставать начала, а медведь все больше доставать ее начал. Таким макаром у нее сапоги резиновые снял, юбку в алых

маках порвал, пятки желтые расцарапал, трусы, задницу бесстыже оголив, чуть не до бедер сташил. Не знавши Маньку, поди, приплясывал, что все, конец, спеклась баба. Ан нет, не на ту напал. Манька из последних сил борется, соленые слезы по лицу размазывает, но туды-сюды летает, не летает, правда, уже, а едва ползает, но не сдается.

Мишка-то, тот, который не медведь, узрел такое — и сразу рот на замок, зубы до хруста, до скрежета сжал, хват по привычке за оружейный ремень, а ружья-то нет, не взял — запрещено! Выругался Мишка соленым матом, развернулся — и на полных парах с горы кубарем домой. Дома, кур по ходу сшибая, схватил двустволку с одним стволом, пулю вогнал в ствол, вторую на запас в карман — и айда обратно, Маньку, женушку любезную, выручать. И вовремя — у Маньки, у бедняжки, уже силы кончились, иссякла вся, в пасть должна была ироду упасть. Мишка с разбегу, не целясь, всадил пулю в сердце косолапого, второй перезарядил, успел пошедшего на него зверя добить окончательно и, еле живую, снял жену со столба. Так она, слышь, даваться не хотела, из последних сил сопротивлялась, дрыгалась, все думала, что это не ее родной Мишка, не настоящий, а тот, лесной, зубатый, падалью воносящий, сдергивает.

Словом, все хорошо с Манькой, зарой этакой, обошлось, только с законом депутатским долбаным плохо. Нарушил же его Мишка, поднял ружье на зверя. Не посмотрели, что человека спас Маньку, женку свою расчудесную, непутевую. Впяли мужику крепко: ружье, хоть и наполовину разорванное, конфисковали, патроны тоже, и штраф еще наложили. При Мишкиных-то заработках не маленький, а весьма и весьма ощутимый. А как же, закон есть закон, хоть и дурной, хоть и долбаный — не нарушай. Закон не дышло!

По всей морде

Дело на Барсуках было. Барсуки — это, сами понимаете, не местность, где барсуков прорва, это название месторождения нефти и газа в честь выдающегося геолога-первооткрывателя. Барсуков-то на месторождении отродясь не водилось, поскольку край северный, приполярный, холодный, трескучий, а они животные теплолюбивые, обитают относительно Ямала значительно южнее, а вот медведей

бурых действительно здесь водилось больше некуда. Чего им не жить, места-то не тронутые, полутаежные, буреломные, травы, ягод, грибов — море. Медведь, как известно, животное травоядное, а на экстренный для него случай опять же другой живности полно. Медведю же задрать лося, оленя труда не составит, особенно ослабшего, зазевавшегося. Впрочем, мы на этот раз не с медведя поведем рассказ, а с

людей, поскольку, как известно, человек всему голова, он хотя и тоже дитя природы, дитя единственно в ней разумное, но разумом этим он, не в обиду будет сказано, зачастую пользуется во вред ей, природе-матушке.

Так вот, решили, значит, как-то мужики одной строительной бригады после множества ударных, в поте лица рабочих дней, без выходных-проходных, дать себе в конце лета отдых, и не простой, не в общежитии перед телевизором с бьющей по мозгам выпивкой, с девками-креветками, а на природе. Оттянуться, словом, на славу: поохотиться, порыбачить, водочки похлебать вволюшку, ушницей заправиться под завязочку, чтоб до обрыдлости, в общем, всех прелестей, всех яств, всех страстей на полную катушку испытать, испробовать. Как раз погода наладилась, дотоле дохлая, слякотная, как пропащая осенняя, а тут опомнилась, ярило выползло, разогнало скученные, серо-черные ползущие по земле и без конца морозящие облака, ударило солнцепеком, заиграло, заулыбалось, кровь людскую строительную разжигая, взбудораживая.

Высадились, значит, мужики десантом в шесть человек, всем бригадным составом, на высоком берегу верткой, быстроногой речки Каги-Яхи, облюбовали поляну на самом мыске — крутояре, поближе к воде, значит, чтоб ветерок был, чтоб свежил, обдувал, чтоб комарье, прочий гнус шугал, отдавливал. Надо отметить, что бригада эта на хорошем счету была, морально, как раньше говорили, устойчивая. Работала ударно, на водку, прогулы, волюнку, на прочие отмашки, отмазки не разменивалась, поэтому еще при сборах твердо, коллективно решила: сначала охота, рыбалка, а уж потом сам обжорный, с любимым, ой, оговорился, с противным зеленым змием отдых — обширное застолье то есть. Для того рыбацкие, охотничьи снасти — спиннинги, удочки, насадки, подкормки, ружья, патроны, заряды — полный арсенал, словом, все как в лучших домах Лондона, — с собой притаранили, привезли. Каждому по ружью охотничьему, по снасти, а то по две рыболовные. Патроны, правда, только с мелкой дробью взяли, поскольку договорились на мелкую дичь охотиться.

По берегам Каги-Яхи толпился рощами березовый белоствольный лес, в нем, бывалые охотники рассказывали, рябчиков пруд пруди, а в самой речке рыбка косяками, как на массовом гулянии, металась, ходила, на крючок в драку прыгала. Вот на них — на рябчиков, на рыбку — и собирались навалиться ребята-строители.

Кто охотник, тот знает, что рябчик всем птицам птица — царская, у него, как ни у какой другой, мясо белое и до того вкусное, что когда варишь, от одного

запаха можно с ума сойти. Особенно когда в котле большой ложкой-половником помешиваешь, помешиваешь, пробу снимаешь, снимаешь, когда аромат этот, пары эти в себя полной грудью вдыхаешь, слюнки текут ливнями. А если, скажем, ты рябчиков в котел штук этак десять бухнешь, то от одного бульона — вкусного, наваристого — офонареешь, сохнешь, не заметишь, от чего. О самом мясе и говорить нечего — обжорное, куда там хваленому, специально для гурманов выращиваемому перепелу — шагать и шагать ему, как и всем другим животным, птицам, даже заморским — дрофе там, цесарке, страусу.

Ну вот, намеревались, значит, прежде всего на охоту кинуться, но блажен кто верует, что так и будет, как задумывалось, зачастую-то наоборот выворачивает. Наши мужики когда ведь в кучу соберутся, то обязательно какой-нибудь мерзавец найдется, который с панталыку собьет, выпить там сподобится предложить или еще что-нибудь этакое неподходящее. Вот и тут такой нашелся, Васька Кобылин, плотник из града Киева, он, когда уже чехлы расчехлили, ружья, патронташи надели, удочки, спиннинги достали, таким елейным, таким незатейливым голосом проблеял:

— А что, хлопцы, не махнуть ли нам за удачу по единой? Нет, нет, не пьянки ради, чего вы на меня вылупились, говор об единой стопке идет, для того чтоб лучше бегалось, металось, зрение чтоб заострилось, чтоб рука тверже была, словом, гарно чтоб все було!

Ваську, ирода, все знают — авантюрист, мало авантюрист, так еще выпивоха будь здоров, потому крючок-закидушку его насчет «единой» не заглазывают, но на всякий случай замирают и перестают паковать. В душе-то, конечно, у каждого подспудно зудит, наружу просится ответ достойный: почему бы, мол, нет, что тут такого-то, на природу же выехали, отдохнуть на всю катушку чтоб, грех же на природе-то да за удачу не принять на грудь. Наоборот, самый раз даже, где еще больше-то, если по уму, совести, то преступно не принять, кощунственно. Природа же, она сама располагает, шепчет: отдохни, браток, оттянись по полной. Тут простор, тут воля, тут ни криков, ни стонаний жены, ни глаза начальственного, воздух здесь опять же не городской, не занюханый общаговский — свежайший воздух, ароматный, чистый, как слеза, пей пригоршнями. Где такая благодать-то еще будет, где сподобится? Потому — если, конечно, по единой, как Васька предлагает, — грех не махнуть. В голове, значит, мужики крутят такую или подобную мысль, а сами на бугра оставили пять пар молящих об единой глаз, гипнотизируют. Бугор он и в Африке бугор, и на работе, и на воле всему голова, что скажет, то и будет.

— Ну если только по единой, — не выдерживая напора гипнотизирующих глаз, не очень охотно соглашается бугор. Не было у него, у нашего бугра, квадратного выдвинутого подбородка, вырубленного топором волевого лица, характерного, себе на уме, прищур. Наоборот, лицо было круглым, простецким, нос вздернутым, подбородок овальным, только глаза, единственно они, своим твердым, порой жестким блеском выдавали в нем, в сравнительно молодом еще мужике, личность сильную, властную, непреклонную. — Куда, вашу ети, от вас денешься. Пить горе, а не пить вдвое, — проговорил больше уже для себя, чем для ребят он. Тут скажешь — пять алчущих, молящих о единой лиц, пять здоровенных, молчком, но настырно ждущих положительного ответа мужиков, кого хочешь на кривую тропу собьют. — Только бегом давайте. А то, не дай бог, погода заочевряжится, — посмотрел с тоской бугор на ясное, голубое небо, повертел носом, ощутил не без сожаления заскорузлым своим лицом тихую, безветренную благодать, восхитился четой молодецки взбежавших на бугорок берез, а про себя подумал: «Знаю я вашу единую. Бутылку на одного, на рыло — вот это похоже, вот это и будет, скорей всего».

И сразу зашустрили все, быстрее, чем от медведя, забегали, поляну накрыли за пять минут, клееночку цветастую с портретами «непьющих» народных вождей — кукурузника Хруща, бережливого Брежнева, реформатора Ельцина — на ней раскинули, заставили ее закусками, из дома сподобленными. Молодыми хлебосольными хозяйками собранными — огурчики там малосольные, колбаски охотничьи, балычок сырокопчененький, цыпленочек гриль, сальце с прослойками, с чесночком, с перчиком, нежное, хохлацкое, помидорчики свежие, маринованные, лучок зеленый, лучок-репка и прочая закуска богатая, солощяя, на дому сготовленная. Как, скажите, при такой обильной смачной закуске единой обойдешься? Ну никак не получится же. И пошло-поехало: тосты, поговорки, пословицы, анекдоты, поздравления, к каждому стопочка граненая, стограммовая, потной водочкой с копной наполненная. Опомнились, когда действительно по бутылке на брата уговорили, спохватились, день-то к закату скатывается, вспомнили про самое главное-то, зачем приехали, — про охоту, рыбалку. Забыли же про них начисто. А теперь куда, какая охота выпивши, еще чего доброго, померещится — товарища за медведя примешь, невзначай, на беду, пальнешь, зацепишь или, того хуже, на тот свет отправишь. А зорька-то вечерняя вот она, так и играет, так и играет, так и просит взглянуть, насладиться ею, к себе зовет, манит, просит пробежаться, прошвырнуться по заливым солнцем полям, лугам кубарем, пехом, рысью

по лесам, по болотцам, рекам, озерам — вплавь. Замереть столбом в зарослях кустов, камыша и газети, газети, пить взахлеб, наслаждаться ласковыми солнечными лучами, то багряными, то золотыми, любоваться красками, сполохами неба, леса, земли сочными, яркими, душистыми. Восторгаться светлом, уходящим за горизонт, огромным, величиной вполне, то красным, то розовым, то расплавленным белым, но не жаровым, не слепящим, имеющим привычку как бы подмигивать, подманывать, звать на промысел и стыдить даже.

— Ну вот, дождались, охоту прохлопали! Надо же! — с сожалением заключает Васька, что из Киева, а сам довольно ухмыляется и не порывается никуда, наоборот, рад застолю продолжить, за непочатой бутылкой тянется.

— Ты что! Правда, что ли?! Н-не может б-быть! Мать твою так! — соскочили с насиженных мест самые ретивые и самые заядлые охотники Витька Сухозаконников и Митька Непейвода. Схватили ружья и, заталкивая на ходу в стволы патроны, понеслись, запинаясь нога за ногу, по синусоиде в близстоящий лесок.

— Стоять! Вашу ети! — рявкнул бугор. — Вы куда! Датье, нельзя, а ну назад! Завтра, завтра, сынки, сегодня отбой. Сегодня глаз не тот, рука не та.

— М-мы дате? Да ты что, бугор! Ни в одном глазу ни у меня, ни у Митьки, — отбояривается Витька Сухозаконников.

— У нас с одной да глаз не тот, рука не т-та, ничего подобного. Ты что, Тихоньч? Наоборот, вострей, как кинжал, стал, — вторит ему Митька.

— Мы пробежимся только, Тихоньч? — дерзко смотрят на него оба настырных охотника. — Кислородудохнем речного, мокрого, морды водичкой обмоем — и вся дурь выскочит. Трезвее трезвых будем, Тихоньч. Рябчиков принесем.

— Действительно, куда вы, мужики, — поддержали бугра другие члены бригады каменщики из Могилева — Колька Никитко и Вовка Прун, солидные, бывалые бульбаши, оба при усах длинных, загнутых, до пупка свисающих, почти таких же, как у «Песняров». — Не дело это — выпимши с ружьями, лучше вон ловлей займитесь, здесь, говорят, рыба косяками, аж по четыре мохтика на одну удочку враз кидаются. Вмиг на уху надергаете.

— Отвалите вы! Песняры-пердуны, без вас тошно — охоту просрала. Ну так как, бугор? — ни в грош не ставя бывалых бульбашей, стоят твердо на своем азартные охотники.

Они, Витька с Митькой, недавно в поселок-то приехали, в один день почти, из Москвы заявили, в бригаду месяц как влились. Их еще толком ни бригадир, ни другие члены узнать не успели, но

навскидку, на глазок они за то время, что на работе отбарабанили, неважное впечатление произвели. Были они ребята очень уж заносчивы, дисциплинка у них прихрамывала, этакие себе на уме, подчиняться тоже не любили, а уж по чьей-то воле по струнке ходить — так вовсе в штыки. Был у них, как и у многих из столицы, еще один серьезный недостаток: считали они себя выше других, особенно тех, что из провинций, культурнее, образованнее, умнее, этим чванились, ни с кем близко не сходились, жили особняком, зато друг с другом сразу сошлись, не разлей вода стали. На природе что Витька, что Митька бывать любили, были, как уже говорилось, заядлые охотники, и везучие, куда ни пойдут, что-нибудь да притащат. Природу, однако, не любили, то ли благодаря пропаганде считали себя покорителями Севера, а значит, и природы, то ли из-за дурного воспитания в семье, во дворе — «что хочу, то ворочу, и никто мне не указ». Рыбу, если одни на рыбалке были, динамитом глушили, птицу, зверя в любое время года, несмотря на запрет, били, птенцов, щенков не жалели, в Красную книгу занесенных тоже не жалели, словом, стреляли все, что движется, акромья двуногих. И не берегли ее, природу-то — побывают в лесу, а после них помойка: бутылки, банки, перья, кости, мусор повсюду валяется. Лес тоже без разбору, без надобности порубят, загадят, а то и подожгут специально. Костер никогда даже не тушили, то ли ленились, то ли считали — зачем, мол, погода на Севере и без того постоянно хмурая, сырая, сама потушит. Если не потушит, сгорит что, так не жалко, чего его жалеть, хилый, уродливый этот лес, от него никакого проку: ни строительного материала, ни дров на топливо. Вот насчет работы — то тут что есть, то есть, неплохо трудились, мастеров таких, как они, поискать. Оба сварщиками работали, у обоих личное клеймо, если уж шов, хоть потолочный, хоть внутренний, хоть по цветному металлу, то так положат, что проверять не надо, лучше и дольше, чем сам металл, служить будет.

— Нет, я сказал — нет, и баста! — отрезвляет их бригадир. — Без ружей можно, с ружьями нельзя. Раз в год и вилы стреляют, а тут оружие. Ружья положить, не трогать! — приказывает Тихонович. Бригадир мужик правильный, он по уму распоряжается, поддатых останавливает, не дает уйти.

— Буг-гор, а не слишком ты?! Мы не на работе. Ты на ней командуй, а здесь мы сами себ-бе хозяйва, — в бутылку лезет самый неуступчивый из двоих москвичей, Митька Непейвода. С виду против бригадира щенок — маленький, плюгавенький, а ощетинился, лицо в прыщах кровью налилось, глазки сузились, искры заметали.

— Действительно, чего ты! Вон деревней командуй, — вторит другу и кивает головой в сторону Васьки Кобылина тоже изрядно ерепенистый Сухозаконников, и потише добавляет: — Мы уж без сопливых как-нибудь!

— Что-о?! — ярится бригадир. Его старики-то, что давно в бригаде, с полуслова понимали, слушали хоть на работе, хоть на воле, а тут ссыкуны какие-то, только устроились, а уж права качают, престиж командира роняют. — Я кому сказал, положить оружие! — нажал он на голос, добавил ярости, но увидел, что строгость не возымела действия, переменил тактику, перешел с крика на разъяснения (мудр бугор-то не по годам). — Не понимаете, вашу ети, а я чую, наломаете дров, кого-нибудь подстрелите. А то и друг дружку зацепите. Нельзя, ребятки.

— Да пошел ты! — тоже полупшепотом и больше для друга цедит сквозь зубы Митька, а Витьке командует: — Пошли, Витек.

Попала шлея под хвост строптивым, не остановиться. Подхватились — и бежать, вихляя задами и слегка заваливаясь то в одну, то в другую сторону.

Высочили на берег третьей старицы Каги-Яхи и на беду почти сразу на медвежонка напоролось. С пьяных глаз-то показалось — медведь, гора на них прямо валит, сейчас помнет. Приклады к плечам — и давай из всех четырех стволов по медвежонку палить. Спяну опять же забыли, что в патронах не пули, а дробь — бекасин на рябчика. Бекасин не бекасин, а медвежонка жалит, кусает пребольно. Он пищать, верещать, на весь лес скулить, плакаться, мать на защиту звать. Мать-то тут неподалеку рыскала, ягоду искала, на несколько минут всего отпустила сорванца из вида. И надо же, нарвался на беду. По выстрелам определила — на людей. Не на людей, а на зверей, ни один же настоящий охотник медвежонка стрелять не будет, они же безобидные — дети же еще, у них не охота, а игры на уме. И этот живых существ увидел, поиграться, побаловаться к ним побежал. А им, видишь, чем безобиднее, чем беззащитнее, тем лучше, тем для них безопасней. Шмаляют и шмаляют по нему, перезаряжают ружья и опять шмаляют, свалить им дитя во что бы то ни стало надобно, потом для несведущих шкуру показывать, хвастаться, как злодея-мишку завалили.

Мать-медведица до стрельбы на бугор поднималась, чтоб с высоты узреть, куда ее шалопай запропастился, поднялась, услышала вой, скулеж жалобный, увидела людей, мишку-сынка расстреливающих, и на выручку бросилась. Первому Ваське досталось: по уху врезала так, что тот летел, кувыркаясь, метров пять, ударился о пень и, растянувшись, затих. Потом на Митьку надела, за глаза когтями через голову сцапала и выдернула их с корнем, заодно и

оскальпировала и только после этого к медвежонку бросилась, который тут же на поле боя лежал, тоненько поскуливал, жалобился. Узнать спешила — жив, не жив, смертельно, не смертельно ранен, сердце материнское у всех одинаковое — болит за чадо свою утробное, кровью исходит. Облизала его, успокоила, подтолкнула носом, подняла и повела подальше от греха, от людей-зверей-варваров. Возможно, чуяла, что могли набежать вскорости еще пособники, отомстить за свою породу изуверскую. Повела в бурелом, в места темные, завальные, непроходимые, зато безопасные, людьми не тронутые, не обжитые.

— Вон гляди, не успели отойти, уже канонаду устроили, — привстали ребята-бульбаши с пеньков. — Сейчас рябчиков притащат гору. Во полакомимся, во наедимся мясца белого, царского.

— Смотри, пищит, скулит вроде кто, на щенка похоже, уж не собачьего ли щенка завалили? — навострил уши и без того далеко слышащий сердобольный Васька Кобылин. — Зачем они это делают, зачем? Я сейчас пойду, им морду начишу, — соскочил он со слезами на глазах, но тут же обратно на пятую точку приземлился — дорвался до огненной воды, набрался так, что ноги дрожали — не держали.

— Сиди, не дергайся, — остановил его бугор. — Какого щенка, откуда он здесь, в диком лесу? Во, перестали палить. Сейчас явятся. Узнаем, кого взяли, на кого патроны истратили.

— Да в белый свет, в кого еще, — ударился, кончив с жалостью, в смех Васька Кобылин, подначивать ушедших начал, благо их не было. — Сейчас ни с чем явятся или принесут страха полные штаны.

Ждали, ждали мужики, нет охотников, как сквозь землю провалились, а дело к вечеру, уже сереть начало.

— Пойду разведую, — озаботился бригадир. — Сдается мне, что-то неладное случилось. Уж больно долго не являются.

Пришел на место бойни и остолбенел.

«Мать честная, да это что ж такое, вашу ети! Тихий ужас, побоище!» — проговорил заупокойным шепотом он и за голову схватился. Подошел к Митьке. Тот лежит не шевелится, без глаз, без волос, вернее, без верхней части черепа, весь в крови, мозги наружу. Пощупал для достоверности пульс, не бьется, понял, что не жилец — труп. Витька без сознания, с ухом развороченным, но хоть с хрипами, а дышит. Бригадир ходкий, бывалый мужик, но здесь растерялся, первый раз в жизни такое видит, опустил машинально на пенек, зараскачивался, не знает, что делать. Не было печали, так москвичи накачали. Тут и остальные члены бригады подоспели, тоже рты разинули, ужаса полные, тоже не знают, как такое могло случиться, чем помочь, куда стучаться, к кому обращаться.

Хорошо, в наше время дело произошло, сотовые телефоны уже в ходу были, вспомнили о них, дозвонились куда следует, обстановку нарисовали, вертолет вызвали, укомплектованный бригадой врачей, милицией. Вертолет не заставил себя ждать, быстро прилетел, милиция составила протокол на месте событий, врачи оказали первую помощь, кому нужна была, кому требовалась. На носилки положили обоих — и в вертолет. Митьке-то сразу, как только глянули, смерть констатировали. Завернули его, как теперь водится, в спецмешок — и в город. Одного в больницу, одного в морг.

Вот ведь как бывает в наших необжитых краях, пойдешь на охоту всего-то на мелкую птицу, а встретишь мишку — зверя свирепого, еще хуже — мать-медведицу с детенышем. Медведицы с медвежатами — они непредсказуемые, они агрессивные до ужаса, особенно если поведешь себя борзо, беспредельничать начнешь. По всей морде получить можно запросто, а то и жизни лишиться, потерять ее ни за грош.

Виктор КАНАЕВ

Родился в 1987 году в Калуге, прописан в поселке Желябужском Калужской области; там же отучился восемь лет в школе, десятый-одиннадцатый классы — в лицее «ОРЦ» Калуги. Окончил Обнинский институт атомной энергетики (теперь филиал МИФИ). В настоящее время работаю по специальности (инженер-исследователь) в Обнинске, но все же связать жизнь хотелось бы с литературой. Стихи писать начал в пятнадцать лет, но думаю, что достойно внимания только то, что написано за последние три года. Посещал поэтический салон в арт-центре Sinatra в Калуге (ныне не функционирующий), сейчас — литературное объединение «Сонет» в Обнинске. Публикаций и сборников нет.

Кино

Город — побитый пиксель на белом экране зимы,
Застрававшей в пунктирных отрогах полярного круга,
Где-то в Карелии, шлющей нам с той стороны
Предсмертные письма не самого лучшего друга.

Первый снег как попкорн, рассыпанный в кинотеатре,
Уборщицей трижды проклятый, но сметенный.
Зима прогрохочет по рельсам в вагоне плацкартном
Маршрутом длинным и не очень-то определенным.

Мы все вели себя плохо в этом году,
Деды Морозы не приедут к нам в тмутаракань.
Официантка с грацией стельной коровы на льду
Плюхнет на стол тарелку и чая стакан.

И что же теперь? Приятного нам аппетита,
Всем ожидающим поезда Мурманск — Сочи.
Он мчит с войны за право стать пацифистом,
Может, не скорый, но фирменный — это точно.

Об этом знала жена Йохена Риндта —
Победителей судят самым страшным судом.
Оседлые птицы в пулеметном гнезде алфавита
Аукнутся в горле прохожего горьким комком.

И только проектор с прихотливостью мясорубки
Валит киношный фарш на полотно экрана.
Этот фильм, этот город и эти сутки
Не для нас, но не могут без нас, как ни странно.

Антоновкой...

Антоновкой пахнет темя Исаака Ньютона,
Но ехидный взгляд в нем выдает подлеца —
Он уже знает, что любовь сильнее гравитонов,
Но тоже еще не открыта, не изучена до конца.

Бог наливает в кружки пенную осень
Безнадежным пропойцам в забегаловках и кабаках.
Там среди них есть тот, кто ни о чем не просит,
Выпадая мелкой проседью на женских висках...

Мне двадцать три... Я уже не пишу стихов о чужих женах.
Я теперь вообще не пишу стихов.
Я звучу опавшей листвой, воздухом пассажирских вагонов,
Маслом на сковородках, ключами в утробах замков.

Яблоки падают на сырую траву и землю,
Секунда полета между ничем и ничем.
Жизнь? Наверяд ли. Я в эти сказки не верю.
Сбой в работе божественных микросхем...

Продавщица в хлебном, влюбленная в шоколад;
С характером Крупской, Тэтчер, Левински.
«Девушка, я умер лет двести назад.
Мне, пожалуйста, два бородинских...»

* * *

Она в свои двадцать семь и не знала,
Что на пальцах нужно носить кольца,
Что если люди и вылиты из металла,
То, скорее, это олово, а не стронций.

Что гвозди из них не сделать. Как ни лепи —
Пластелин губ прилипает к чужим губам.
Что если люди и созданы для любви,
То это любовь их пап и чуть чаще мам.

Да откуда ей было знать... Тополями
Тесный городишко запах невыносимо,
И она, забыв позвонить и папе, и маме,
Пила на кухне коньяк и тихонько грустила.

Откуда ей было знать, что ее колени
Для этой планеты на сотню порядков важнее,
Чем все их коллайдеры, нефтешки, стада оленей,
Вулканы, войны и приступы разоружений.

Когда в одиночестве она, наконец, засыпала,
К ней приходила молодая влюбленная мать,
Раньше маму такой она и не знала,
Конечно, не знала, откуда ей было знать.

Попытка искренности

Маленький мальчик, вечерней аллеей идущий,
Я понимаю, что и это покажется глупым
Где-нибудь через год... Но даже, наверное, лучше
Парашютисту, увидев раскрывшийся купол,
Отдаться ему, как кукловоду кукла.

Сыро теперь, не то чтобы эта погода,
Но в холодной печи тесто не подойдет,
Как не подходят ключи, человек, устаревшая мода,
Положительный резус — нас друг в друга никто не зальет.
Выход всегда один — крошечный шаг вперед.

Поздняя осень — эхо битвы за урожай.
Клинический случай, зарываемся на зиму в бург.
— Я согрею тебя... — Не надо, не провожай...
Рок-н-ролл мертв, вот и все, до свидания, Курт.
Вот оно, время начала всех смут.

Мы покидали милый нам Кандагар,
Не сломавшись и не бросив своих.
Как Магеллан замкнул на себе этот шар,
Так тот мальчик замкнулся в своей любви,
И слезы, слезы почти не текли.

Я не люблю тебя, этот город и этот климат,
Эти мокрые лапы осени-поводыря,
Но я хотел бы сказать «спасибо»
За ту воскресшую веру во мне и в меня,
За эти вот двадцать пять строк двадцать пятого октября.

Марианна ТАРАСЕНКО

Кое-что о Марианне

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета.

Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.

В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

ОХОТА НА ОБОРОТНЕЙ

Мадмуазель Собак слыла культурной девушкой — в ее словаре было около ста восьмидесяти слов. При этом ей было известно одно такое слово, которое Эллочке даже не могло присниться. Это было богатое слово — «гомосексуализм». Фима Собак, несомненно, была культурной девушкой.

И. Ильф и Е. Петров

Сегодня темой нашей беседы будут удивительные превращения слов.

Лихие девяностые, как их теперь с некоторым оттенком национальной гордости принято называть, изрядно преуменьшили численность населения, но при этом значительно обогатили наш лексикон. И яркий пример тому — слово «реальный».

Что оно означало прежде, да, в общем-то, и до сих пор означает? «Действительный, а не вообража-

емый» (реальная жизнь), «возможный для выполнения, осуществимый» (реальная задача) и «основанный на понимании и учете подлинных условий действительности; трезво-практический» (реальный взгляд на вещи, реальная политика). Ну и еще — реальные науки, то есть точные и естественные.

Это невинный синоним к слову «настоящий», но со значением не идентичным, а всего лишь близким (именно поэтому перевод-калька с английского *real*

leather «реальная кожа» вызывал у кого хихиканье, а у кого осуждение). Антонимы — «фантастический», «сказочный», «идеальный», а с развитием Интернета слово «реальный» начало использоваться еще и как антоним к «виртуальному», и их производные обогатили компьютерный сленг — «в реале», «в виртуале» и т. п. Но это было позже, а мы вернемся в 90-е.

Итак, братки. Бритые, в спортивных штанах, с гайками на пальцах и золотыми цепями на дубе том. Но они не чурались прекрасного и из области духовного. И вместо того, чтобы говорить, как их отцы, «правильный мужик», потянулись к красивым заграничным словам «реальный» и «конкретный». Понятно, что уже не мужик, а пацан. (Кому непонятно, может проконсультироваться со специалистами в определенной области.)

Поначалу образованные люди опять же смеялись и передразнивали. Но потом произошла удивительная вещь: уж не знаю, чем не угодило как бы образованным слово «конкретный», но оно не прижилось. А вот прилагательное «реальный» совокупно с родственным ему наречием и пресловутым «как бы» прочно вошло в их язык в том самом новом значении: я реально испугался, это был реальный восторг, погнался реальный туфту и пр. В натуре, без балды.

Мало им было: следующей жертвой пало слово «банальный», причем здесь справились сами, без помощи братков. Что означает слово сие в русском языке? Заурядный, неоригинальный, затасканный, избитый, заезженный, тривиальный... Ряд можно продолжить. Но какой бы мы синоним к прилагательному «банальный» ни подобрали, это всегда будет слово с легким (в лучшем случае) негативным оттенком: банальная история, банальная шутка, банальный вопрос (антоним — «оригинальный»). Да и во французском, из которого слово к нам пришло, оно тоже имеет этот оттенок.

А теперь мы постоянно слышим: «Я тебя банально не понимаю», «возьми банальный телефон», «банально приди к нему и скажи»... Да, «банальный» является синонимом к словам «обычный» и «простой», но опять же неполным, они не взаимозаменяемы.

Чего ждать дальше? Риску сделать прогноз: как бы культурные выучат слово «вульгарный», оно тоже красивое. А уж что они с ним сделают...

Одно из последних злокачественных новообразований: совершенно свежее и нестандартное использование выражения «по ходу». Затертое и стандартное — это «по ходу дела», «по ходу матча», «по

ходу гонки» и т. п. Или, допустим, «по медленному ходу лошади я понял, что она устала». И многие наивные, услышав от собеседника что-нибудь вроде «по ходу он заболел» или «он по ходу трус», воспринимают это на старый лад: кто-то заболел в процессе чего-либо, а какого-то труса, прямо как милого, можно узнать по походке.

А вот вам, извините, фигушки: нынешнее «по ходу» выполняет функции наречия «похоже», и если я сообщу главному редактору, что «по ходу я не напишу в этот номер ничего», то пусть начальство и не надеется на благополучный исход дела — что я напишу, например, не «по ходу», а заранее, после, сидя или лежа.

Языковые процессы интересно отслеживать, и часто, когда одно слово превращают в другое, в этом находишь пусть странную, но логику: ясно, почему «день рождения» превращается в «день-рожденье» и почему «нелицеприятный» все чаще употребляют в значении «неприятный». Да, нехорошо, что такое происходит, но понятно, почему оно происходит. А как объяснить вышеприведенный финт? Только одним способом: хронической неспособностью ряда людей произносить шипящий звук «ж».

Но им хорошо, а как быть другим? Вот я сижу и мучаюсь — выделять мне это «по ходу» запятыми или нет. Потому что слово «похоже», по идее, выделять надо, а «по ходу» в его исконном смысле — нет. Так что оставляю на усмотрение корректоров, и пусть слава основоположников передачи уличного новояза на письме достанется им...

Появилось и новое слово-паразит, не чета каким-нибудь доисторическим «значит», «главное» и «в общем». Новый паразит бывает и паразиткой: «такой» и «такая» соответственно. Прислушайтесь к разговору девиц и дам в возрасте от десяти до сорока. и вы услышите: «А я, такая, прихожу, а он, такой, на меня смотрит. Ну я, такая, говорю, мол, чего уставился, а он, такой, — а что, нельзя? А тут Ирка, такая, подходит»... Чем хорош этот паразит, что запятыми точно выделяется, а примыкает к нему замечательное, хотя и не такое новое, просторечие «по жизни».

Нет, это не с «песней по жизни» и не «она идет по жизни смеясь», это бессмысленно и беспощадно, как русский бунт: «он по жизни человек хороший», «она по жизни вредная» и «я по жизни интеллигент». Информации от этого «по жизни» — ноль, смысла — ровно столько же, стилия — минус десять единиц. Но есть и один плюс, как у многих выражений того же толка: это пароль, по которому люди сразу понимают, одна из них была детская или разные.

Петр ПУСТОВАЛОВ

Петр Семенович Пустовалов — преподаватель русского языка и литературы с шестидесятилетним стажем (МГПИ им. Ленина, Полиграфический институт, московские школы), кандидат педагогических наук, доцент, методист. Отличник народного образования СССР, отличник народного просвещения РСФСР.

Автор более пятидесяти литературных статей, восьми учебных пособий для вузов, школ и техникумов. Его работы публиковались в ГДР и Польше. Под руководством П. С. Пустовалова защищено восемь кандидатских диссертаций.

О СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

БЕСЕДА ВТОРАЯ: СТИЛЬ ЕСТЬ ТОЛЬКО ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ ТЕКСТ...

Мы продолжаем разговор о стилистике текста. Название статьи подсказывает, что речь пойдет о многообразии языковых форм и их реализации в структуре текста, о выявлении закономерностей стилистических возможностей языка в зависимости от целей и задач общения, характера содержания и различных ситуативных особенностей общения в той или иной социальной сфере.

Известно, что основу стилистики текста составляет теория композиции. Именно проблема композиции принципиально отличает ее. Причем под композицией обычно «понимаются не только формы соотносительности различных стилистических пластов внутри текста, но и типовые схемы развертывания тезиса, способы конструирования текстов и др.» (П. С. Пустовалов, М. П. Сенкевич. Пособие по развитию речи. М., 1987, 2-е изд.). Об этом достаточно подробно мы говорили в первой статье.

Читатель, по-моему, уже подметил, что мы чаще всего оперируем фактами, взятыми из газетных публикаций, выступлений по телевидению журналистов, общественных деятелей, работников искусств и т. д., то есть к материалам, относящимся к газетному (публицистическому) стилю речи. Именно этот стиль обслуживает разнообразные потребности читателя, связанные с его интересом к политике, науке, культуре, административной и хозяйственной деятельности человека и т. д. Речевое общение в этом случае охватывает неограниченное число участников, так как подобные публикации, выступления по телевидению обращены к миллионам читателей, слушателей, имеющих разный профес-

сиональный и интеллектуальный уровень развития, неодинаковую осведомленность в предлагаемой им проблеме. Отсюда и особые требования к полноте отбираемых фактов, к ясности и точности речи. Об этом в свое время очень убедительно говорил В. Г. Белинский: «Слово отнюдь не есть простое умение писать грамматически правильно, гладко и складно, — умение, которое дается и бесталанности. Под словом мы разумеем непосредственное, данное природою умение писателя употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодотворным в краткости, тесно сливать идею с формой и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего слуха».

Безусловно, нельзя забывать и о том, что газета в настоящее время как никогда функционально многопланова, поэтому и газетно-публицистические жанры (статья, репортаж, очерк, письмо в газету и т. д.) неодинаковы и тоже функционально многоплановы, стилистически неоднородны: так, репортаж, обзор ближе стоят к чистой публицистике, фельетон, памфлет граничат с художественной литературой и т. д. Рассмотрение стилистики этих жанров не входит в нашу задачу, оно требует специального анализа и изучения.

Важно помнить и еще об одном: публицистический стиль, как никакой другой, — открытая система: он допускает свободное включение слов, языковых клише, несущих на себе явные приметы другого стиля. Или, говоря словами М. Н. Кожинной, он всегда открыт «к взаимопроникновению других

стилей» даже в рамках одной статьи. На наш взгляд, с одной стороны, это хорошо, так как предполагает более или менее свободный подход к отбору языковых средств при оформлении фактического материала. С другой — это обязывает пишущего более требовательно подходить как раз к их отбору. Недостаточно вдумчивое, поспешное включение элементов других стилей в языковое оформление статьи приводит к грубой стилистической ошибке — немотивированному, необоснованному смешению этих элементов, к появлению в статье так называемых стилевых перебежчиков, что в конечном счете мешает читателю понять авторскую позицию по отношению к выдвигаемой им проблеме, а порой даже к нежеланию «сотрудничать» с автором.

Читатель вправе спросить, откуда они «прибегают» на страницы газет, в репортерские материалы, в речь телеведущих и т. д.? На наш взгляд, серьезным источником в последнее время стало ложно истолковывающееся утверждение об эволюции языка, о необходимости его демократизации и сближения с живым разговорным языком.

Бесспорно, такое утверждение лингвистов вряд ли кто будет оспаривать. Нам же хочется привлечь внимание читателя к тому, какое содержание вкладывается некоторыми работниками печати, телевидения в такие понятия, как «демократизация языка», «живой разговорный язык».

Известно, что основной лексический пласт разговорного стиля составляют общеупотребительные слова как собственно разговорные, так и просторечные (в словарях они снабжены специальными пометами). К сожалению, сейчас часто под «живым разговорным языком» понимается речь так называемой продвинутой интеллигенции, некоторой части студенческой молодежи, в речи которых нейтральная, общеупотребительная лексика с завидной настойчивостью оттесняется на второй план и уступает дорогу американизмам, вульгаризмам и даже жаргонизмам. Именно отсюда хлынули на страницы газет, в телевизионные передачи такие лексические шедевры, как «бабки», «баксы», «бойфренд», «лейбл», «пофигизм», «прикид», «тусовка», «чувак», «телка», «блокбастер», «тинейджер», «ремейк» и другие.

«Нетрудно заметить, — пишет Е. Галимова (г. Архангельск), — что это или иноязычные слова, отражающие не свойственные русской традиции и зачастую весьма отвратные реалии, или жаргонизмы, которыми сегодня считают приличным пользоваться и некоторые писатели, и политики, и ученые». Мысли проф. Е. Галимовой хочется дополнить размышлениями о языке писателя, публициста Б. В. Шергина (г. Архангельск): «Язык классиче-

ской нашей литературы XIX века весьма богат потому, что создавали его люди глубокой мысли, люди высоких стремлений. Не департамент одобрил их речь, не министерство рекомендует — нет, весь народ русский на Севере, на Волге, в Срединной России, в Сибири читает и слушает эту речь и находит, что все сказано статно и внятно».

Как итог нашим размышлениям можно взять еще одно очень точное наблюдение: «...словно Россия не рождала никогда Ломоносова, Даля, Достоевского, Толстого, Чехова и Шолохова, а одну только Эллочку-людоедку, взявшуюся за первоначальное американское образование» (из резолюции XI Всемирного русского народного собора).

Любопытно было бы спросить некоторых журналистов, репортеров, театральных «режиссеров-новаторов», читают ли их «творения» «статно и внятно» обычные читатели, слушатели? К примеру, такие образцы: «В дальнейшем, когда актеры освоятся на сцене, они будут испытывать драйв» (из интервью главного режиссера театра имени А. С. Пушкина), «Только на канале DTV драйвовое кино», «Выгляжу клево», «Не дадим трогать наших телок», «Я круче всех», «Отрывайся, как спайт», «Хочешь, чувак, спую таким голосом», «Они придурки» (канал MTV).

Стремление сблизить газетный язык с «живым разговорным» языком улицы часто приводит журналистов к явной своего рода «разухабистости» в языке, граничащей с бестактностью и пошлостью. Так, в свое время (25.04.2008) «Комсомольская правда» опубликовала репортаж Е. Кривякиной о встрече Д. Медведева с ректорами российских вузов. Понятно, он должен отвечать требованиям официальной информации. Но вот как об этом рассказывает читателям журналистка (приводим, естественно, небольшой отрывок): «Ректор понял, что, похоже сболтнул лишнее и теперь должен засыпать тех, кого явно не следует. Казалось, что ректора вот-вот хватит кондрашка» («МК», 12.05.2008). Вот в такой манере подается информация об официальной встрече главы государства с деятелями науки. Вряд ли это нуждается в каком-либо комментарии...

Почти в такой же манере подается и следующая информация из области политики: «Грузинские власти, обратившись за помощью к Североатлантическому альянсу после очередной ссоры с Россией, влипли в неприятную историю» (статья «Грузия обманула НАТО», «КП», 30.04.2008). В этом же номере газеты в статье «Кредиты станут дороже, а вклады выгоднее» автору удается причудливо соединить экономическую лексику и явное просторечие: «Теоретически вслед за повышением ставки рефинан-

сирования банки повысят доходность по вкладам. Россияне понесут денежки на депозиты».

Газета «Московия» (30.04.2008) публикует статью «Стоп-кран взял тайм-аут» о приостановке забастовки локомотивных бригад в городе Железнодорожном Московской области. Только в одном предложении автору «удалось» соединить просторечный глагол «рассосаться» с глаголом «покарать», относящимся к лексике высокого стиля: «Напряженка на московской железной дороге, можно сказать, рассосалась, “МК” выяснил, как собираются покарать железнодорожников прокурорские работники». А в название статьи ни с того ни с сего вдруг «залетел» спортивный термин («взять тайм-аут»).

Не желая никого оскорбить, мы тем не менее убеждены, что многое в смешении «французского с нижегородским» зависит не только от языковой культуры журналистов, телеведущих, но и от их общей культуры. Только этим мы объясняем появление в газетных публикациях, в телевизионных репортажах таких, к примеру, «шедевров»: «Лучших танцовщиц представлял новоиспеченный хвост балета мюзтеатра Станиславского и Немировича-Данченко», «Чтобы разбудить свою, похожую на трансвестита, спящую красавицу, принц целует ее чуть ли не всасос» («МК», 12.05.2008), «Русский балет пахнет портянками» (название статьи в газете «Московский комсомолец» от 08.05.2008); «“МК” пустился в пляж» (название статьи в том же номере газеты). Мы не хотим никого поучать, но все же напомним слова А. И. Ефимова, который в книге «Стилистика русского языка» предупреждал, что просторечие «не имеет прав литературности, противостоит речевым средствам, одобренным литературной нормой, и остается за пределами общепризнанных средств языка». А тем, кто считает появление в речи подобных «новаций» естественным и закономерным (эволюция языка), в свое время ответил К. И. Чуковский: «Хотя правильность речи есть понятие изменчивое, но в каждую данную эпоху существуют очень стойкие нормы правильного литературного языка, обязательные (выделено мной. — П. П.) для всех образованных культурных людей».

Обратимся еще к одному вопросу стилистики текста. Общеизвестно, что одна и та же мысль может быть как при помощи простых самостоятельных предложений, так и сложных. И все же в зависимости от того, суммой каких предложений выражена она, меняется стилистический рисунок высказывания. Так, если авторская мысль передается цепочкой простых предложений, то мы заметим, что он тем самым подчеркивает самостоятельный, независимый характер частей высказывания, вы-

деляя отдельные, важные для него, детали. Кроме того, оно становится более лаконичным, в какой-то мере близким к разговорной речи. Образцы подобной авторской манеры повествования мы встречаем в прозе Пушкина (ее часто называют «голой»), Чехова.

Рассмотрим, к примеру, следующий отрывок из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: «Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в ее комнату. Я тихо подошел к ее кровати. Перемена в ее лице поразила меня. Больная меня не узнала». Как видим, рисуя встречу Гринева с Марьей Ивановной, Пушкин пользуется однотипными простыми распространенными предложениями, выделяя лишь некоторые выразительные детали, передающие ее состояние: «сильная горячка», «лежала без памяти и в бреду», «перемена в ее лице поразила меня». Лаконичность, предельная самостоятельность каждого предложения в этой цепочке делают описание в целом выпуклым, зримым. А вот другой пример, отрывок из рассказа А. П. Чехова «Ионыч»: «Старцев в половине одиннадцатого вдруг взял и поехал на кладбище. У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке. Светила луна. Было тихо, тепло, но тепло по-осеннему. В предместье, около боен, была собака. Старцев оставил лошадей на краю города, в одном из переулков, а сам пошел на кладбище пешком». Как видим, и у Чехова лаконичность описания достигается употреблением цепочки самостоятельных простых предложений.

Если же говорить о сложных предложениях, то они открывают перед автором богатейшие и разнообразнейшие возможности для выражения смысловых отношений и синтаксических связей между частями высказывания. Мысли, выражаемые при помощи сложных предложений, обычно очень тонко увязываются между собой в единое сложное целое и выступают как его органически связанные между собой элементы. Различия, о которых мы говорим, можно в какой-то степени сравнить с приемами использования красок в живописи: одни художники дают на полотне яркие цветовые пятна, другие соединяют отдельные краски друг с другом, тщательно продумывая постепенные переходы одного цвета в другой, и тем самым создают общее полотно, включающее в себя множество оттенков, полутонов, усиливающих «звучание» живописного полотна. Разнообразие типов и структур сложного предложения дает возможность отчетливее выявить и обосновать логические отношения между выдвигаемыми поло-

жениями (причины, следствия, условия и др.), установить между ними необходимую связь.

Так, сложные предложения с подчинительными союзами широко используются в научном стиле, в некоторых жанрах газетной публицистики. Они необходимы пишущему в тех публикациях, где ему потребуется передать единство логического с обобщенностью рассуждения, информативности с оценочностью.

Многообразными синонимическими возможностями обладают и сложносочиненные предложения с их разветвленными смысловыми и синтаксическими отношениями (соединительными, разделительными, противительными).

Так, предложения, объединенные в одно целое соединительными союзами, менее равноправны, нежели когда они входят в состав бессоюзного сложного. Сравним две конструкции: «Я глядел на счастливое лицо дяди, и мне почему-то было жаль его» и «Я не видел вас целую неделю, я не слышал вас долго» (А. П. Чехов). В первой перечисляются явления, которые происходят одновременно, во второй просто перечисляются какие-то факты. Произвольная замена бессоюзного соединения союзным, естественно, может изменить тончайшие отношения между частями в структуре сложного целого.

Нередко отдельные предложения (части) в составе сложносочиненного могут быть соединены и противительными отношениями (а, но, да, зато, однако). Хотя в этом случае каждый союз вносит особые, только ему присущие смысловые и стилистические оттенки. Сравним: «Дни поздней осени бранят обыкновенно, но мне она мила, читатель дорогой» (А. Пушкин). Здесь явно одно явление противопоставляется другому. «Была зима, но все последние дни стояла оттепель» (И. Бунин). В этом случае союз «но» скорее всего передает ограничительные отношения.

Разделительные отношения между частями сложносочиненного предложения (союзы «или», «либо», «то-то», «не то — не то»), как правило, подчеркивают, даже усиливают взаимное исключение высказываний, их несовместимость. Например: «Вот откуда-то доносится отрывистый, тревожный крик неуснувшей птицы или раздастся неопределенный звук» (А. П. Чехов). Самые разнообразные оттенки в смысловых и стилистических отношениях между частями сложного предложения наблюдаются и в структуре сложноподчиненного предложения, поскольку придаточные предложения в тексте могут выражать самые различные отношения (определятельные, изъяснительные, обстоятельственные). Охватить весь этот огромный материал в одной журнальной статье практически невозможно, поэтому

при рассмотрении этой проблемы мы ограничимся лишь указанием на те ошибки, с которыми может столкнуться пишущий. Прежде всего выделим стилистические функции союзов и союзных слов, потому что они играют важную конструктивную, смысловую и стилистическую роль в тексте. При выборе союза, таким образом, всегда нужно помнить о том, что среди многообразия подчинительных союзов одни характерны только для книжной речи, другие — только для разговорной. К первым относятся союзы «вследствие того что», «в связи с тем что», «ввиду того что», «в силу того что», «благодаря тому что» (они указывают на причинные отношения между главным и придаточным предложениями), целевой союз «с тем чтобы», а также союзы «ибо», «правда» (в значении «хотя»). Вот один из примеров такой «забывчивости» журналиста: «Александра Куликова и Василий Реутов играют доброту, по системе Станиславского, местами даже перегибая палку, ибо становится просто занудно» («МК», 23.04.2008).

В текстах, близких к разговорному стилю, уместнее будут союзы «только», «что», «едва», «едва только», «чуть только» и другие. Нужно проявлять осторожность и при употреблении союзов «ежели», «дабы», «покамест», «затем чтобы», «доколе», так как одни из них относятся к числу устаревших, другие («ежели», «дабы») придают высказыванию явный оттенок «канцелярита» («Он стал носить очки, отрастил бородку, дабы казаться старше и интеллигентнее»).

Внимательнее надо отнестись и к употреблению союзных слов «который» и «какой», хотя они близки по значению и порой даже взаимозаменяемы. Тем не менее оттенки значения у них налицо: союзное слово «который» вносит в придаточное предложение общее значение определительности, а «какой» привносит добавочный оттенок уподобления, сравнения. Сравним: 1. «Солнце освещало вершины лип, которые уже пожелтели под свежим дыханием осени» (М. Ю. Лермонтов). Союзное слово вносит в предложение общее значение определительности. 2. «Ноздрев захохотал тем звонким смехом, каким заливается только свежий здоровый человек» (Н. В. Гоголь). Здесь уже налицо добавочный оттенок уподобления, сравнения. Д. Э. Розенталь («Практическая стилистика русского языка») относит к числу стилистических ошибок и «повторение одинаковых союзов или союзных слов при последовательном подчинении придаточных предложений». Этот вывод он подкрепляет отрывком из романа И. А. Гончарова «Обломов»: «Квартира, которую я занимаю во втором этаже дома, в котором вы предположили произвести некоторые перестройки, вполне соответствует моему образу жизни

и приобретенной вследствие долгого пребывания в сем доме привычке. Известься через крепостного моего человека, Захара Трофимова, что вы приказали сообщить мне, что занимаемая мною квартира...» (Кстати, Обломов, человек образованный, и сам признал письмо «нескладным».)

Приводим еще ряд примеров, взятых нами из газетных публикаций, где союзы и союзные слова, как говорится, не на своем месте: «Состоялось совещание, где обсуждались мероприятия по выходу из кризиса...» (надо: совещание, на котором...); «Нельзя мириться с таким положением, когда финансовые дотации из федерального бюджета расходуются в регионах не по назначению...» (надо: нельзя мириться с тем, что...).

Серьезной стилистической ошибкой считается и загромождение сложноподчиненного предложения придаточными: «Наши самолеты, которые совершают межконтинентальный перелет из Москвы в Антарктиду, произвели посадку в порту Дарвин, к которому приковано внимание всех стран, где проходит маршрут полета».

В статьях, близких по стилю к официально-деловому, часто встречается разнотипность частей сложного предложения: «В своем выступлении докладчик выдвинул два положения. 1. Все большую значимость в настоящее время приобретает пропаганда политических и научных знаний среди населения. 2. Роль в этой работе широких слоев научной интеллигенции». В чем наблюдается разнотипность частей этого сложного предложения? Легко заметить, что сформулированные докладчиком части (1, 2) имеют различную синтаксическую структуру: первая часть — двусоставное личное предложение, вторая — односоставное, номинативное. В построении сложного предложения часто можно видеть и смещение конструкции: «Кто нуждается в консультации, необходимо ему обеспечить ее». При ре-

дактировании автору надо было взять или личную конструкцию в главном предложении («...будет ею обеспечен...») или безличную с указательным местоимением «тот» (...тому необходимо ее обеспечить»). Довольно часто в сложных конструкциях авторы используют однозначные союзы, стоящие рядом: «Однако тем не менее», «но тем не менее однако» и т. п. Например: «Газеты настойчиво подчеркивают, что будто бы экономика США находится сейчас в глубоком кризисе». При редактировании этого предложения возможны два правильных варианта: если автор убежден в своем утверждении, надо оставить только союз «что», если же он высказывает лишь предположение, допустимость, возможность, ему следует воспользоваться союзом «будто» или «будто бы».

Часто авторы ставят союз «что» после вводного слова, что, конечно, недопустимо: «Иногда встречаешь на улице человека, которого, кажется, что видел» (союз «что» — лишний). Наконец, мы постараемся напомнить пишущим о необходимости следить за порядком слов в сложном предложении, особенно в сложноподчиненном с придаточным определительным. Нарушение порядка слов может привести к двусмысленности высказывания. Вот один из примеров: «Впереди неслись лошади казаков, которые были покрыты пеной». Хочется спросить, кто же был покрыт пеной: лошади или казаки? Заменяв придаточное определительное причастным оборотом, автор сумел бы избежать ее: «Впереди неслись лошади казаков, покрытые пеной».

Заканчивая статью, сделаем своего рода вывод: источником появления ошибок в структуре текста часто является многообразие структурных типов сложного предложения, а также и влияние отдельных речевых стилей («стилевые перебежчики»). Однако говорить об этих типах ошибок можно лишь тогда, когда отход от принятых образцов не оправдывается стилистическим заданием.

Евгений НИКИТИН

Каролин Шервин Бейли (1875–1961) — американская писательница, автор прозы для детей, в основном сказочной. В 1947 году получила престижную литературную премию — медаль Ньюберги — за книгу «Мисс Хикори». У нас творчество Бейли практически неизвестно. Однако сюжет сказки «Фермер и тролль», которая предлагается вашему вниманию, многим покажется хорошо знакомым, поскольку перекликается с русской народной сказкой «Вершки и корешки».

ФЕРМЕР И ТРОЛЛЬ

Жил да был один человек, и была у него маленькая ферма — такая чудесная и плодородная, какую только можно себе представить. Он всегда работал на ней сам: весной пахал землю плугом, а осенью отвозил на рынок телеги, полные яблок, картошки и моркови.

Но в один прекрасный день дела вдруг пошли скверно. Молоко в маслодельне свернулось, лошадь в базарный день взбесилась, понесла, разбросала товары и покалечилась. Яйца протухли, а появившиеся откуда-то сорняки мгновенно заполонили весь сад — быстрее, чем хозяин успевал их выпалывать.

— Во всем виноват тролль, — заявила его жена и в доказательство своих слов привела мужа в маслодельню. Там на полу отпечатались грязные следы крошечных, подбитых гвоздями ботинок. Такие же следы обнаружили и в сарае рядом с конюшней, а ночью фермер увидел мелькнувший в саду огонек. Этим огоньком был глаз тролля, поселившегося на ферме и ставшего причиной всех бед.

Обычно тролль, решивший жить в таком укромном и спокойном уголке, как ферма, — миролюбивое существо. Ему нужно лишь время от времени

оставлять на ступеньках, ведущих в подвал, тарелку овсянки да не мешать забираться в дом, когда похолодает, и греться в укромном уголке, моргая и кося глазом в камин. Пакости — верный признак того, что тролль чем-то недоволен. Поэтому фермер вознамерился выяснить, чем же он досадил гостю.

Но где бы он ни искал, никого не находил — до тех пор, пока одним прекрасным весенним днем не отправился пахать землю на холме, чтобы посадить картошку. Вдруг его лошадь опрокинула плуг ударом копыта, и фермер услышал доносящийся из-под земли ворчливо-рычащий голос:

— А, это опять ты! Портишь мне крышу, как и год назад. Разве ты не знаешь, что это мой холм и что я здесь живу? — спросил тролль.

Фермер был очень смущен известием, что распахивал крышу тролльского дома, и не знал, что делать: ведь это и его холм, и здешняя земля сулит превосходный урожай! Наконец он придумал и предложил троллю:

— Мой маленький хозяин, мне так жаль, что я потревожил тебя. Но я готов возместить ущерб. Как насчет такого предложения — я буду пахать, сеять

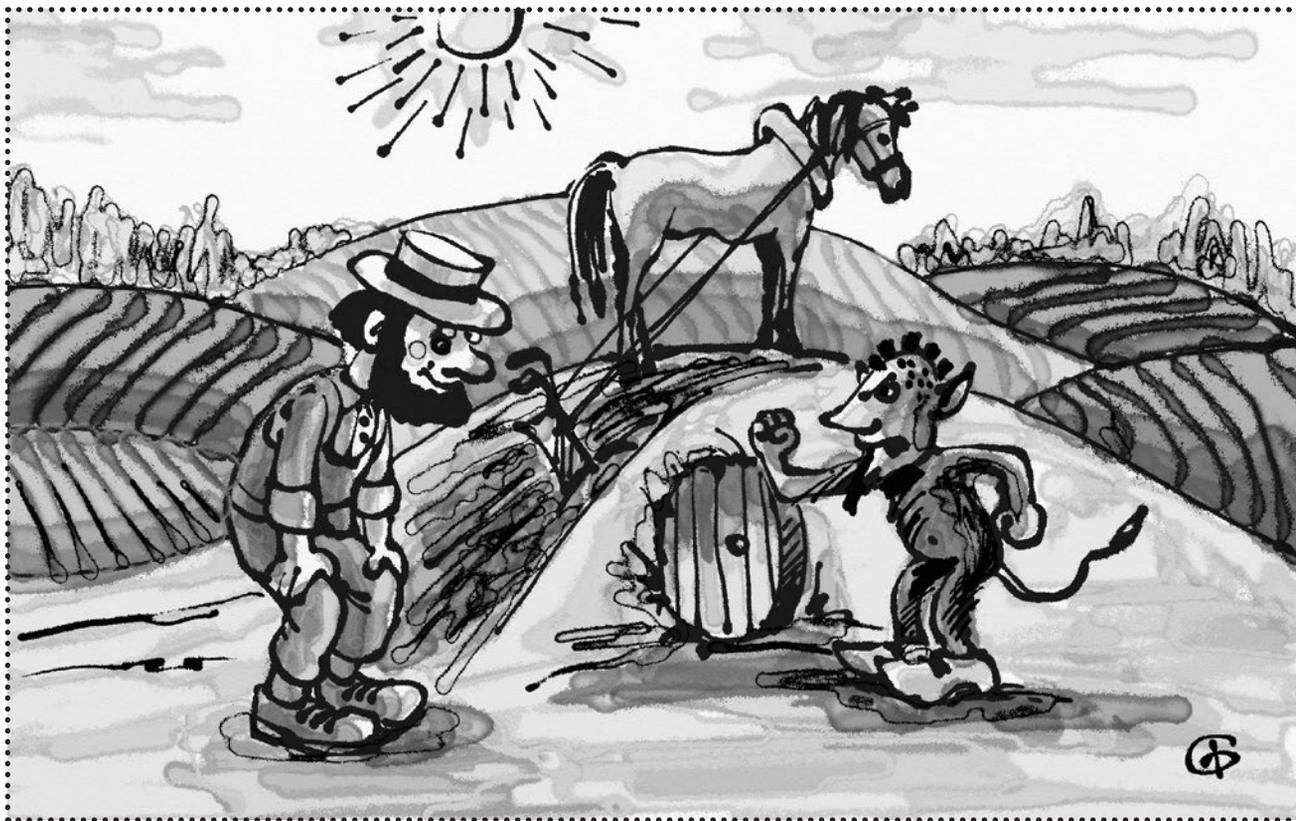

Рисунок Дмитрия Горяченкова

и жать каждый год сам, а урожай с холма мы будем делить поочередно? В первый год ты заберешь все, что вырастет над землей, а я — весь подземный урожай. А на следующий год — наоборот. Так будет по-честному, правда?

— Очень хорошо! — прорычал тролль. — Согласен! В этом году я возьму все, что вырастет выше земли.

Фермер мысленно хихикнул. Он тоже был доволен сделкой, потому что собирался сажать картофель. А когда тот пустил побеги, из холма вылез тролль с маленькой косой и срезал все картофельные стебли с листьями. Да уж, ему достался просто

превосходный урожай! Хитроумный план фермера сработал.

На следующий год наступила очередь тролля забрать то, что под землей, поэтому фермер засеял холм пшеницей. Когда пшеница поспела, тролль даже вылезать наружу не стал — просто усердно срезал пшеничные корни и вновь остался доволен своей долей урожая. Потом настал черед моркови, следом — бобов... Тролль собрал морковную ботву и бобовые корешки и сделал из них запасы на зиму.

Так что знайте: договориться с троллем легко, поскольку земледелец из него прескверный.

Перевод с английского Евгения Никитина

Евгений Никитин — студент четвертого курса переводческого отделения лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Продолжение. Начало в № 4, 5, 6 за 2012 г.

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, или ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ

(Воспоминания Михаила Моргулиса. Начаты в 2008 году, в августе)

Полеты через жизнь

В Вермонте, в Норвичском университете, с нами дружил Юлик Милкис, талантливый музыкант, кларнетист из Канады. Его папа и мама были аккомпаниаторами в Ленинградской филармонии. Сын пошел в родителей. В Вермонте он хотел получить степень бакалавра русской литературы, зубрил старославянский язык, фонетику, знакомился с рассказами Бунина. В то время в Канаде совсем дешево продавали советские легковушки «Лада». Юлик приехал на «Ладе» в университет. Американцы разглядывали ее, как редкое существо с другой планеты. Юлик сиял. Потом он усадил заинтригованную американскую студентку в автомобиль, обнял ее правой рукой и поехал, ведя машину свободной левой. Дальше цитирую его рассказ, связанный с этой прогулкой: «Едем по горной дороге. На одном из поворотов прижимаю студентку к себе крепче, кручу баранку... и в моих руках остается она, не студентка, а баранка... Т. е. руль отломился... т. е. руль у меня в руках, а неуправляемая машина продолжает ехать. Я торможу, машина сворачивает в сторону, съезжает с дороги и начинает катиться по горному склону. Думаю, все... Но к счастью, натыкаемся на огромное дерево, растущее на склоне. Удар... и мы остановились. Вскрабкались на дорогу и на попутной машине вернулись в университет». Машину привезли, руль починили, но с тех пор ни один студент не изъявлял желания покататься с Юликом на «совет продакшен». Мы вспоминали разрекламированный лозунг тех лет: «Советское — значит отличное». Когда мы перевели слова лозунга американцам, все вспомнили историю Юлика с «Ладой», и хохот стоял полдня. Да, а та студентка потом соглашалась гулять с Юликом только пешком.

Как я уже упомянул, Юлик был талантливым кларнетистом. К нему приезжал из Нью-Йорка друг, меланхоличный скрипач Саша Бодлер. Однажды под вечер они прилично выпили, и даже более чем прилично. И вот тогда Юлик произнес историческую фразу: «Я играю не хуже Бенни Гудмана¹, а может быть, и лучше». Меланхоличный Саша посоветовал: «Тогда позвони ему и скажи об этом». Распаленный Юлик рванул к телефону, выяснил через друзей-музыкантов засекреченный телефон маэстро и, находясь в глубокой нирване, позвонил ему. И сказал следующее: «Маэстро Гудман, хотя вас знает весь мир, но я играю лучше вас ваше произведение», и назвал какое-то. На что ошалевший Гудман после паузы ответил: «Я живу на Парк авеню, на седьмом этаже. Если вы согласитесь с моими условиями, приходите и играйте. Итак, если вы будете играть хуже меня в десять раз, то уедете на лифте, если сыграете хуже меня более чем в десять раз, вас спустят со всех лестниц, с седьмого этажа на первый. Согласны?» «Конечно!» — сказал Юлик и тут же уснул. Утром, проснувшись, он поведал Бодлеру: «Странный сон мне приснился. Будто я вчера звонил Бенни Гудману, и он пригласил меня поиграть у него, а потом обещал спустить с седьмого этажа. Это ж может такое присниться!»

Бодлер уныло ответил: «Ты звонил ему, и он ждет тебя. Это не было сном...» Юлик бросился к

¹ Бенни Гудман — выдающийся джазовый кларнетист и дирижер. Его называли королем свинга и патриархом кларнета. Основатель целой музыкальной школы. Композитор, автор многочисленных мелодий. Почетный доктор Йельского университета.

Аман Тулеев (второй слева) и Михаил Моргулис

телефону и нашел смятую бумажку с записью неровными буквами: «В среду, в двенадцать, в доме Бенни Гудмана». Полтора дня он простоял у стены комнаты и репетировал. Потом поехал к Гудману. Играл. Гудман помолчал. Потом сделал два хлопка ладонями, имитируя аплодисменты. Потом сказал: «Неплохо. Лучше, чем я ожидал. Ваша награда в том, что вы спуститесь лифтом».

Через год я сидел на концерте Юлика в Манхэттене. Юлик играл под аккомпанемент двух очаровательных сестер-ирландок — пианистки и виолончелистки. Я сидел в последнем ряду, открылась дверь, зашел Гудман, присел возле меня. Как все известные старики «с приветом», он носил красный пиджак и зеленую бабочку. В петлице у него торчала белая орхидея. Он слушал и жевал губами. Незадолго до перерыва поднялся и вышел. Я пошел вслед за ним и успел спросить: «Вам понравилось?» Он посмотрел на меня вялым глазом: «Девушки понравились. Но этот кривляка будет хорошо играть...»

Сейчас Юлиан Милкис считается одним из лучших кларнетистов мира. Хотя для рекламы сообщает, что он единственный ученик Бенни

Гудмана. Но мне, конечно, гораздо больше нравится Бенни Гудман. Недаром в России его назвали (кажется, Андрей Вознесенский) «истинный поэт кларнета».

И снова прыжок, в американское прошлое. Я уже вспоминал моего профессора в Норвичском университете штата Вермонт, писателя, рафинированного русского интеллигента Леонида Денисовича Ржевского. Он говаривал за стаканом красного вина: «Бойтесь тех, кто знает, как!» И учил нас: «Не пейте белое вино, станете холодными, как рыбы. Пейте красное, оно разгоняет кровь и прекрасно будоражит душу». Я уже вспоминал: глядя вслед какому-нибудь глупому человеку, задумчиво выговаривал: «Какой болван! Но зато серьезный...»

Ржевский был прекрасный писатель-стилист и литературовед, которого сейчас ну просто незаслуженно забыли. Помните, он первый на Западе написал статью о Солженицыне — «Прочтение творческого слова». Умница был, насмешник. И талант.

Любил и здорово читал вслух Бунина, особенно прелестный маленький рассказ «Журавли». Я Ржевского описал в рассказе «Бывают дни у человека».

Это был один из последних могикан старой российской интеллигенции.

Последние годы он преподавал в Нью-Йоркском университете. И жил рядом в многоквартирном доме. У него часто бывали вечеринки, и вместе со своими старыми друзьями он стал приглашать нас с Татьяной Титовой. Его умная, красивая и преданная жена Агния Сергеевна изготавливала малюсенькие слоеные пирожки и крошечные бутерброды, сама все разносила, ходила с подносом, там были и миниатюрные рюмочки. Дудин говорил: «Слейте мне десять рюмок в один стакан». Высокая статная Агния Сергеевна скромно улыбалась и продолжала всех потчевать. Нам рассказали, что Леонид Денисович умирал во время войны от туберкулеза. И Агния Сергеевна, которая была младше мужа на много лет, его выходила, по-простому говоря, спасла от смерти.

Во время этих встреч главной темой разговоров всегда была литература. Иногда читали по очереди стихи и рассказы. Леонид Денисович, грассируя, читал отрывки из прекрасного, до сих пор не оцененного романа «Дина». Андрей Седых рассказывал, как его знакомый русский из Парижа выиграл в лотерею миллион долларов и стал самым несчастным человеком, потому что все русские хотели одолжить у него денег. От отчаяния он запил и все пропил. Его жена Женни рассказывала историю о том, как в Америке русский женился на американке и сорок лет они прожили в тишине и мире. На сорок первый год поссорились. И они высказали друг другу то, о чем молчали сорок лет. Он: «Не понимаю, как ты можешь в течение сорока лет есть на обед гамбургеры!» Она: «А я сорок лет думаю, как можно ежедневно пить чай из стакана, в котором торчит ложка, и не выколоть себе глаз!»

Когда Леонид Денисович умер, Агнии Сергеевне жить без него не хотелось, она ежедневно ходила на кладбище и увядала. И скоро умерла. Мы с Татьяной их часто вспоминаем и радуемся прекрасной встрече с замечательными людьми.

(Моя статья о Ржевском в «Литературном курьере»)

Легендарный Роман Гуль, редактор толстого журнала «Новый журнал», напечатал мой рассказ «Благослови, Господи, раба Даниила!». А я взял у него интервью, и оно начиналось такими словами: «Нас разделяли три метра и целая жизнь». Роман Борисович написал около десяти книг, но последние три были программными: «Россия в Германии», «Россия во Франции» и «Россия в Америке». Рассказал мне о своих встречах с Марлен Дитрих. Как я понял, у них была короткая любовь. Он однажды ворчливо сказал: «Ее ноги в туфлях никогда в кино не показывали. Знаете, почему? Размер ноги был сороковой!»

После совместных прогулок с Романом Борисовичем профессор Ржевский шутил: «Я проГУЛивал Гуля». Я хорошо запомнил химика и писателя Петра Муравьева, он писал чистые скучноватые книги. Говорить с ним было чудесно, он грассировал, наминал каким-то образом Чехова, в жизни, но не в книгах.

В штате Вермонт мы были в гостях у писателя Юза Алешковского и Ирины, его жены, женщины совершенного спокойствия на фоне всегда заведенного, немного провинциального Юза. С нами был прекрасный поэт и добрый человек Бахыт Кенжеев. Бахыт купался в горной реке, выходил из воды, худющий, с длинными волосами, со скорбным лицом — просто Иисус из Иордана. Ели пельмени и пили все, что нужно к этому. Зацепили литературу. Юз кричал, что его матерщинный язык сейчас самый нужный. Я говорил, что это возможно только на короткое время. Но может быть, Юз был прав. Смотрите, на каком языке сейчас разговаривают люди в бывшем СССР! Мне он тогда сказал: «Ты не можешь быть писателем и пастырем!» Я ответил: «Все же попробую, да и были в истории похожие примеры». Тогда он обругал какой-то мой рассказ. Потом ему стало неудобно, и мы мило пили чай. Когда уезжали, Юз, зная мои неспособности к географии, подробно описал и нарисовал на бумаге наш маршрут возвращения в Нью-Йорк. Сделал лишь одну ошибку, но из-за этого мы ехали в не ту сторону почти три часа. В какой-то газетной статье я шутя упомянул об этом. После этого Юз не разговаривал с нами три месяца.

Я был членом Литературного Фонда. Это было такое сообщество интеллигенции, где собирали деньги и помогали престарелым русским писателям и ученым в эмиграции. Многие заседания проходили в доме у Андрея Седых и его супруги Женни Грэй. Приходили художники Сергей Голлербах, Владимир Шаталов, Дмитрий Клеонский, поэты Иван Елагин, Валентина Сенкевич, химик и писатель Петр Муравьев, скрипачи Марковы, Леонид и Агния Ржевские, Валерий Вайнберг, захвативший потом газету «Новое русское слово», тогда еще разбитной метранпаж, профессор-литературовед Борис Филиппов, власовец Рюрик Дудин, иногда поэт Игорь Чинов и публицист Юрий Иваск. Всем было тогда хорошо. Распределяли деньги среди нуждающихся литераторов. Диким выглядел лишь Рюрик Дудин. Он подходил к гостям и спрашивал: «А в штыковом бою вы участвовали?»

Нам рассказали эпизод из жизни Дудина и поэта Ивана Елагина. Елагин попал в плен к немцам, которые расстреливали всех евреев. Мать же Елагина была еврейкой. Понятно, что подлецы находятся

Михаил Моргулис и Александр Яковлев

всегда и везде. И, естественно, они были в лагере для военнопленных. Нашелся тот, кто знал родословную Елагина, и сообщил об этом эсесовцам. А в лагере, вот ирония судьбы, немецким переводчиком был любитель елагинской поэзии уже известный вам Рюрик Дудин. И Дудин, увидев происходящее, заверил коменданта лагеря, что это неправда. И расстреляли не Елагина, а того, кто на него донес. Вот такая была эта война. Уродливая и страшная, сжигающая тела людей и их души. А теперь они оба были в Нью-Йорке, ели пирожки, пили вино и молча смотрели друг на друга. А однажды Елагин прочитал стихотворение:

Ну а звезды. Наши звезды помнишь?
 Нас от звезд загнали в погреб,
 Нас судьба ударила наотмашь,
 Нас с тобою сбила с ног судьба!
 Наше небо стало небом черным,
 Наше небо разорвал снаряд.
 Наши звезды выдернуты с корнем,
 Наши звезды больше не горят.
 В наше небо били из орудий,
 Наше небо гаснет, покорясь.
 В наше небо выплеснули люди

Мира металлическую грязь!
 Нас со всех сторон обдало дымом,
 Дымом погибающих планет.
 И глаза мы к небу не подыдем,
 Потому что знаем: неба нет.

А это опять Нью-Йорк. Тогда в Америке выходила единственная большая русская газета, «Новое русское слово». При ней и действовал наш Литературный фонд. А редактором газеты и председателем Фонда был добрейший Андрей Седых. В этой газете печатались русскопишущие писатели и журналисты. И там были напечатаны около ста моих рассказов и статей. Господи, кто там только не печатался! Андрей Седых говорил, как всегда усмехаясь: «Нам всегда кажется, что мы живем в разных городах Америки. А в сущности, мы все живем в одной русской деревне».

Маленький штрих из той жизни, ни с того ни с сего вспомнившийся сейчас. Мы возвращаемся из редакции с Юлией Троль, журналисткой и бывшей актрисой. Отцом ее, как она рассказывала, был гипнотизер, не помню точно кто, кажется, Вольфганг Мессинг. В Манхэттене заходим в русское кафе. Там хозяин, певец Роман Романов. Неверо-

ятные пирожки и винегрет по старинным русским рецептам. В кафе художник Михаил Шемякин и еще какой-то добрый человек с разбитым носом. Что-то пьют. Роман Романов под гитару поет романсы. К нам подходит журналист, любитель литературы добрый Вячеслав Завалишин. Зеленый змий его опекает. Просит одолжить для успокоения души. Вспоминаю, как шутят: «Завалишин русской литературы». Пустое это, он хороший и способный. Сердце немного щемит. Вот, гляди, запомнился такой простой день. Ах, как важно не ожесточаться, не становиться злым. Может быть, это одна из целей пребывания человека на земле.

В другое время с Константином Кузьминским заходим в дом его друга художника, не помню кого. Бросается в глаза небольшая картина на стене: дохлая рыба с выпученными глазами, лежащая на грязной тарелке. У того в квартире Михаил Шемякин. Косит на нас полубезумным взглядом. Он стонет, страшно хочет выпить, но во лбу зашита ампула. Специально во лбу, чтобы не вырезать ее незаметно. Сам попросил зашить в таком месте. Стонет, тяжело, тяжело ему. Наконец не выдерживает, отталкивает подскочившего друга, хватая со стола нож и вспарывает себе лоб. Достает «пулю», швыряет в угол, кричит каким-то утробным голосом: «Пошли!» и убегает с ним в бар.

У нас дома две картины Шемякина. Мне они не нравятся. А сыну Николасу нравятся. Они висят в его комнате. Наверняка Шемякин великий художник, но интересно, что и в картинах, и в жизни все у него как-то вывернуто. Многие вывернутое и любят. Видимо, мы — ну многие из нас — внутри вывернуты, и нам хочется увидеть эти отображения. Но художник, конечно же, большущий!

Костя, Константин Кузьминский. Барин, поэт, бережный оберегатель российской авангардной поэзии. Составитель нескольких томов уникальной антологии авангардной литературы под романтическим названием «Голубая лагуна». Любитель известного в прошлом поэта-футуриста Давида Бурлюка. Один раз в Нью-Йорке пришел на вечер памяти Бурлюка совершенно голым, лишь с сумкой, перекинутой через плечо. Но ни одна дама в обморок не упала. В мире начиналось дру-

гое время. Я написал потом веселую статейку: «Набурлюкались!» Участник многих скандалов, большой и грузный Константин жил в подвале дома в Квинсе со своей женой Мышью. Имя ее мало кто помнил, Мышь да и Мышь. В нашем журнале «Литературный курьер» Кузьминский постоянно вел замечательную рубрику «Записки из подвала». Там он рассказывал о новых книгах, о стихах и авторах. И делал это мастерски, и, конечно, с подковырками и язвительностью. В поэзии разбирался филигранно, вкус отменный, стихоплетство и графоманство чуял издалека. Излюбленной фразой о графоманах была такая: «Его бы взять да выпороть розгами за то, что он сочиняет!» Однажды прочитал рассказы какого-то Евгения Любина, взвился: «Пороть, пороть надо! Какой графоманище!» В подвале кроме него и Мыши жили четыре собаки, но не простые, а русские борзые. Огромные, они вповалку лежали на кроватях. Помню хороший дух от них и белую, почти овечью шерсть. Когда Константин выходил с ними на улицу, американский народ сбегался отовсюду. Бережно и достойно неся огромное пузо, Константин с собаками величаво шествовал по Квинсу, бормоча строчки стихов. Он всегда оставался огромным ребенком, декламировал авангардные стихи. Напоминал Максимилиана Волошина. Был он очень настоящим. Помню, ему понравилась строчка из моего рассказа «Брюки господина Зака», где речь шла об удивленной молодой китаянке. Эту строчку он произносил каждый раз при наших встречах: «Медленно-медленно раскрывались раскосые окошечки ее глаз, испуганно и радостно стали смотреть на коленопреклоненного Зака, почувствовали, почувствовали что-то такое...»

Иногда мне казалось, что Константину следовало бы жить в начале века. Ходил бы с футуристами Маяковским, Мариенгофом, Куиковым. Ниспровергал бы кумиров-классиков. Но потом я соображал, что через некоторое время его бы упрятали в лагерь или убили. Если бы не смог застрелиться, как Маяковский, или покончить с собой, как Есенин. И мне становилось очень жалко Костю, и я радовался, что он живет в Нью-Йорке, свободно пишет, и я прихожу к нему в подвал...

Продолжение следует.

Виктор ГРЕЦКИЙ

Виктор Грецкий родился в 1960 году в Архангельской области. Женат, двое детей (дочь и сын). Окончил Военно-дипломатическую академию. Кандидат экономических наук, полковник запаса.

Россия

Бомж привокзальный — символ столицы.
 Завистью, злобой пропитаны лица.
 Вечно голодная, вечно холодная,
 Будто война идет всенародная.
 Пристально смотрит Христос с плащаницы.

Рыжий хитрец ей плетет небылицы
 С мыслью одной: эка девка ядреная!
 Всеми забытая и обреченная.
 Бомж привокзальный...

Красна лишь во сне, в позолоте ресницы.
 Рвать надо в клочья устоев границы!
 Русь многоликая! Россия желанная!
 Родина — мать обетованная!
 Кто же ты? Рок? Иль начало зарницы?
 Бомж привокзальный...

* * *

Кем быть? Как быть? Куда идти?
 С какого отвернули мы пути?
 Откуда прилетели и когда?
 Где пуповина? Родина? Звезда?
 Где наш пророк, что должен вывести народ?
 Где дом, в котором вот уже который год
 погашен свет и пламя очага родного?
 А может, нет у нас на свете этого выбора иного?

Ромашковое поле

Дарю тебе ромашковое поле,
 Цветок к цветку, тропинкой в небо устрем-
 ленное.
 Взамен беру твои печаль и горе,
 По жизни нашей вместе пронесенные.
 Оставляю в памяти счастливую улыбку,
 Открывшую мне путь волшебным светом.
 И пусть по жизни не был я поэтом,
 Я подарил тебе ромашковое поле!

РЕКВИЕМ

Пришел, увидел, победил,
 Полмира на рога поставил.
 Играл ва-банк (здесь не до правил,
 Узлов, голов...). Слегка картавил.

г. Москва

Родилась я в Москве, где по сей день живу и работаю. По образованию инженер-радиотехник. Пишу стихи с детства. А с некоторых пор — еще и рассказы. «Зачем? Уходишь от действительности?» — спросили как-то друзья. Нет, дорогие мои, совсем наоборот. Действительность становится ярче, интереснее с каждой созданной строкой. Незаметен, естественен переход из мира реального в область вымысла. Переплетение фантазии и обыденности. Где грань? Она почти неощутима. Герои моих произведений — самые обычные люди. Они живут среди нас, ходят по улицам города. Работают и отдыхают, любят и страдают. Не чудо ли это, не волшебство? И я пишу рассказы, наверное, ради этого ощущения чуда.

ТУМАН В САДУ

«Ах, мама, мамочка... Ну зачем ты мне приснилась?» — думала Таня, медленно двигаясь в плотном потоке машин на выезде из Москвы. Июльское утро, суббота — что это такое, хорошо знает каждый горожанин, имеющий дачный участок или деревенский дом, оставленный в наследство бабушками и дедушками вместе со всеми прилагающимися к нему хлопотами.

Конечно, поначалу Таня пробовала бывать на даче регулярно. Да и дом свой она очень любила. Ведь там прошло ее детство, счастливое, полное любви. Теперь, увы, милый сердцу уголок приходил в упадок. Грустно, совесть мучает, но никак не вписываются в ее жизнь эти утомительные еженедельные поездки на дачу! А дом скучал, дряхлел на глазах, казалось, просил: «Поживи здесь немного, отдохни от суеты московской. Глядишь, и я встряхнусь, уютнее стану...» Ну а на сад и вовсе смотреть больно. Весь зарос. Когда-то давным-давно еще Танин дедушка посадил на участке двенадцать яблонь. Тане тогда только два годика исполнилось. Так

они и росли вместе, Таня и яблони. До сих пор полузаброшенный сад по старой памяти пытается одарить нерадивую хозяйку яблоками, хотя и не такими вкусными, как прежде.

Да, не существовало лучше места на земле, чем их дача, настоящая, профессорская. Потому что Танин дедушка и был профессором, профессором медицины, и очень хорошим доктором. Бабушка же, сколько Таня помнила, не работала, всю себя, все свои силы и любовь отдавала их небольшой, но такой дружной семье. «Хранительница домашнего очага», «фея садов и огородов», «волшебница теплого дома» — какими только необычайно ласковыми и добрыми титулами не награждал дедушка бабушку, потому что очень ее любил. Любил всю жизнь, до самых последних дней. А вот мама работала много, совсем как дедушка, и тоже врачом. Конечно же, Таня просто обязана была продолжить династию. И она честно попыталась. Хватило ровно на один год. Возможно, попробуй она продержаться дольше, ее бы просто отчислили за неуспева-

емость. Что-то не давалась медицинская наука профессорской внучке. Хотя первый курс она все же окончила. И решила уйти сама. И мама ее поняла. А дедушки и бабушки тогда уже с ними не было. И не пришлось им горевать о том, что не состоялась династия. Ну а мама сказала просто: «Врачом надо быть хорошим или не быть им вовсе! Вот так. Решай сама».

Немного поколебавшись между филологическим факультетом МГУ и не менее знаменитым инязом имени Мориса Тореза, она все же выбрала иняз. Тане нравились улица Остоженка, центр Москвы, нравилось здание, в котором ей предстояло учиться, нравилось все в ее будущей студенческой жизни. Экзамены она сдала легко, и учеба также показалась ей легкой, интересной и приятной. Вообще-то языки она учила с детства и читать начала довольно рано. А с какой радостью открывала она для себя каждую новую книгу! Но никогда иностранные языки и литература не рассматривались в ее семье как возможная профессия для единственной наследницы. Ей был уготован иной

путь, иное предназначение, предопределенное семейной традицией. Правда, сама Таня часто мысленно представляла себя совсем не в белом халате, а здесь, среди цветущих яблонь, окруженную книгами. Ведь не все люди могут свободно читать то, что написано в других странах. Кто-то должен и переводить. Она закрывала глаза и видела: цветущий сад, диван-качалка, и книги, книги... И, конечно, она сама, проникающая в ушедшие эпохи, познающая идеи удивительных людей, живших давно или недавно, где-то на другом конце света или не так далеко. Но эти мечты существовали только в ее воображении. Мечты, которые благодаря ее собственной решительности и мудрости милой любимой мамочки становились явью. Оттого и училась она на новом месте так легко и весело. Она нашла *свое* дело, *свое* призвание. Поскольку времени от обязательных занятий оставалось достаточно, а институт предоставлял возможности для дополнительного образования, не воспользоваться этим Таня не могла. Она выбрала бухгалтерские «курсы-скороспелки» и курсы для продвинутых пользователей ПК — для общего развития. Тогда она даже не представляла себе, как это ей пригодится в будущем. Не дорогая сердцу литература, а знание языков, бухгалтерии и компьютерная грамотность сделают ее вполне конкурентоспособной на современном рынке труда.

Погрузившись с головой в бурлящую энергией студенческую жизнь, Таня не сразу заметила, как изменилась мама. Молодость беспечна, а смерть неумолима. Да, ее мама была очень хорошим врачом, и диагноз себе поставила сама. А Таня и не понимала вначале, для чего необходимо так срочно заниматься документами на квартиру, дачу... Зачем продавать старенькую дедушкину «Волгу»...

Спустя некоторое время, когда закат стал неминуемо близок, а Таня уже все знала, они вдвоем поехали

на дачу. Конечно, на машине. Такие поселки, как тот, где располагался их дом, называют сейчас стародачными. Близко от Москвы, хорошая дорога до самых ворот — таксисты не ворчат и не заламывают запредельную цену. От квартиры до дачи — меньше часа, но мама все равно устала. А весна в тот год и не торопилась вроде. Подобралась уже к самому городу, а вот в Подмосковье и земля не прогрелась совсем — холодная, влажная, — и воздух. Таня суетилась, пыталась устроить маму поудобней, теплое одеяло принесла, чайник вскипятила. А мама все смотрела и смотрела на их дом, на яблони, на Таню... А затем сказала: «Ты никогда не останешься одинокой, никогда. Потому что у тебя были мы, я. Ведь наше прошлое — это то, что никто у нас не сможет отнять. Оно навеки с нами. И еще... Ничего и никогда не бойся. Знаю, трудно все решать самой, если тебе только двадцать с небольшим. Но... Не руби с плеча. Если очень тяжело придется, ты поговори со мною, Танечка... Просто подумай обо мне и поговори... А потом решай». Через месяц мамы не стало. А еще через месяц Таня защитила диплом. На отлично.

Одинокая девушка из хорошей семьи с очень хорошим образованием ищет работу. Нет-нет, никто не решился бы назвать ее беспомощной! И цену себе она тоже знала. Помня мамин совет, не торопилась и не ориентировалась только на денежную сторону будущего рабочего места. А предложения поступали неплохие, наверное, даже лучше, чем она поначалу рассчитывала. «Медицинская техника» стала уже не первой фирмой, куда Таня пришла на собеседование, и не отличалась самой большой зарплатой или набором всевозможных льгот для сотрудников, но именно здесь ей почему-то сразу понравилось. Может быть, сыграло роль заветное слово «медицина» в названии. А еще она сразу почувствовала, что это

фирма с человеческим лицом, что для нее являлось особенно важным. И директор, Борис, тоже отличался от предыдущих потенциальных работодателей. Никакого зазнайства, нарочитого превосходства или холодной вежливости — напротив, Боря просто излучал обаяние. Она даже немного растерялась, а уже через пять минут поняла, что лучше работы ей и не нужно.

Удивительно, но сейчас Таня совсем не могла вспомнить, когда же она осознала, что любит Бориса. Может быть, в автосалоне? Они тогда вместе покупали для нее машину. Как же она обрадовалась, что директор вдруг совершенно неожиданно предложил ей помощь в таком ответственном и совершенно непонятном для молоденькой девушки деле. А Боря отнесся к автомобильному вопросу очень серьезно, вникал в каждую мелочь. Он даже цвет выбрал за нее, настояв на том, что бледные краски сливаются с дорогой, а машины яркие, наоборот, видны издали и потому более безопасны. В результате его стараний Таня стала владелицей очаровательной красной машины, которая ее никогда не подводила. А может быть, все случилось и позже. Однажды, буквально перед самыми переговорами с представителями немецкой фирмы, у Бориса оторвалась пуговица на рубашке. И, конечно, на самом заметном месте. Таня бросилась на помощь. Пуговицу-злодейку она пришила моментально. Пока она колдовала с иглкой и ниткой, Боря стоял, не шелохнувшись, опустив лицо прямо в облако ее волос, и она чувствовала, как волнуются локоны от его дыхания. И она сама тоже вдруг заволновалась. А потом, когда она подняла глаза, он ничего ей не сказал, даже «спасибо». Только посмотрел как-то особенно, удивленно, что ли... Хотя, наверное, она влюбилась в него сразу, на первом же собеседовании. Просто сама себе в этом признаваться не хотела.

Первые два года Таня трудилась обыкновенным менеджером, но так, что удивляла многих опытных сотрудников. Как-то все соединилось в ней: красота и необыкновенная работоспособность мамы, мягкость и тактичность бабушки, острый пронзительный дедушкин ум. А кроме того, она могла спокойно рассчитывать ходы в различных ситуациях, как бы поднимаясь над проблемой, что в наше сложное время ой как надо уметь.

И в один прекрасный день после двух лет работы Таня из простого менеджера стала сразу первым заместителем директора. Правда, других замов у Бориса не наблюдалось. Она оказалась первым и единственным. А еще через полгода Боря стал первым и единственным мужчиной в ее жизни. И как-то сразу забылись, словно и не существовали никогда, все ее наивные студенческие увлечения, встречи, свидания. Впрочем, неловкие притязания юных кавалеров решительно пресекались самой же Таней еще на этапе первых поцелуев. Юноши огорчались, некоторые вполне серьезно обижались, но она отличалась непреклонностью. Подружки из самых лучших побуждений пытались объяснить ей, что сейчас прошло время недотрог, что она просто смешна своей несовременностью, но... «Я ведь однолюб, — однажды горько сказала мама бабушке. — Есть такой идиотизм в жизни...» Теперь Таня подозревала, что унаследовала и это качество. Именно теперь, когда ей предстояло решиться на уход с работы, на разрыв с любимым человеком, она понимала, что все равно будет любить Бориса. И где бы она ни находилась, что бы ни делала дальше, все равно любить будет только его. А начинались их отношения так красиво. Даже удивительно, все напоминало больше романтический фильм, а не жизненную правду. И на работе никто не сплетничал и не злобствовал. Да, все действительно начиналось хорошо.

Но последний год Борю очень сильно переклинило на работе. И если в свой первый отпуск они поехали вместе, в Испанию, то прошлое лето провели в офисе. И только в сентябре Борис, отводя глаза, сказал: «Тань, не могу я куда-либо поехать, пойми... А ты отдохни обязательно. Может быть, проживешь на даче недели две? Осень такая теплая, будто и лето еще не закончилось. А я к тебе буду приезжать, а?» И это тоже получилось чудесно. Боря приезжал каждый вечер, правда, уже поздно, когда спадал поток машин. Она кормила его ужином и мечтала, чтобы эти две недели тянулись долго-долго. А потом все рухнуло. Работоголик — это, оказывается, очень страшно. При упоминании о планах на следующий отпуск Борис посмотрел на нее как на врага. Последний раз они были близки в мае, когда приезжали на дачу на три дня. На этом вся близость завершилась, что страшно, не только физическая, пропало понимание друг друга, ощущение того, что рядом родной и близкий человек. На Танину просьбу отпустить ее хотя бы на неделю Борис ответил отказом. А она просто погибала: невыносимо было видеть его совсем чужие глаза.

Как-то еще зимой один из менеджеров обратился к ней с просьбой перевести небольшую статью из немецкого журнала. Коллеги ценили ее способности и знания, видели, что она загружена работой, и потому подобными просьбами не злоупотребляли. Но и Таня, в свою очередь ценя их тактичность, никогда не отказывалась помочь. Статья была об охотничьих собаках. «Мертвая хватка». Казалось бы, совершенно неуместная аналогия не давала покоя до сих пор. Боря вцепился в работу именно мертвой хваткой. Сам он не сможет расцепить челюсти, даже если и захочет, а он и не хочет этого вовсе. Собак оттаскивают от добычи, применяя какие-то отжимки или стресс. Но она ведь не сможет при-

думать или разыграть стрессовую ситуацию для любимого. Она просто не способна на такие спектакли. Хотя ее грядущее увольнение вряд ли оставит Бориса равнодушным. Но внутренний голос подсказывал: результат все равно получится печальным. Ее запишут в предатели и вычеркнут из жизни. Именно поэтому она и медлила. Хотя прекрасно понимала, что пора, пора уже делать роковой шаг. Чем дальше, тем труднее. А жить так, как жила она этот последний год, дальше просто нельзя. «Ах, мама, мамочка... Как же мне плохо без тебя. Как трудно все решать самой. Как больно. Помогите мне, пожалуйста...» Таня вздохнула.

Командировка в сибирское царство оказалась последней каплей. Неделю назад Борис вызвал ее в свой кабинет. Выглядел он радостным, но глаза блестели так, что она невольно насторожилась.

— Садись, садись скорее! Я тебе сейчас расскажу, какой контракт нам подворачивается. Открывается крупный медицинский центр в Сибири, и если нам удастся заключить с ними договор... — Он не закончил фразу и протянул Тане бумаги. — Ты читай, сама все увидишь. Ты понимаешь, что это значит для нас?! Надо туда слетать, поговорить с их руководством, устроить мини-презентацию. Так что собирайся, лучше тебя никто с этим не справится!

Да, лучше ее никто не справится. Но она не может никуда лететь и не хочет совсем. Неужели он ничего не видит?

— Боря, я не могу лететь. Понимаешь, я устала. Так устала, что, кажется, скоро просто упаду прямо в офисе или на улице. Отпусти меня, пожалуйста, хоть на недельку.

Борис отшатнулся. Глаза снова чужие.

— Это что? Капризы?! Ты отдыхала, года еще не прошло. А устают все.

— Да! Не прошло еще года! Всего десять месяцев. Но все это время я работала, не заболев ни разу, не

беря отгулы, не отпрашиваясь! Часто до позднего вечера, часто по субботам, по воскресеньям! Работала на совесть! Но больше не могу.

Борис молчал. Таня молчала тоже. Еще ни разу она не позволяла себе такой вспышки на работе. Наверное, подобная командировка, случись она год или два назад, ее бы даже обрадовала. Увидеть город, который в конце XVIII века стал столицей Сибирской губернии, побродить вдоль берегов Ангары, побывать в доме-музее декабристов — это же так интересно. Да и на Байкал, конечно, можно съездить! Но сейчас она не хотела, совсем не хотела лететь в столицу «Сибирского царства». И ответственность возложенной на нее миссии не вдохновляла. После продолжительной паузы Борис тихо сказал:

— Я ничего менять не буду. Полетишь ты. Вернешься — поговорим. Там тебя ждут в понедельник, 10 июля. Готовься, подбери материалы, проследи, чтобы тебе заказали билеты, гостиницу. Или сама, как хочешь. И чтобы все в лучшем виде!

Неделя прошла как в полусне. Таня уже все для себя решила. Она, конечно, отработает эту командировку, постарается, чтобы контракт заключили именно с ними. Ну а когда вернется, то уйдет в отпуск. Если получится. А потом, скорее всего, уволится. Наверное, Боря попытается ее удержать, а может быть, и нет. В любом случае у него ничего не выйдет. Две недели по закону, и она свободна. Мстить ей, портить трудовую книжку и репутацию Борис не станет — в этом Таня не сомневалась. Ведь он, увы, работоголик, а не подлец. Работы, как назло, накопилось много, и все требовалось сделать до отъезда, так что домой она приезжала совсем поздно. Усталость, уже почти невыносимая, росла подобно снежному кому. А в пятницу, перед самым рассветом, ей приснилась мама. Сон был удивительно ясным, но грустным. Мама

хмурилась, ругала Таню, просила приехать на дачу. Говорила, что там, на даче, незапертые ворота хлопают от ветра и мешают спать соседям. А еще, что совсем недопустимо, в доме чувствуется запах газа. Должно быть, плохо закрыт кран, и может случиться несчастье. Как странно. Уезжая в мае, Таня очень внимательно проверила дом, все закрыла. Но ведь не будет же мама сниться ей просто так? Надо ехать. Только когда? Единственный свободный день — суббота. Вещи можно собрать в пятницу после работы, пусть даже ночью, а с утра поехать на дачу. Самолет у нее в девять вечера из Домодедово. Можно свободно успеть и дом с участком навестить, и машину на стоянку в аэропорту пристроить, и поесть где-нибудь. Вечерний субботний рейс она выбрала специально, чтобы прилететь на место в воскресенье утром, оставив себе целый день свободным. Ей требовалось просто выспаться, отдохнуть в гостинице, привести в порядок и себя, и свои мысли. Иначе о чем с ней можно переговариваться? Боря против лишнего командировочного дня не возражал. Вот только поездка на дачу оказалась совсем некстати...

Вот и знакомые с детства ворота. Таня остановила машину. Замок на месте, калитка закрыта. Да... Кажется, она до сих пор впечатлительная глупая девочка, а не деловая женщина. Нельзя верить снам. Загнав машину во двор, Таня открыла дом. И дверь заперта хорошо, и запаха газа нет. Все в порядке. Последний раз, покидая дачу в мае, они с Борей аккуратно все закрыли. «Ах, мама, мамочка... Ну зачем? Зачем же ты мне приснилась? Сейчас собиралась бы спокойно в командировку. А так ночь не спала...»

Осторожно ступая по стареньким ступенькам, Таня спустилась с крыльца и пошла по дорожке в сад. «Как заросло все. Вот вернусь из сибирского царства — и уволюсь. И в отпуск не

пойду. Ничто и никто меня больше не удержит. Даже Боря...» Она слегка нахмурилась, представив реакцию Бориса на грядущие изменения в их личной и рабочей жизни. Но думать об этом сейчас не хватало сил. То есть сил просто не было совсем. А ведь надо же в аэропорт ехать. Если пройти регистрацию на рейс пораньше, больше шансов получить место в начале салона, а не в хвосте...

Таня подошла к яблоне, погладила шершавый ствол рукой. А что если отдохнуть совсем немного? Чуть-чуть? Конечно, нельзя задерживаться здесь долго! Она и не задержится, просто полежит на своем любимом диване-качалке в саду — и все. Очень быстро, боясь передумать, она побежала в дом за покрывалом и подушкой. Мельком глянула на часы. Двенадцать ровно. Ничего-ничего, она успеет, только немножечко отдохнет. Устроив себе «королевское ложе», Таня легла и... зажмурилась от счастья. Как же, оказывается, хорошо просто лежать, никуда не спешить, не лететь в командировку. Над головой — облака, такие легкие, высокие. Яблони качают ветвями, а может быть, это ее диванчик качается, качается... Только спать нельзя, а то она опоздает на самолет, а это совсем недопустимо. Она не может опоздать. Но что это? Из-за угла дома в сад, стелясь по самой траве, призрачной дымкой вползал туман. Туман? У них в саду жарким июльским днем? Этого не может быть. Так не бывает. А туман становился все гуще, заполнил сад, растворив в невесомой пелене траву, окутал корни деревьев, подобрался под Танин диванчик, но выше подниматься не стал. Откуда туман?

— Ты спи, Танечка, спи...

— Мама? Я устала, мама, я очень устала. А спать мне нельзя. У меня самолет сегодня вечером. Надо ехать. Зачем же ты мне приснилась, мамочка? Я не должна была сегодня на дачу ехать, в аэропорт мне надо.

— Тебе надо спать, просто спать. В таком состоянии за руль машины садиться опасно.

— Мама?

Таня огляделась вокруг. Нет тумана. Солнечный день. Она точно знает, что час назад проводила на работу Борю, что он ее муж. И это просто и ясно, иначе и быть не может. Она лежит в саду и смотрит на дом, такой свежий и уютный, как в детстве. А рядом с ней, в маленькой кроватке под полупрозрачным пологом, словно принцесса, спит очаровательная девочка с темными локонами, как у всех женщин в их роду. Это их с Борей дочь. А очень скоро, еще до Нового года, у них родится сын. Правда, врачи еще не сказали, что именно сын. Но они знают это сами, чувствуют. А сейчас она совсем немного поспит, чуть-чуть, пока дочка не проснулась.

— Спи, Танечка, спи...

— Мама? Мамочка, я видела счастливый сон.

— Это не сон, это будущее. Твое будущее. Ты спи...

Странная это была картина. Заросший неухоженный сад и девушка, подобная спящей царевне. Темные, слегка вьющиеся волосы обрамляли ее бледное измученное лицо. Вокруг стояла тишина. Кажется, что время изменило свой ход, замерло. И туман... Он плотно лежал на земле по всему саду. Старые яблони, казалось, выходили стволами из молочного озера. Диван-качалка убаюкивал девушку, а клубы тумана поднимались вдоль забора, защищая это чудо от посторонних взоров и звуков.

Таня спала.

* * *

Телефон, забытый в спешке на подоконнике, последний раз звякнул, всхлипнул и замолчал. Но та, кому звонили все утро, уже проснулась и вошла в комнату. Часы показывали ровно двенадцать. «Не понимаю... —

пробормотала Таня. — Они стоят, что ли? Сколько же я спала? Солнце высоко, в аэропорт точно должна успеть!» Она взяла телефон, глянула, и... Невероятно! Телефон тоже показывал двенадцать часов дня, но девятое июля! Она спала сутки, целые сутки... А самолет улетел еще вчера вечером. И теперь Боря ее просто уволит, и правильно сделает. Проспать самолет! Что она чувствовала больше: отчаяние, растерянность? Наверное, всего понемногу. А еще телефон показал ей такое количество неотвеченных вызовов, что Тане стало совсем страшно. Все звонки были, конечно, от Бориса. С трудом овладев собой, она начала стремительно собираться. Все можно исправить, если прямо сейчас поехать в Домодедово и купить билет уже за свои деньги. Тогда она утром в понедельник прибудет на место и, заскочив в гостиницу, успеет к назначенному времени на переговоры. Немыслимая оплошность! Но она все исправит, только бы билет купить.

Звонок раздался, когда Таня уже стояла на пороге. Холодея от ужаса, она нажала на кнопку с зеленой трубочкой.

— Таня! Танечка! Где ты?! Где же ты?! — Боря кричал так, что от неожиданности она чуть не выронила телефон.

— Боря... Я все исправлю.

— Танька, ты жива. Милая, любимая моя, больше никогда, слышишь, никогда тебя не отпущу. Ты только скажи, с тобой все в порядке? Где ты?

— Я на даче. Так получилось. Случайно, совсем случайно. Ты прости меня, но я опоздала на самолет. Сама не понимаю, как такое со мной произошло... Но все можно исправить, я уже выезжаю.

— Нет! Никуда, слышишь, никуда! Боже мой, ты на даче... Это чудо, это просто чудо. — Его голос сорвался. Повисла пауза. Таня ничего не понимала, она ожидала упреков, презрения.

— Боря, что случилось?

— Случилось... — как-то хрипло, сбиваясь, совсем не похоже на себя, Борис продолжил: — Случилось то, что я несколько часов думал, что тебя больше нет. Ты так не хотела в эту командировку, а я настоял. И этим убил тебя, хотя и не нарочно. И все... Оказалось, что мне больше ничего и не хочется — ни работать, ни деньги зарабатывать. Зачем все это нужно, если тебя нет. Но телефон не отвечал, и это давало надежду. Я ведь уже и билеты заказал, чтобы лететь и искать. Ну... там...

— Не понимаю.

— Танечка, ты только никуда не уезжай, хорошо? Я скоро буду. Сейчас воскресенье, машин мало. Дождись, обещаешь?

И все-таки она ничего не понимала. Только что Борис произнес такие слова, о которых уже и не мечталось. Но почему? Ей бы радоваться, но покоя не давал вопрос: почему? Что изменилось за эти сутки, сутки ее странного сна? Может быть, доллар рухнул до нуля, финансовый кризис во всем мире одновременно? Что? Благодаря близости их дачного поселка к Москве Интернет здесь бегал довольно шустро. Таня достала ноутбук и подключила модем. Затем пришлось немного подождать, пока загрузится нужный ей сайт. Лента новостей. Строчки, выделенные красным. Она беззвучно ахнула. «Катастрофа самолета, следовавшего из Москвы», «потерпел аварию пассажирский самолет, следовавший из Москвы рейсом №...», «по предварительным данным, количество погибших...», «в салоне возник пожар». Таня закрыла ноутбук. Некоторое время она сидела возле стола. Затем подошла к окну и аккуратно открыла старые рамы. Облака — такие же легкие и высокие, как и вчера, и яблони качают ветвями. «Ах, мама, мамочка... Вот почему ты мне приснилась...»

г. Москва

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 3, 4, 5, 6 за 2012 г.

АГЕНТУРНЫЙ РОМАН

Глава v. Жертвоприношение

Первое время после ликвидации вышедшего из-под контроля Лося чекист раздумывал о дальнейшей судьбе Нинки. Он опасался, что Лось мог болтнуть любовнице лишнее. Но легкомысленная красавица вряд ли обращала внимание на содержание слов Лося. Ее интересовали лишь наряды, драгоценности и развлечения. И Титов после двух месяцев общения с красавицей окончательно убедился, что она не представляет для него опасности. В первое время он просто пользовался ласками этой притягательной женщины. Для конспирации и отвода от себя подозрений в бытовом разложении оформил Нинку в качестве своего секретного сотрудника, дав ей оперативный псевдоним Шальная. Девка и вправду была отчаянная, легко знакомилась с людьми и входила к ним в доверие. Посещая рестораны и вечеринки, вскоре обросла множеством полезных связей. Все чаще стала сообщать чекисту полезную для его работы информацию. Среди ее знакомых появились известные художники, поэты, артистическая молодежь. Но особенно ценные сведения Титов получал от Нинки, помогающей высокопоставленным совслужащим,

не брезгующим хищениями, нелегально скупать дорогостоящий антиквариат, экспроприированный у дворян и богатых купчиков. По заданию Титова агентесса сводила их с нужными людьми. Выгодное посредничество приносило ей постоянный доход и нередко позволяла выуживать и приносить чекисту ценную информацию. И Титов быстро понял, что с помощью агентессы Шальной он может не только решать важные оперативные задачи, но и продолжать путь к собственному личному обогащению. Именно через Нинку он осторожно реализовывал прилипшие к его рукам изъятые у богачей и воров ценные побрякушки. Постепенно Нинка стала для него незаменимым человеком. Помимо данных на скупщиков антиквариата она год за годом поставляла сведения о гнилых интеллигентах, критикующих власть, обеспечивая Титову высокие показатели арестов врагов народа.

Так наступил 1937 год. Нинка в свои тридцать пять лет выглядела великолепно, часами ухаживая за своей внешностью. У нее для заботы о себе было много свободного времени. Она нигде не работала. Титов ей обеспечил документы прикрытия, по которым

она числилась частной портнихой-надомницей, иногда перешивая наряды для жен высокопоставленных чиновников. Но главное для нее было через болтливых заказчиц узнать о помыслах и достатке их мужей.

К тому времени вышла секретная инструкция о передаче части конфискованного у врагов народа имущества в специальные фонды для продажи по смехотворно низкой цене наиболее заслуженным чекистам. Для легальной продажи конфиската служили специальные магазины, один из которых успешно действовал на Неглинной улице. Быстро убедившись в огромной выгоде арестов людей, сумевших обогатиться, чекисты расширили круг своих ловушек. Они не стали дожидаться получения необходимых для ареста состоятельных людей сведений, сфабриковав нужные материалы. Титов оценил обстановку одним из первых. И все чаще Нинке приходилось подписывать оперативным псевдонимом Шальная сведения об антисоветских высказываниях совершенно ей незнакомых лиц. Титов терпеливо ей объяснял, что делает это для ее же пользы.

— Слушай, Нина, внимательно. Ты ведь не каждый раз при встрече приносишь мне в клюве действительно

важную информацию. Зачастую передаешь болтовню пустоголовых бабенок, перемывающих кости своим подругам. А денежное вознаграждение получаешь регулярно. Вот я и вынужден от твоего имени избаловать подлинных врагов, о которых узнал из других источников. Да не дергайся ты зря по этому поводу. Ты со своей любвеобильностью и сомнительными связями с фигурантами уголовных дел часто мелькаешь в наших оперативных сводках. И отмазывать тебя от большой беды мне пока удастся, лишь представляя начальству доказательства твоей особой ценности как агента. А потому подписывай без сомнений то, что я укажу, и будь мне благодарна.

И Нинка подписывала, хорошо понимая, что переданный ей в руки чекистов человек вряд ли когда-либо вернется домой и увидит близких. Впрочем, она скоро привыкла и уже не испытывала угрызений совести, заставив себя поверить в упорно распространяемый пропагандой лозунг «Органы правосудия в нашей стране не ошибаются».

А Титов давно уже успокоил себя нехитрым рассуждением: «Ленин считал мягкую и не способную к беспощадной борьбе интеллигенцию дерьмом. Она таковой и является по своей сути. “Кто не с нами, тот против нас”. Сейчас идет острая классовая борьба. Великий вождь Иосиф Сталин прямо определил, что по мере продвижения вперед к победе социализма эта борьба будет возрастать. А следовательно, мы, чекисты, как передовой отряд партии должны максимально очищаться от всех этих скрытых вредителей и моральных уродов. А то, что при этом государство получает дополнительные средства, конфискованные у перерожденцев, — только плюс нашей неусыпной бдительности».

Получение в ходе арестов солидных личных доходов Титов оправдывал тяготами своей работы, ночными допросами и постоянным

страхом оказаться в качестве очередной жертвы по другую сторону баррикад: «Работаю на износ, нервишки шалят. Должен же и я, подпольщик с дореволюционным стажем, получить причитающуюся мне долю в дележе всеобщего пирога благоденствия в счет будущего светлого общества».

И агентесса Нинка-Шальная немало способствовала успехам своего шефа. Так продолжалось до августа 1938 года. В этот день Нинка позвонила Титову и попросила о внеочередной встрече. По ее взволнованному голосу чекист понял, что случилось нечто чрезвычайное.

Приблизившись к дому, где располагалась явочная квартира, Титов еще раз перепроверил, нет ли за ним наблюдения, и затем вошел в подъезд. Вопреки установленному порядку Нинка пришла раньше и ждала его, опершись о подоконник. Увидев ее взволнованное лицо, Титов удержался от упрека за нарушение конспирации и, открыв дверь, впустил агентессу внутрь.

Едва войдя в комнату, Нинка нервно выпалила:

— Я, Титов, попала в беду. Выручай, иначе меня кончат где-нибудь в подворотне. Конечно, я сама виновата. Хотела от тебя утаить одно выгодное дело. Но ты не сердчай. Как говорится, ты не казни, а вели слово молвить.

— Давай не тяни. Рассказывай все по порядку.

— Дельце недавно мне подвернулось выгодное. Попросила Динка, моя хорошая приятельница, поспособствовать ей в продаже дорогого колье. Антикварная вещица из XVIII века до наших дней доплыла. У Динки неприятность случилась недавно: ее сожителя из торгашей повязали. Вот она и оказалась на мели. Понадобилась наличность на продолжение легкой и развеселой жизни, и она обратилась ко мне за помощью.

— Стоп, не части, почему я впервые об этом слышу?

— Виновата я перед тобой, Титов. Только и мне тоже красиво жить надо. Я на одни наряды для светских вечеринок и ресторанов трачусь порядочно. Вот и решила свою долю в чужой сделке поиметь. Тебе доложишь, ты колье изымаешь, винных посадишь. А мне что с того?

— Колье еще у этой Дины?

— Нет, я все устроила в течение суток. Есть такой мужик — Павел Семгин, в комиссионке оценщиком работает. Должность скромная, да барыши великие. Он как услышал о дорогом колье, так аж морда кровью налилась от жажды заполучить эту вещичку в свое владение.

— Небось ты и с Дины, и с покупателя магарыч поимела?

— Нет, Титов. Я решила подстраховаться. Ты меня учил поменьше светиться при проведении противозаконного шахера-махера и избегать ловушки наших доблестных органов. Вот я и привлекла к сделке своего приятеля Владика. Он музыкант, в ресторанах лабаёт. Ты его знаешь. Обещала, что его отблагодарит хозяйка колье, а я возьму свое от покупателя.

— Он согласился?

— Жадность оказалась сильнее страха. К тому же Дина тоже была с ним знакома. Я ей объяснила, что покупателя нашел Владик, и это не вызвало подозрений.

— Сделка состоялась?

— В тот же день вечером мне позвонил Владик и сообщил, что Семгин вопреки договоренности явился на встречу не один, а с каким-то смугловатым типом, похожим на цыгана, который якобы является специалистом по брюликам. Ну а Владика пришлось везти их обоих к Дине. Та благополучно обменяла колье на деньги, щедро одарив посредника.

— Ну а ты свою долю получила?

— Ни копейки. Покупатель обещал со мною в течение трех дней расплатиться. Но в срок не проявился, я начала ему по телефону названивать. Никто трубку не снимал. А к вечеру слух до меня дошел, что самого

Семгина, его жену и домработницу нашли зарезанными в их квартире на Страстном бульваре. Между прочим, вещи ценные не пропали. Все на месте. Я бросилась искать Владика, присутствовавшего при сделке. Оказалось, накануне вечером лабух был сбит автомашиной, скрывшейся с места происшествия.

— Думаешь, их кончина с колье связана, и за свою жизнь опасешься? Насколько я понял, после смертоубийства больше месяца прошло. Похоже, зря себя нервируешь: бандитам надолго расправу с тобой затягивать было незачем. Если бы пронюхали о твоей осведомленности, то ты бы сейчас в моем кабинете не сидела.

— Все так, Титов. Но только вчера ко мне в ресторане подкатил один тип. Все за смуглую морду его Горелым кличут. Я этого Горелого знаю по старым временам, когда еще с Лосем шилась. И тогда было не понять, он из блатных урок или удачливый торгаш. Скользкий тип. Постоянно среди знаменитостей околачивается, старается поразить всех подчеркнуто вежливыми манерами. И одевается, сволочь, шикарно, по индивидуальному заказу костюмчики шьет. Только у меня глаз наметанный: замечаю, как невольно время от времени проскальзывают жесты отпетого урки. Так вот, этот тип без лишних выкрутасов заявил, что знает о моих подпольных делах с антиквариатом и контактах с богатыми людьми, а потому просит помочь сбыть драгоценное колье, доставшееся ему от тети-дворянки. И показал фотокарточку цацки, проданной Динкой несчастному Семгину месяц назад. Я сначала струхнула: думала, по мою душу явился. Но потом поняла, он не подозревает о моей роли в состоявшейся сделке и ждет реальной помощи.

— Но ты решила судьбу не искушать и кинулась ко мне за помощью.

— А куда мне деваться? Этот тип никого из свидетелей в живых не оставляет.

— Понятно. На какой стадии сейчас дело?

— Я попросила неделю для поиска покупателя.

— Он цену назвал?

— Да, только, похоже, мужик дерзкий, а ума немного. Он назвал ровно ту же цену, которую Дина у Семгина просила.

— Да, дела, конечно, интересные. Только я не собираюсь за мусоров их работу по раскрытию убийства делать. У меня есть более интересная идея.

— Я тебя, Титов, хорошо понимаю. Недаром столько лет совместно работаем на благо государства. Только Динку и Владика жалко. Неужели этот Горелый избежит наказания?

— Об этом не волнуйся. Я позабочусь о каре небесной. А вот колье надо изъять тихо, без особого шума. Мне на подготовку операции понадобится три дня. Ты иди. Я все обдумаю и позову.

После ухода агентессы Титов нервно заходил по кабинету. Ему предстояла сложная задача — приобрести в свое владение уникальное колье. Чекист понимал, что достижение цели потребует принести в жертву кого-то из близких ему людей. Но это его не смущало. Он давно привык действовать как опытный шахматист, понимая необходимость жертвовать фигурами для одержания победы над противником. В этот раз Титов решил принести в жертву одного из своих секретных сотрудников, с которым работал уже более десяти лет. Уголовника по кличке Плуг он завербовал десять лет назад легко и просто, взяв при продаже краденой шубы. Откровенная уголовщина не интересовала чекиста, но манто принадлежало жене видного инженера оборонного предприятия. И проникновение в квартиру засекреченного специалиста привлекло внимание особистов, заподозривших, что шубу взяли для отмазки, пытаясь на самом деле получить доступ к се-

кретным сведениям. Но проверка показала, что чекисты имеют дело с обычной кражей.

Плуг с сообщником залезли в квартиру засекреченного инженера, вскрыв бесшумно отмычкой дверь, и услышали шум льющейся воды в ванной, где домработница стирала белье. Опасаясь быть застигнутыми на месте преступления, в спешке сняли с вешалки в передней дорожную шубу и поспешили уйти. Уголовники не нашли ничего лучшего, чем напрямик поехать на Тишинский рынок и ходить по рядам, предлагая свой товар. Их вскоре задержали сотрудники милиции в штатском и для проверки доставили в дежурную часть. И хотя напарник Плуга брал всю вину за кражу на себя, утверждая, что его знакомый лишь помогал ему при сбыте, Титов решил привлечь к ответственности обоих. Он понимал, что благородство сознавшегося в краже вора объясняется нежеланием получить большой срок за совершение преступления по предварительному сговору группой лиц.

Но при передаче материалов в уголовный розыск Плуг сам предложил свои услуги:

— Слушай, начальник, раз мой кореш берет все на себя, то пусть по этапу плывет один. Я тут, в Москве, тебе пригожусь. Мне вновь ехать в холодные края совсем ни к чему. Здесь теплее и сытнее.

— Это ты с милицией договаривайся. Мне твои связи среди убийц и мошенников ни к чему.

— А я вовсе не об этом толкую. Во время последней отсидки в колонии опер со мною контакт наладил. Он мне режим облегчал, а я ему политических как на рентген просвечивал. Своих блатных не предавал. Этого и не требуй. А вот предателей Родины не пощажу. Трех из интеллигентов-предателей под вышку подвел. Работать с ними несложно: кого запугаю, а кого и защищу перед блатными. Вот они мне душу и рас-

крывают. Буду работать у тебя «наседкой» и всю подноготную этих подлых врагов народа перед тобой наизнанку выворачивать. Только отмажь меня по-тихому от этой кражи шубы.

— Ну что же, заинтересовал ты меня своим предложением. Попробую для тебя что-нибудь сделать.

Плуг прошел по делу о краже шубы свидетелем, и началось его сотрудничество с чекистом. Уголовника сажали в камеру с людьми, задержанными за совершение государственных преступлений. Обычно Плуг в камере выдвигал схожую с жизнью легенду, будто, забравшись в квартиру видного военачальника, в спешке вместе с ворованными вещами прихватил какую-то свернутую в трубочку карту с дислокацией важных оборонных объектов. И теперь ему вменяют шпионаж и измену Родине. При этом он слал проклятия в адрес военспеца, в нарушение инструкций принесшего домой секретную карту. Легенда срабатывала безотказно. Да еще в пользу Плуга играл страх интеллигентных арестантов перед жизнью в лагерях. А неоднократно судимый Плуг, обильно расписанный татуировками, был для них незаменимым источником знаний об обычаях и правилах поведения в местах не столь отдаленных. Его авторитет и знания уголовного мира помогали агенту вытягивать из сокамерников нужные Титову сведения. Чекист ценил услуги Плуга и время от времени, когда агент в свободное от сидения в камере время совершал кражу, попадая в поле зрения милиции, ограждал своего подопечного от серьезных неприятностей, объясняя противоправное поведение вора избранной легендой, необходимой для обеспечения безопасности государства. Оба были довольны взаимным сотрудничеством.

Да и сам Титов был убежден, что ради высоких государственных интересов вполне оправданно до-

пустить совершение преступлений, никак не способных повредить власти рабочих и крестьян. «Уголовники в основном выходцы из бедноты. Они нам социально близки. А то, что грабят неправомерно разбогатевших перерожденцев, — это, как учил великий Ленин, есть “экспроприация экспроприаторов”. А грабить награбленное — справедливо. Только надо соблюдать меру. А Плуг в последние два года зарвался и в двух громких мокрых делах косвенно, как соучастник, засветился. К тому же стал скрывать нужную мне информацию: сдает лишь своих врагов, а закадычных приятелей покрывает. Скурвился стукачок. Пришло время от него избавляться по-быстрому. Это дело с драгоценным колье подвернулось очень кстати. Надо срочно вызывать Плуга для беседы».

На встречу Плуг явился, как всегда, точно в назначенное время. Все продумавший заранее Титов накинулся на агента с упреками:

— Слушай, Плуг, мне надоело тебя отмазывать от крупных неприятностей. Я вынужден постоянно изворачиваться и оправдываться перед начальством.

— Какие на этот раз ко мне претензии?

— Да всплыли дополнительные обстоятельства по мокрому делу о налете на семью портного-частника, работавшего по патенту. Нашелся якобы новый свидетель, который видел выходящих из его квартиры троих мужиков, несущих вещи, возвращенные в белые простыни.

— Откуда он взялся?

— Да зацепили его за недолив керосина, а он просит помиловать в обмен на информацию о зверском убийстве.

— Так что же делать?

— Я попробую тебя отмазать и в этот раз. Но мне для разговора с начальством нужны доказательства твоей лояльности к советской власти и лично мне как ее законному представителю.

— Что от меня требуется?

— Поучаствовать в нашей тайной операции. Всплыло плавающее нелегально на подпольном рынке драгоценное кольцо. Изъять его официально у нас нет возможности: могут появиться законные наследники. Возни не оберешься. Колье сейчас у некоего Горелого. Ты о нем слышал? Если нет, то это к лучшему. Колье ему через большую кровь досталось. Он свидетелей не оставляет. Убивает сразу после сделки. Вот и сейчас ищет богатого покупателя. Этим покупателем будешь ты.

— Под пулю или нож меня подставляешь?

— А ты что, беспомощный телок, у которого нет оружия?

— А если он опередит?

— А я на что? Я буду тебя страховать, присутствуя на встрече под видом оценщика-ювелира.

— Какой у вас план?

— Тебя завтра же выведет на Горелого преданный мне человек. Горелый обязательно клюнет, поскольку хочет побыстрее избавиться от опасной вещицы.

— А дальше?

— Ты немного поторгуешься, а затем согласишься, но при условии, что вы проедете к знакомому тебе ювелиру для перестраховки и консультации, чтобы не купиться на ярко блестящую дешевку из цветного стекла. Для правдоподобности намерений покажешь пачки купюр, приготовленные для расплаты. Затем привезешь его на квартиру в центре города. Адресок я тебе назову позже. Там его грохнешь. А я подстрахую, если ты вдруг замешкаешься. Все очень просто.

— На словах все тип-топ. Кстати, что за квартира, где мы его замочим?

— Да не бери в голову. Недавно врага народа с женой арестовали. Еще не успели новых жильцов заселить. Ключи при уголовном деле имеются. А когда закончим и уходим будем, дверь взломаем и оставим квартиру открытой,

пустив милицию по ложному следу. Пусть гадают, как и зачем туда попал убитый.

— Ну и последний вопрос, Титов, кто меня на Горелого выведет?

— Нинка по прозвищу Куколка.

— Я давно эту стерву подозревал в стукачестве.

— Не говори глупостей, Плуг.

Она лишь изредка помогает мне сбыть кое-что из личных вещей. И все. К тому же именно к ней обратился в поиске покупателя Горелый. Вот я ей и подскажу, что ты ныне при деньгах и готов вложить бумажные ассигнации в надежную вещь, которая всегда в цене. Короче, завтра вечером она будет в ресторане «Аврора». Вот к ней и подойдешь. Она уже в курсе дела и сведет тебя с Горелым. Сама тут же уйдет в сторону.

— Все я понял. О результатах переговоров доложу.

После ухода агента Титов удовлетворенно потер ладони: «План хорош. Я не допустил ни одной ошибки. А что фактически расшифровал Нинку перед этим уголовником, то забота небольшая: ему быть обладателем этой тайны не более двух суток. Я его ликвидирую там же, в квартире, как только кольцо перейдет ко мне».

Чекист подошел к шкафу, где хранился реквизит для оперативной маскировки. Надев серый габардиновый плащ и велюровую шляпу, он нацепил на нос очки с простыми стеклами. Дополнив гардероб франтоватым галстуком-бабочкой, встал перед зеркалом и довольно подытожил: «Я вполне в этом наряде сойду за опытного ювелира Зильберштейна Ефима Моисеевича. Мой внешний вид должен усыпить подозрения Горелого. А я и вправду здорово смахиваю на еврея в очках и с галстуком-бабочкой на шее».

Последняя мысль была ему неприятна, и Титов поспешил снять с себя маскировочное одеяние, теперь окончательно уверовав в успех задуманной операции.

Замысел его был безупречен: с самого начала действие развивалось по разработанному Титовым сценарию. Нинка познакомила Горелого с покупателем и благо-разумно отошла в сторону, потребовав в случае успеха отчислить ей процент. Далее в дело вступил Плуг, обещав доставить требуемую сумму ближе к вечеру. Затем Плуг настоял на встрече в людном месте у памятника Пушкину. Горелый проявил недовольство, но вынужден был согласиться на условия покупателя, резонно заботящегося о своей безопасности.

При встрече в ответ на показанное украдкой кольцо, лежащее во внутреннем кармане пиджака, Плуг, щелкнув замками кожаного портфеля, предъявил предназначенные для оплаты деньги. Но не спешил расплачиваться, сказав, что не хочет оказаться жертвой фарм-зона и купить ограненные стекла вместо брюликов. При этом, шадя самолюбие продавца, пояснил, что тот и сам может не знать истинной стоимости кольца. Предложение посетить ювелира поначалу смутили Горелого, но близость проживания одинокого ювелира на 1-й Тверской-Ямской и справедливость требования покупателя рассеяли последние сомнения. В его присутствии Плуг из телефона-автомата позвонил ювелиру и попросил за щедрое вознаграждение оценить кольцо. Титов, поддельвая южно-российский одесский говорок, стал отказываться, ссылаясь на занятость. Но затем нехотя согласился при условии, что клиенты подъедут к нему в течение получаса. Подслушав в трубке гнусаво протяжный голос мнимого ювелира, Горелый окончательно успокоился и, стремясь поскорее завершить сделку, поспешил вместе с покупателем по названному ювелиром адресу.

Титов, положив трубку, вытер платком вспотевшие от волнения ладони: приближался решающий момент. Надев плащ и надвинув на лоб шляпу, он проверил еще раз,

дослан ли патрон в ствол. «Старею, стал излишне тревожным. Пожалуй, пора на покой. Но сейчас меня никто не отпустит: враги все чаще поднимают голову. А хотелось бы уйти: собранных средств хватит на несколько жизней. Но не буду расслабляться. Сейчас надо не сплеховать: Горелый — субъект опасный. Пожалуй, я его ликвидирую сам, не надеясь на Плуга. Причем сразу, как только он переступит порог квартиры. Это исключит любые неприятности. Стрелять буду прямо из кармана. Плащ жалко, но жизнь дороже».

Титов нацепил на нос очки и с удовлетворением убедился, что простые стекла не помешают ему прицельно стрелять. Раздавшийся звонок в дверь заставил его вздрогнуть, но, взяв себя в руки, он открыл дверь. Тут же войдя в роль, преобразился и набросился с упреками на посетителя:

— Почему так долго? Я уже собрался уходить. Вы меня застали в последнюю минуту. Ну давайте, показывайте мне ваши камушки. В комнату не приглашаю, решим дело в передней. Только захлопните за собой дверь.

Глухой звук выстрела совпал с металлическим ляганьем замка. Сраженный пулей в сердце, Горелый упал навзничь на пол. Не ожидавший такой скорой развязки Плуг невольно отступил в сторону. Успокаивая страх соучастника, Титов пояснил:

— Этот парень всегда стреляет на опережение. Я не хотел рисковать. Сейчас обшмонаю труп: надо забрать кольцо и изъять все из карманов, чтобы его не сразу опознали.

Титов наклонился и нащупал за брючным ремнем убитого пистолет, резко его выхватил и, вскинув, нажал на курок, сразив наповал не успевшего среагировать на опасность Плуга. Теперь в прихожей рядом лежали два трупа, и надо было продумать инсценировку обстановки для запутывания следствия. Опустошив карманы жертв, Титов

втащил обоих в комнату и вложил принадлежавшее Горелому оружие ему в руку, а рядом с Плугом положил принесенный с собою неучтенный пистолет, из которого убил продавца колье. Затем достал из портфеля пару пачек денег и разбросал по полу. «Пусть милиция думает, что урки из-за добычи перестрелялись, и дело закроют за смертью обоих виновных лиц. А о колье сведения уже никуда не просочатся. По крайней мере, безделушка не появится на рынке с пяток лет. Уж я об этом позабочусь. Ну а Нинка будет молчать, кадр проверенный. К тому же мне в очередной раз жизнью будет обязана. Спас я ее от Горелого. Да и узнавший накануне о ее двойной игре Плуг уже никому ничего не расскажет».

Еще раз оглядев обстановку, Титов остался доволен и направился к выходу. Перед тем как выйти из квартиры, еще раз беспокойно проверил, лежит ли в кармане плаща добытое столь большой кровью колье, и сокрушенно покрутил головой: «Все же я излишне тревожусь. Нервы на пределе. Надо подумать, как соскочить на ходу из “конторы”. Пожалуй, начну ходить чаще по врачам. Пусть комиссуют на пенсию по состоянию здоровья. Надо только Нинку контролировать в ближайшие месяцы, чтобы убедиться, что держит язык за зубами».

Но Титов зря беспокоился. На ближайшей встрече Нинка горячо радовалась, что чекист освободил ее от угрожающего ее жизни убийцы, и каялась в утаивании сведений о продаже колье. Титов поверил в ее искренность, и их взаимовыгодное тайное сотрудничество продолжилось.

Уйти Титову на пенсию в ближайшие месяцы не удалось: через год началась война, и его, сорокатрехлетнего, отправили служить в СМЕРШ.

Перед отправкой на фронт Титов предусмотрительно исключил Нинку из агентурной сети, опасаясь, что та по бабской болтливости ляпнет что-нибудь лишнее его преемнику.

На фронте Титов быстро освоился в новых условиях. Показной липовой отчетности и здесь хватало. Дутые высокие показатели в поимке диверсантов легко достигались за счет надуманных обвинений вышедших из окружения или бежавших из плена солдат. Затем наступил этап освобождения оккупированных территорий. Поимка бывших полицаяв и иных пособников фашистов не была сильно обременительным делом: жители сами с большой охотой выдавали тех, кто их притеснял в оккупации, а главное, жил материально лучше в лихое время вражеского нашествия. Были категории лиц, которые автоматически, без особой проверки, зачислялись в предатели: сотрудники газет, выходящих на русском языке на захваченной территории, сельские старосты, а также сотрудники бирж труда, направлявшие молодежь на работу в Германию. Титову нравились его благополучие и нетрудные обязанности.

Правда, возникли трудности при работе в западных областях Белоруссии и Украины. Здесь даже несколько раз пришлось участвовать в перестрелках, отбиваясь от засевших в лесах бандгрупп. Но Титову повезло, и он уцелел.

После возвращения в Москву Титов еще поработал в органах чуть более года и запросился на пенсию, ссылаясь на ревматизм, приобретенный в ночных засадах. Врачи подтвердили диагноз и поддержали просьбу пятидесятилетнего ветерана. В этот период его разыскала Нинка и попросила о встрече. Глядя на постаревшее лицо агентессы, Титов подумал: «Да, вышла в тираж бывшая красавица. Теперь, по-

жалуй, никого толком и соблазнить не сможет. Лишь по сбыту краденого ее можно еще использовать. Наверняка сейчас сообщит о какой-нибудь дорогой цацке. Но я связываться с новым делом не буду. И так добра накоплено достаточно, а рисковать перед отставкой не стоит».

Но он ошибся. Нинка обратилась к нему по личному вопросу.

— Слушай, Титов, просьба у меня к тебе есть. Родной мне племянник оканчивает юридический институт. Возьми к себе на работу. Отец его трагически погиб, а мать, моя родная сестра, на заводе в бухгалтерии всю жизнь вкалывает. В биографии темных пятен нет.

— Это сейчас очень сложно. Отбор идет строгий. Да и в происхождении твоей сестры, полагаю, не все так гладко: слишком много интеллигенции в семье, да если покопаться глубже, то и дворянчики в родне ее мужа могут обнаружиться. Так что в чекисты ему лучше сейчас не соваться. Но у меня дружок в московской милиции служит в уголовном розыске. Вот к нему я твоего племяша и определю. А потом видно будет. Может, и удастся перетянуть со временем к нам в органы, когда себя умелым опером проявит. Давай диктуй его данные.

— Седов Виктор Юрьевич, уроженец Москвы. Спасибо тебе, Титов, воистину ты мой благодетель.

— Ну будет тебе. Свои люди, сочтемся.

Так перед уходом по болезни на пенсию Титов открыл путь в правоохранительную систему выпускнику юридического факультета Седову, которому по воле судьбы пришлось через десяток лет принять участие в расследовании нового уголовного дела, связанного с приговоренным чекистом бриллиантовым колье.

Продолжение следует.

Андрей ЛОПАТИН

Андрей Лопатин родился в Читинской области в 1963 году. Окончил технический вуз по специальности ПГС. Живет в Чите. Работает в охранном предприятии. Женат, есть дочь. Увлечения: спорт, книги, Интернет. Любимые писатели — Чехов, Тургенев. С осени 2010 года пробует писать рассказы.

ПРО ЛИТЕРАТУРУ

Жил-был литератор. Звали его Леха. Писал он много и все свои шедевры обязательно рассылал по журналам. Год так рассылал, другой, а на третий задумался — надоело ему посещать сайты журналов, не видя себя в списке авторов.

— Несправедливо! — негодовал он. — По ночам не сплю, от творчества на двадцать килограммов похудел, а они что? Какие ответы присылают! «Займитесь лучше бегом», «Примите холодный душ», «Выучите алфавит», «Не читайте себя на ночь», «Не слушайте жену и тещу», «Отключите Интернет», «Из-за вашей почты уволился третий редактор!»

Что делать дальше, литератор не знал. Но зуд и муки творчества не давали покоя.

А какие это были муки! Проснется, бывало, среди ночи, озаренный находкой, и вскрикнет: «Эврика!» Жена испуганно спросит: «Что, дорогой, что случилось?» А он: «Дурочка, тебе все равно не понять, сколько я искал этот образ! Сейчас только нашел! Вот он: нос у нее был пятачком! У героини моей нос был именно — пятачком!» Тут же соскочит и бежит записывать в тетрадку. Потом еще долго не спит, а засыпая, все повторяет: «Пятачком, пятачком...»

Наконец настал день, когда литератор отважился нанести визит редакторам самолично. Захотелось ему посмотреть на этих недоступных очкариков. А чтобы идти не с пустыми руками, он специально написал произведение, рассказ «Про жену». Для пущей важности он даже раздел ее и, как художник, списал образ.

Утром, выпив чашечку кофе, литератор переkreстился, сплюнул через плечо и отправился в первую редакцию.

— Литература должна быть литературной! — сказал ему пожилой редактор. — А у вас что? Пишете о своей героине: «Ухо у нее шевелилось!» Хотя бы какую-нибудь художественность изобразили, например: «Уши ее трепетали, как листья молодой капусты». А вот здесь: «Полные бедра в колготках!» Ну скажите, зачем вам понадобились колготки, да еще китайские? И дальше... у нее не «грудь», а «сиськи десятого размера!» Это не литература! Где вы такое видели?

— У жены, — ответил литератор, недоумевая, — у нее все литературно.

На другой день литератор принес исправленный текст.

— Что вы от меня хотите? — совсем рассердился редактор. — Снова принесли мне сиськи, только теперь пятнадцатого размера! Нет, нет и нет! Меня этим не купить! Староват уже!

Сплюнул литератор от досады и пошел к другому редактору.

— Литература должна быть правдивой, — сказал ему другой редактор помоложе. — Наш журнал строго реалистического направления. А у вас что? Где вы видели, чтоб у собственной жены сиськи были десятого размера? Всем давно известно, что десятого бывают только у чужих жен!

— Это как же? — обиделся литератор. — Ведь я самолично списывал, да у моей Аннушки...

— Вот приведите свою жену, ее и опубликуем! А так — извините, нет, нет и нет!

Загрустил литератор. Сплюнуть уже и слюны не осталось. Но к нему пришла заманчивая идея: «А может, в редакцию журнала фантастики сходить? Может, там сиськи оценят?»

Редактор почесал затылок на серебристом шлеме, потом снял его с головы и сказал:

— Нет! С такими земными данными в космос отправлять вашу героиню нецелесообразно. В повышенном гравитационном поле при длительном контакте с предметами астрального мира, в момент прохождения их через лучи X, эти две биологические составляющие могут вызвать волну, которую уловят враждебные цивилизации...

Долго слушал литератор его речь, потом обреченно встал и тихо вышел на улицу... «В редакцию поэзии! — мелькнула новая догадка. — Там еще я не был!»

Худая, как тростинка, редактор-поэтесса нахмурила брови.

— Что-то не рифмуется «колготки» и... — она покраснела, — и «сиськи»! Где тут поэзия и кто поэт?

— Главная героиня. Она в моем рассказе поэтесса!

— Где вы видели тучных поэтесс? И с таким бюстом! Поэзия женщину истощает! Это только прозаики бывают упитанными. Хотите похудеть — станьте поэтом! — она гордо приоткрыла под пиджаком едва заметный намек груди и добавила: — Обижаете вы нас, автор! И всю поэзию в моем лице!

Совсем было отчаялся литератор. Но в городе оставалась еще одна редакция — журнала «Железнодорожный путь». «А чего мне выбирать? Может, там улыбнется счастье?»

Редактор встретил приветливо.

— У вас статья?

— Да! Про сиськи.

Он внимательно ознакомился и сказал:

— Ну что вы! Мы одну Анну уже раздавили паровозом, а вы хотите, чтобы еще грех на себя взяли... — тут он сделал паузу и закатил глаза. — А впрочем... какого, пишете, размера сиськи? Десятого? Заманчиво... Надо подумать. А может, ее в рубрику «Электросетевые коммуникации»? Нет, не подходит. А если в «Подвижные сцепки»? Ей-богу, материалчик-то интереснейший...

У литератора даже в горле запершило: вот она, эта счастливая минута, как она близка! Но редактор вдруг опустил глаза и отрезал:

— Нет! Если бы у нее талия была в три обхвата, то можно было бы в рубрику «Крупногабаритные цистерны»! А так — извините, не могу.

— Что же мне делать? — упал духом литератор.

— А сходите-ка к издателям, — посоветовал редактор на прощание. — Говорят, сиськи им позарез сегодня нужны.

С последней надеждой литератор ступил на порожек крупного издательства.

— Так, так, так! — пройдясь по кабинету с листками в руках, заинтересовался розовощекий издатель. — Это интересно! Десятого размера! Где ж вы раньше-то были?

— По редакциям журналов ходил...

— Где, где? И вам, конечно, сказали «не литературно» и везде отфутболили?

— Везде...

— Это и немудрено. Не вы первый и не вы последний, с кем они так обошлись. Ну ничего, — он задумался, — скоро перестанут ломаться: посидят на черном хлебе и сами начнут всем звонить! Чертовое племя!

Тут он громко рассмеялся:

— «Сиськи» им не литературно! Ишь какие цацы! — потом присел на кресло рядом с литератором. — Вот что, дорогой Леха, какие еще рассказы у вас есть? Для отдельной книги этого будет маловато.

— Много еще есть. Про тещу есть. Про рыбалку, где видел русалку.

— Замечательно! Но желательно еще повесть написать. Или этот рассказ растянуть. Сколько времени потребуется? Не менее восьми авторских листов нужно.

— Я быстро пишу, — едва выговорил литератор с радости, — за три ночи настрою!

— Вот и лады, — сказал издатель и, подумав, посоветовал: — Желательно бы в повести отразить любовный треугольник: вы, жена и теща. — Он еще подумал и еще посоветовал: — И хорошо бы включить внезапное возвращение тестя из тайги. Двустволка у тестя есть? А лучше с мечом джедая. В общем, побольше фантазии — будет бестселлер! Я знаю, что надо читателю.

Литератор чувствовал себя на седьмом небе, когда вышел на улицу. Проходя обратно мимо редакций журналов, он невольно плевался. Откуда-то снова появилась слюна. Глядя на их двери, он уже не скрывал негодования: «Не литературно! Ишь какие цацы! Еще позвоните мне!»

Галка ГАЛКИНА

Прежде чем стать Генсеком, Горбачев полетел в Англию и два часа беседовал с М. Тэтчер один на один. Она ему сказала: «Мировое правительство тебя делает Генеральным секретарем ЦК КПСС при условии, что развалишь СССР... Чтобы проложить кабель засекреченной аппаратуры связи длиной 1 км между министерствами в пределах центра Москвы, по закладным в колодцах нужно работать около недели...

Тут был фокус в другом. В трубку поместили станцию, которая была пустая, но имелся маршевый двигатель, чтобы ее направить в океан, а то на Земле увидят, что она пустая...

Я хотел подписать это послание своим именем Владимир, но понял, что, оказывается, вождь Владимир Ленин, президент Владимир Путин и патриарх Кирилл (Владимир Гундяев) носят одно и то же имя. Мне стало стыдно за мое имя, и я подписываюсь Иванов Иван Иванович!

Красная площадь, 1, ГИМ, Москва

Галка ГАЛКИНА:

Иван Иваныч, поздно, батенька, Вы спохватились! Раньше надо было письма писать и разоблачать. А теперь что же кулаками махать-то?! Ну ездил, ну слушал, ну в Англию, ну к М. Тэтчер. Да хоть на Пиккадилли! Но ведь теперь от этого не легче, куда ездил и кого слушал.

Березовский, олигархи, Ленин, Сталин, Путин... Надо, товарищ, вперед более пристально всматриваться, чтобы потом не сокрушаться по поводу подземных кабелей и станций с дешевым двигателем!

Кто не смотрит вперед, тот обречен, как говорится, вечно смотреть назад!

Но подойдем к проблеме с другого боку!

А если, Иван Иванович Вы наш драгоценный, Вы все знали и молчали, то что это, как не соучастие?

Нет, Иван Иванович, он же — Владимир, настала пора каждому отвечать за свои поступки!

А Вы, да, лично Вы где были в то время, когда Горбачев ездил к Тэтчерихе?

Наблюдали и молчали?

Вот то-то и оно, что стыдно!

Нехорошо, Иван Иваныч!!!

Больше так не делайте...

Последнему футболисту посвящается

ФАЗА МЕСЯЦА:

Кака Насри

От ворот до ворот!

- ☺ *Насри (фр.) в штрафной площадке!*
- ☺ *Кака за пределами Европы!*
- ☺ *Если ты Пильгуй, то заинтригуй!*
- ☺ *Акинфеев плюс Малафеев — и получится Гонтарь!*
- ☺ *Где Колина — нет малины!*
- ☺ *Дик Адвокат прокуратуре рад!*
- ☺ *Погребняк сыграл рукой и ушел на водопой!*
- ☺ *Куплю ирокез у Аршавина!*
- ☺ *На табло опять бабло!*
- ☺ *Ехал грека через реку, вез абреку чебуреку!*

Инсайды беков и хавбеков

- ☼ *Футбол бывает пляжный, продажный и вальяжный!*
- ☼ *На гол забей, Насри (фр.) в штрафной!*
- ☼ *Насри (фр.) и Кака (бр.) на одном поле не лягут!*
- ☼ *Кака и Насри, их два, а не три!*
- ☼ *Насри (фр.) на Аршавина (дал пас), но не точно.*
- ☼ *Аршавин сделал Кака!*
- ☼ *Каков Пильгуй, таков и Гонтарь!*
- ☼ *Дед Газзай и зайцы!*
- ☼ *Фурсенко и Мутко лупят в молоко!*
- ☼ *За Аршаву обидно!*

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ НАСРИ:
Кака

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Подписка на год

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001										
	Расчетный счет № 40703810138040100906										
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225										
	Корр. Счёт: 30101810400000000225										
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____										
	Телефон: _____ E-mail: _____										
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа:</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</td> <td></td> <td>2220,00</td> </tr> <tr> <td colspan="3">Плательщик:</td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа:	Дата	Сумма	Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		2220,00	Плательщик:	
Вид платежа:	Дата	Сумма									
Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		2220,00									
Плательщик:											

Подписка на полгода

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001										
	Расчетный счет № 40703810138040100906										
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225										
	Корр. Счёт: 30101810400000000225										
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____										
	Телефон: _____ E-mail: _____										
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа:</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</td> <td></td> <td>1200,00</td> </tr> <tr> <td colspan="3">Плательщик:</td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа:	Дата	Сумма	Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		1200,00	Плательщик:	
Вид платежа:	Дата	Сумма									
Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		1200,00									
Плательщик:											

Копию оплаченной квитанции можно отправить в редакцию журнала «ЮНОСТЬ» по факсу: 8(499) 250-40-60, 8(499) 250-40-74, по электронной почте: unost-reklama@mail.ru. Телефон для справок: 8(499) 250-40-72/74.